

СБОРНИКИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ»
Выпуск XI

**РОССИЙСКИЕ ЮРИСТЫ
В ИСТОРИИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
(к 300-летию Российской академии наук)**

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2024

УДК 340(470)
342(470)
ББК 67.1(2)6я43
67.1(2)5я43
П71

Серия «Историческое правоведение». Основана в 2014 г.

Научные редакторы серии:

Д. И. Луковская, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; *Н. В. Дунаева*, д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия выпуска:

В. В. Архипов, д-р юрид. наук, профессор; *Н. В. Дунаева*, д-р юрид. наук, доцент; *Н. Н. Ефремова*, канд. юрид. наук, профессор; *О. М. Карамышев*, канд. юрид. наук, доцент; *И. Ю. Козлихин*, д-р юрид. наук, профессор; *В. В. Лапаева*, д-р юрид. наук, профессор; *Л. Е. Лаптева*, д-р юрид. наук, профессор; *Д. И. Луковская*, д-р юрид. наук, профессор; *Н. С. Нижник*, д-р юрид. наук, профессор; *Н. И. Новикова*

Рецензент:

И. В. Тункина, член-корр. РАН, д-р ист. наук

Электронная копия издания находится в электронном фонде Президентской библиотеки и доступна на портале www.prlib.ru

Научные издания Президентской библиотеки индексируются в национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования» и доступны на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

Президентская библиотека (Санкт-Петербург).

П71

Сборники Президентской библиотеки / Президент. б-ка. – СПб.: Президентская библиотека, 2011–... .

Серия «Историческое правоведение» / науч. ред.: д-р юрид. наук, проф. *Д. И. Луковская*, д-р юрид. наук *Н. В. Дунаева*. – 2014–... .

Вып. 11: Российские юристы в истории академической науки : (к 300-летию Российской академии наук) : сборник научных трудов / редкол. вып.: *Д. И. Луковская*, д-р юрид. наук (науч. ред.), *Н. В. Дунаева*, д-р юрид. наук (науч. ред.) [и др.]. – 2024. – 301, [1] с.

ISBN 978-5-6052442-0-2

Новый научный сборник серии Президентской библиотеки «Историческое правоведение» посвящен 300-летию юбилеям Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета, история которых неразрывно переплетена. Обзором творчества ряда крупнейших деятелей российской науки, культуры и просвещения, связанных с историей этих прославленных организаций, отмечены важные вехи развития отечественного академического правоведения на фоне общей истории академии. В сборнике публикуются научные статьи правоведов и историков, малоизвестные материалы, ряд документов впервые вводится в научный оборот. Традиционный раздел «Научная жизнь» полностью посвящен юристам – выпускникам и профессорам Санкт-Петербургского государственного университета, ставшим академиками, членами-корреспондентами или почетными членами Российской академии наук.

Издание адресовано научному сообществу и широкому кругу читателей, изучающих правовое и историко-культурное наследие нашей страны.

УДК 340(470)
342(470)
ББК 67.1(2)6я43
67.1(2)5я43

PRESIDENTIAL LIBRARY COLLECTIONS

“STUDIA HISTORICO-JURIDICA” SERIES

Issue 11

**RUSSIAN LAWYERS IN THE HISTORY
OF ACADEMIC SCIENCE
(to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Science)**

Collection of research works

St. Petersburg
The Presidential Library
2024

“Studia Historico-Juridica” Series. Established in 2014

Scientific editors of the series:

Dr. (Law), Prof. *Genevra I. Lukovskaya*, Honored Scientist of Russian Federation;
Dr. (Law) *Natalya V. Dunaeva*

Editorial board of the issue:

Dr. (Law), Prof. *V. V. Arkhipov*; Dr. (Law), Ass. Prof. *N. V. Dunaeva*;
PhD. (Law), Ass. Prof. *O. M. Karamyshev*; Dr. (Law), Prof. *I. Y. Kozlikhin*; ;
Dr. (Law), Prof. *V. V. Lapaeva*; Dr. (Law), Prof. *L. E. Lapteva*;
Dr. (Law), Prof. *G. I. Lukovskaya*;
Dr. (Law), Prof. *N. S. Niznik*; *N. I. Novikova*

Reviewer:

Correspondent member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Habil. (History)
Irina V. Tunkina

The digital copy of the publication
is transferred to the Presidential Library for use and distribution
and available at www.prlib.ru

The serial collections are included
into the national information-analytical system Russian Science Citation Index
and available on the website of the Scientific Electronic Library
www.elibrary.ru

Presidential Library (St. Petersburg).

P71 The Presidential Library collections / Presidential Library. St. Petersburg:
Presidential Library, 2011–

“Studia Historico-Juridica” / sci. eds.: Dr. (Law), Prof. *Genevra I. Lukovskaya*,
Dr. (Law) *Natalya V. Dunaeva*. – 2014–

Issue 11 : Russian lawyers in the history of academic science (to the 300th
anniversary of the Russian Academy of Science) / [ed. board: Dr. (Law), Prof.
G. I. Lukovskaya (sci. ed.), Dr. (Law), Ass. Prof. *N. V. Dunaeva* (sci. ed.) [et al.]. –
2024. – 301, [1] p.

ISBN 978-5-6052442-0-2

The new scientific collection of the Presidential Library’s “Studia Historico-Juridica” series is dedicated to the 300th of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University anniversary foundation. Reviews of the work of a number of the largest figures of Russian science, culture, and education related to the history of these renowned organizations have marked important milestones in the development of Russian academic jurisprudence against the background of the general history of the Academy. The collection publishes scientific articles by jurists and historians, little-known materials, and a number of documents are introduced into scientific circulation for the first time. The traditional section “Scientific Life” is entirely devoted to lawyers, graduates, and professors of St. Petersburg State University, who became academicians, corresponding members, or honorary members of the Russian Academy of Sciences.

The publication is addressed to the scientific community and a wide range of readers studying the legal, historical, and cultural heritage of our country.

Содержание

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

- Д. И. Луковская, Н. В. Дунаева.* К 300-летним юбилеям Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета..... 10

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Михаил Михайлович Сперанский

- Д. И. Луковская, Н. В. Дунаева.* Михаил Михайлович Сперанский и российские академии: документальные свидетельства 17

Дмитрий Николаевич Блудов

- Н. В. Дунаева.* Д. Н. Блудов в Императорской Академии наук: от почетного членства к президентству..... 49

- А. В. Никитенко.* Воспоминание о бывшем президенте Академии наук графе Д. Н. Блудове. Речь, произнесенная на заседании Общего собрания Академии наук 6 марта 1864 года..... 70

Николай Васильевич Калачов

- Н. В. Дунаева.* Николай Васильевич Калачов: у истоков российской юридической археологии..... 79

Максим Максимович Ковалевский

- А. Ф. Кони.* М. М. Ковалевский в законодательной деятельности 109

- М. М. Ковалевский:* из выступлений 1901–1914 годов (Публикация и комментарии Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой) 128

- Речь, посвященная памяти деятелей реформы 19 февраля 1861 года (1901 год) 128

- Речь при открытии первого Съезда народных университетов в России (1908 год) 132

- Речь, произнесенная на заседании, посвященном памяти Ф. М. Достоевского (1914 год)..... 137

- Решение Министерства народного просвещения от 4 ноября 1914 года об утверждении М. М. Ковалевского ординарным академиком..... 142

- Е. А. Ростовцев.* Идеолог и практик «гражданской солидарности» 143

Анатолий Васильевич Венедиктов

- А. В. Венедиктов в Коммунистической академии (Подготовка документов к публикации и комментарии Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой)..... 161

Илья Павлович Трайнин

- Н. С. Нижник, Н. В. Дунаева. Академик И. П. Трайнин в историографии и архивных документах 190

Владимир Николаевич Кудрявцев

- Д. И. Луковская, М. С. Куликова. Владимир Николаевич Кудрявцев – человек науки 225

Владик Сумбатович Нерсесянц

- В. В. Лапаева, Л. Е. Лаптева, Н. Н. Ефремова. Владик Сумбатович Нерсесянц – философ права, друг, учитель 235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е. А. Яцук, О. В. Анисимов. Юристы – профессора Санкт-Петербургского университета в Российской академии наук: 300 лет на службе отечественной науке..... 252

Contents

MEMORABLE DATES

- Genevra I. Lukovskaya, Natalya V. Dunaeva.* To the 300th anniversaries of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University..... 10

PAPERS AND ARCHIVALIA

Mikhail Mikhailovich Speransky

- Genevra I. Lukovskaya, Natalya V. Dunaeva.* Mikhail Mikhailovich Speransky and the Russian Academies: documentary sources 17

Dmitriy Nikolaevich Bludov

- Natalya V. Dunaeva.* D. N. Bludov at the Imperial Academy of Sciences: from Honorary Membership to the Presidency..... 49

- Alexander V. Nikitenko.* Reminiscence on the former President of the Academy of Sciences, Count D. N. Bludov: The speech at the session of the General Assembly of the Academy of Sciences, March 6, 1864 70

Nikolay Vasilyevich Kalachov

- Natalya V. Dunaeva.* Nikolay Vasilyevich Kalachov: at the starting of Russian legal archeography 79

Maxim Maximovich Kovalevskiy

- Anatoliy F. Kony.* M. M. Kovalevskiy in legislative activity 109

- M. M. Kovalevskiy: some speeches in 1901–1914 (Publication and comments by G. I. Lukovskaya, N. V. Dunaeva)..... 128

- Speech dedicated to the memory of the figures of the Reform of February 19, 1861 (1901)..... 128

- Speech at the starting of the first Congress of People's Universities in Russia (1908) 132

- Speech at the meeting dedicated to the memory of F. M. Dostoevskiy (1914) 137

- Resolution of the Ministry of Public Education of November 4, 1914 to approve M. M. Kovalevskiy as an ordinary academician 142

- Evgeny A. Rostovtsev.* Ideologist and practician of “civic solidarity” 143

Anatoliy Vasilyevich Venediktov

A. V. Venediktov at the Communist Academy (Publication and comments by
Genevra I. Lukovskaya, Natalya V. Dunaeva)..... 161

Ilya Pavlovich Trainin

Nadezda S. Niznik, Natalya V. Dunaeva. Academician I. P. Trainin in historio-
graphy and archival documents..... 190

Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev

Genevra I. Lukovskaya, Maria S. Kulikova. Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev –
a Man of Science 225

Vladik Sumbatovich Nersesyants

Valentina V. Lapaeva, Lyudmila E. Lapteva, Nadezhda N. Efremova. Vladik
Sumbatovich Nersesyants – philosopher of law, friend, teacher 235

SCIENTIFIC LIFE

Ekaterina A. Yatsuk, Oleg V. Anisimov. Lawyers – professors of St. Petersburg
University at the Russian Academy of Sciences: 300 years in the service to
national science..... 252

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

К 300-летним юбилеям Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета

Правовая наука в России относительно других областей академических знаний довольно долго шла к своему расцвету, хотя ее институционализация была обозначена уже в первых документах Императорской Академии наук и художеств, учрежденной 28 января 1724 года в столице Российской империи¹. Согласно «Проекту положения об учреждении Академии наук в Петербурге», утвержденному 22 января 1724 года на заседании Сената и выполнявшему до 1747 года функции Устава, академия разделялась на три класса, из которых юриспруденция была отнесена к третьему (гуманитарному) вместе с красноречием, археологией, древней и современной историей². Между этими классами распределяли 11 штатных ставок академиков, и, таким образом, изначально среди них не могло быть много юристов.

Первым ученым по кафедре правоведения при Академии наук³ стал доцент Кёнигсбергского университета Иоганн Симон Бекенштейн

¹ См.: Указ Петра I Правительствующему Сенату «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга» от 28 января 1724 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4443. С. 223; Летопись Российской Академии наук / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники. С.-Петербург. фил.; гл. ред. Ю. С. Осипов. СПб.: Наука, 2000–. Т. 1: 1724–1802. С. 37.

² Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. С. 31–39.

³ Особенностью структуры новой академии стал синтез функций научного и образовательного учреждения. Первый президент Академии наук Лаврентий Блюментрост (1692–1755) так пояснял немецкому философу, ученику Готфрида Вильгельма Лейбница Христиану фон Вольфу (1679–1754) вскоре после объявления о создании академии в России: «Это не университет, а также и не Академия наук (academie dessciences), а скорее некая композиция из того и другого...». Как подчеркивает известный исследователь истории науки Г. И. Смагина, «Академия наук в Петербурге была создана по инициативе государственной власти, находилась на государственном обеспечении, научная деятельность ее членов являлась родом государственной деятельности. Пользуясь необходимой для научного учреждения свободой в выборе предметов и методов исследования, Академия наук в то же время выполняла непосредственные практические задачи, поставленные государством, и служила для него консультантом в вопросах, связанных с наукой». См.: Смагина Г. И. Организационная модель Петербургской Академии наук как синтез европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности ученого и научных

(1684–1742), занимавшийся историей публичного права и вопросами геральдики. Контракт с ним действовал с декабря 1725 года по май 1735 года (по окончании контракта он стал иностранным почетным членом академии)¹. Вслед за ним в сентябре 1738 года на должность профессора прав был назначен другой иностранец – Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон (1704–1790)², который занимал ее почти два десятка лет с перерывами³.

В 1759 году по предложению М. В. Ломоносова и рекомендации профессора математики академика Христиана Гольдбаха, выбывшего из академии десятилетием ранее, первым российским юристом в должности профессора общего права и действительного члена Академии наук стал Георг Фридрих Федорович (1730–1790), чья академическая карьера продолжалась в Петербурге до 1770 года. Родившийся и получивший юридическое образование за рубежом, он переехал в столицу России, где на службе при Медицинской канцелярии, а затем в Адмиралтействе освоил русский язык и изучил российское право. При рассмотрении его кандидатуры на место профессора юриспруденции в академическом университете в 1759 году отмечалось, что он – наиболее способный претендент, к тому же «показал себя знатоком римского права и трудов западноевропейских философов и юристов... но ему надо изучить русское право и практиковаться в переводе юридических лекций на русский язык. <...> Он может быть профессором при условии, что хорошо изучит русский язык и изложит русское уголовное право», а также выдержит публичный экзамен по общему порядку»⁴.

коллективов / ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук» (Москва). 2017. № 3 (33). С. 15.

¹ См.: *Шемиот В. П.* Общий список членов Академии наук со дня ее основания / сост. В. П. Шемиот, архивариус Конференции Академии. [СПб.], 1873. С. 4; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук: в 2 т. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1870–1873. Т. 1. 1870. С. 197–210. URL: <https://www.prlib.ru/node/416798>; *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX вв.: очерки жизни и творчества: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. С. 90–98.

² До своего избрания в Академию наук Штрубе де Пирмон долгое время состоял на службе у герцога Курляндского Э. И. Бирона. См.: *Летопись Российской Академии наук.* Т. 1. С. 218.

³ См.: *Шемиот В. П.* Общий список членов Академии наук... С. 6; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук. Т. 1. С. 671–689.

Одной из причин отставки Штрубе де Пирмона стало плохое владение русским языком, а ключевую роль в замене профессора права сыграл М. В. Ломоносов. См.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук. Т. 2. С. 960.

⁴ См.: *Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год:* Т. 1–4. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1897–1911. Т. 2: 1744–1770. 1899. С. 436–437.

Начиная с XIX века в связи с возрастанием роли права в развитии государства и общества процесс институционализации правовой науки в структуре Российской академии наук (РАН) происходил все более интенсивно, поначалу – в лоне историко-филологического направления¹. В начале XX века на фоне крупных социально-политических и социально-экономических изменений в стране, обновления законодательства, накопления юридических знаний и правоприменительной практики в академии наметился переход к образованию самостоятельных отраслевых научных секторов (например, в 1914 году первым академиком по государственному праву был избран М. М. Ковалевский²).

Революционные события 1917–1920 годов не просто привели к кризису сохранившихся в переходный период прежних структур Академии наук, но потребовали создания абсолютно новых в связи с упрочением в бывшей Российской империи новой идеологической парадигмы как части полного изменения основ общественного строя – этот параллелизм (Академия наук vs Коммунистическая академия) допускался советской властью до 1936 года. Новая правовая наука развивалась быстрыми темпами в структурах Коммунистической академии (Комакадемии), где не только проводились исследования правовых проблем революционной эпохи учеными, получившими образование в императорских университетах, но также шла ускоренная подготовка будущих членов академического сообщества.

Развитие правоведения в рамках Комакадемии связано с именами ниспровергателей буржуазного права П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса – организаторов секции права в Комакадемии (1922) и Института советского строительства и права (1931), а в объединенной Академии наук СССР (АН СССР) – академиков (с 1939 года) А. Я. Вышинского и И. П. Трайнина³, последовательно возглавлявших Институт права АН СССР в 1939–1947 годах. Далеко не всем членам советского академического сообщества удалось в трудное для страны время 1920–1940-х годов благополучно выстроить научную и академическую карьеру, как, например, академику (с 1958 года) А. В. Венедиктову, прошедшему в экономико-правовой науке несколько сложных периодов с дореволюционных лет до конца 1950-х годов⁴.

¹ См. с. 79–107 наст. изд. Все документы в сборнике приведены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, но с сохранением особенностей оригинала.

² См. с. 142 наст. изд.

³ См. с. 189–199 наст. изд.

⁴ См. с. 161–188 наст. изд.

Расцвет советского академического правоведения пришелся на вторую половину 1960-х – 1980-е годы, и его центром оставался Институт государства и права (ИГП АН СССР), работавший в тесном взаимодействии с другими академическими структурами и университетами СССР и союзных республик. Заслугами института стали сохранение и развитие лучших традиций российской науки, освоение новых исследовательских методов, разработка новых научных концепций во всех отраслях системы права, обеспечение преемственности законодательства и экспертная разработка сложнейших правовых проблем методологического и практического характера при формировании правовой системы Российской Федерации. С 1973 года до конца 1980-х знаменитый ИГП АН СССР возглавлял крупнейший отечественный ученый, криминолог, теоретик и государствовед, академик (с 1984 года), вице-президент Академии наук В. Н. Кудрявцев¹, а в 1989–2004 годах – в трудный период перехода от советского права к праву Российской Федерации – академик-секретарь Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, академик (с 1991 года) Б. Н. Топорнин. В стенах института, как и во многих других учреждениях науки и высшего образования, развивалось научное творчество ученых-правоведов, ставших членами академического сообщества уже в XXI веке.

Новый научный сборник Президентской библиотеки серии «Историческое правоведение» посвящен 300-летним юбилеям РАН и Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), история которых неразрывно связана. Редакционная коллегия выпуска не стремилась охватить весь круг ученых-юристов, внесших свой вклад в академическую науку (в определенной мере этот пробел восполняется содержанием раздела «Научная жизнь», который посвящен юристам – выпускникам СПбГУ, ставшим академиками, членами-корреспондентами или почетными членами РАН). В сборнике на примере ряда крупнейших деятелей российской науки, культуры и просвещения, связанных с историей Академии наук и СПбГУ, отмечены некоторые важные вехи развития отечественного академического правоведения на фоне общей истории академии.

Научную разработку темы настоящего выпуска серии Президентской библиотеки вряд ли возможно когда-либо полностью завершить, поскольку история правовой науки, в том числе академической, творится каждый день, а результаты научного осмысления опыта предшественников обобщаются в диссертациях, монографиях, статьях,

¹ См. с. 225–233 наст. изд.

крупных исследовательских и научно-издательских проектах ведущих научных организаций России¹.

В современную эпоху, как никогда ранее, расширяются теоретические и источниковые основы дальнейшего системного изучения истории российского академического правоведения, развитие которой отмечено волнообразным характером в силу общих тенденций российского исторического процесса и особенностей организации и функционирования национальной социогуманитарной науки на протяжении ряда столетий. При этом исследование как пиков, так и переходных периодов между ними в истории науки не препятствует ее целостному восприятию, чему служит и такой важный инструмент познания, как историческая память, а также постоянно расширяющийся (в том числе благодаря развитию информационных технологий) доступ к документальным свидетельствам разных эпох в фондах архивов, библиотек, музеев, иным институтам памяти.

Благодарим глубокоуважаемых ученых, принявших участие в создании сборника, а также руководство и коллективы Архива РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук, Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета за оказанную поддержку при подготовке материалов.

Научные редакторы серии «Историческое правоведение»

Дженевра Игоревна Луковская,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Наталья Викторовна Дунаева,
доктор юридических наук, доцент

¹ ИПП РАН недавно начал издание многотомной серии монографий о ведущих ученых-правоведах, работавших в институте. На сайте организации уже представлены издания об академике В. Н. Кудрявцеве, В. В. Лаптеве, В. С. Нерсисянце, И. П. Трайнине, членах-корреспондентах АН СССР и РАН Д. А. Керимове, В. М. Чхиквадзе, М. С. Строговиче, П. С. Ромашкине, О. С. Колбасове.

К 100-летию одного из ведущих российских научно-исследовательских учреждений – Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – выпущено издание: *Летопись российской юридической науки = Chronicle of Russian legal science / ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации, Российское историческое общество; отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. М.: ИЗИСП при Правительстве Российской Федерации, 2023. Ч. 1–5.*

**НАУЧНЫЕ СТАТЬИ
И ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ**

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ
(1 января 1772 года – 11 февраля 1839 года)



*Разумихин П. И. Литографический портрет М. М. Сперанского.
Литография. 27,9 × 19 (1845)*

Источник: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 637 (К. Г. Репинский). Д. 852. Л. 1

Почетный член Императорской Академии наук (с 12 мая 1819 года)

Почетный член Императорской Российской академии (с 21 мая 1821 года)

Действительный член Императорской Российской академии (с 25 октября 1830 года)

Михаил Михайлович Сперанский и российские академии: документальные свидетельства

На основе архивных материалов, часть которых впервые вводится в научный оборот, представлены поддержка М. М. Сперанским развития академической науки в России и оценка его заслуг перед государством и обществом двумя российскими академиями – Академией наук и Российской академией.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, Императорская Российская академия, М. М. Сперанский, С. С. Уваров, А. С. Шишков, русский язык, история науки.

Genevra I. Lukovskaya, Natalya V. Dunaeva

Mikhail Mikhailovich Speransky and the Russian Academies: documentary sources

M. M. Speransky's support for the development of academic science in Russia and the assessment of his services to the state and society by two Russian academies – the Academy of Sciences and the Russian Academy is presented. The authors are based on archival materials, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

¹ *Луковская Дженевра Игоревна* – Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования России, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Genevra I. Lukovskaya – Saint Petersburg State University, Dr. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honorary Professor of St. Petersburg State University.

d.lukovskaya@spbu.ru

Дунаева Наталья Викторовна – Президентская библиотека, главный научный сотрудник отдела экспертизы фонда, доктор юридических наук, доцент.

Natalya V. Dunaeva – Presidential Library, Chief Researcher of the Foundation's Expertise Department, Dr. (Law), Associate Professor.

dunaevanv@prlib.ru

© Д. И. Луковская, Н. В. Дунаева, 2024

Keywords: Imperial Academy of Sciences, Imperial Russian Academy, M. M. Speransky, S. S. Uvarov, A. S. Shishkov, Russian language, history of science.

М. М. Сперанский был связан с академической наукой на протяжении всей своей государственной деятельности, хотя, казалось бы, объем и напряженность его служебных обязанностей не оставляли времени на систематические занятия научными исследованиями. Подготовка масштабных государственных и правовых реформ, разработка законопроектов, работы по систематизации российского законодательства, исполнение множества других важных поручений российских монархов всегда требовали от него глубокой аналитической работы, постоянного изучения массивов информации разнообразного характера (социально-правового, историко-правового, финансово-правового, сравнительно-правового и др.)¹. Таким образом, в профессиональной деятельности М. М. Сперанского всегда присутствовал исследовательский компонент, который и в наше время – неотъемлемая часть профессиональных компетенций любого юриста.

М. М. Сперанский являлся почетным членом ряда высших учебных заведений: Казанского университета (с июня 1819 года), Московской духовной академии (с сентября 1822 года), Харьковского университета (с ноября 1826 года), Петербургского университета (с января 1829 года), Киевского университета Святого Владимира (с ноября 1835 года); научных и любительских обществ: Фармацевтического общества (с января 1801 года), Вольного экономического общества (с апреля 1801 года), Петербургского вольного общества любителей российской словесности (с февраля 1819 года), Казанского общества любителей отечественной словесности (с мая 1819 года), Московских обществ любителей природы (с декабря 1819 года) и сельского хозяйства (с декабря 1820 года), Общества любителей коммерческих знаний (с ноября 1827 года). Кроме того, он был удостоен звания члена-корреспондента Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел (с декабря 1835 года)².

Помимо дипломов сохранилось немного документальных свидетельств участия М. М. Сперанского в академической жизни,

¹ См. один из актуальных обзоров литературы об этом: *Высочков Л. В.* Записки и проекты М. М. Сперанского в историографии отечественного источниковедения // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 221–238.

² См.: ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Оп. 1. Д. 5, 6, 8–11, 13–18, 20, 21.

ценнейшие из которых хранятся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ряде других архивов. В частности, в фонде 5 («Канцелярия Президента и Вице-президента Академии наук») СПбФ АРАН хранится дело «Переписка с МДДиНП (Министерство духовных дел и народного просвещения) и Сперанским М. М. об избрании его и Италинского А. Я. почетными членами Академии Наук»¹, фрагменты которого публикуются в настоящей статье.

Регламент Императорской Академии наук (далее – ИАН) 1803 года так определял «предметное поле» ее занятий: «§ 3. Науки, коих усовершенствованием Академия должна заниматься, суть следующие: вышняя математика и физико-математика, механика твердых и жидких тел, астрономия, химия, минералогия, ботаника, зоология, анатомия и физиология, технология; сверх того, история, статистика и экономия политическая»². Юридическая наука, вклад М. М. Сперанского в которую трудно переоценить, тогда в этот перечень не входила.

Правовой статус членов академического ученого сообщества России, в том числе почетных членов, формировался с момента основания Петром Великим Академии наук в 1724 году. Количественный состав этой группы не устанавливался, а почетными членами Академии наук дозволялось избирать как российского, так и иностранного подданства «...знатных особ, которые своими познаниями и любовью к наукам возбуждают в Академии желание принять их в члены, и также из неопределенного числа российских ученых, известных с хорошей стороны своими сочинениями, относящимися к какой-нибудь из наук, коими Академия занимается»³.

Процедура принятия в почетные члены почти не отличалась от процедуры принятия в действительные члены Академии наук. Она начиналась по инициативе либо президента академии, либо трех ординарных

¹ СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1819). Д. 42. Л. 1–5 (оригинальный заголовок архивного дела: «№ 17 дело о избрании в почетные члены Академии Сперанского и Италинского. 1819»).

² Устав (Регламент) Академии наук от 25 июля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1-е. СПб.: Тип. II Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 27. № 20863. С. 787–788.

³ Там же. С. 794–795 (§ 78, 80–89).

академиков, которые после получения от президента соответствующего уведомления направляли в Общее собрание академии свое письменное предложение (ходатайство) о той или иной кандидатуре. Избрание почетных членов производилось Общим собранием по установленному порядку простым большинством голосов¹.

На почетных членов академии, в отличие от действительных, не возлагалось никаких обязанностей, «но если кто-нибудь из них представит диссертацию, то она должна быть читана в собрании и помещена в ее актах или же в другом издании записок или диссертаций, если академия признает за полезное напечатать оную» (§ 81). Регламент также устанавливал, что в случае желания почетного члена «сообщить академии какой-либо новый опыт или повторить его, или же читать ей какое-либо рассуждение», тому следовало испросить «разрешение у президента, который назначает день Академического собрания для присутствования ему в оном» (§ 85). Почетным членам дозволялось садиться «за один стол с действительными членами» (§ 84) только на торжественных собраниях (Конференциях) академии в Санкт-Петербурге.

В части финансирования деятельности почетных членов в Академии наук также действовал избирательный принцип: из неопределенного круга лиц, избранных почетными членами, пансионерами академии в соответствии с ее сметой могли числиться только шесть персон с ежегодной выплатой каждому в размере 300 рублей (§ 86).

Президент извещал академиков (как ординарных, так и экстраординарных) о появлении вакансии пансионера и приглашал их представить «кандидата из числа почетных членов, иностранных или российских корреспондентов, смотря по классу, в коем находится ваканция» (§ 89).

Регламентом предусматривалось, что при выборе кандидатур пансионеров следовало учитывать, во-первых, «место их пребывания, ибо город, в коем есть Академия, университет или другое ученое заведение, более может доставить материи для корреспонденции, нежели другой, не имеющий таких выгод» и, во-вторых, «науку, в которой пансионер упражняется. Надлежит избирать разные науки, дабы каждая отрасль

¹ Процедура принятия в действительные члены ИАН документально представлена в настоящем издании применительно к 1880-м годам (см. с. 91–103 наст. изд.).

познаний, коих усовершенствованием занимается академия, могла участвовать в выгодах, которых должно ожидать от сего класса членов» (§ 88).

Статус пансионера предусматривал наличие у него обязанности «присылать в Академию диссертации, доставлять полезные сведения и уведомлять чрез письма, адресуемые на имя секретаря, обо всех изобретениях и открытиях, достойных примечания, и вообще обо всех происшествиях, относящихся к наукам» (§ 87).

Таким образом, согласно Регламенту только у президента Академии наук имелись правовые основания предложить Общему собранию избрать М. М. Сперанского почетным членом, что и сделал С. С. Уваров спустя полтора года после назначения императором Александром I его самого президентом ИАН (12 января 1818 года)¹.

Избрание Михаила Михайловича почетным членом Академии наук состоялось вскоре после его назначения генерал-губернатором Сибири с первоочередным поручением провести ревизию управления краем. Императорский указ о назначении был издан 22 марта 1819 года, а 6 мая (или 7 мая по некоторым свидетельствам) 1819 года новый руководитель края уже выехал к месту службы из Пензы, где ранее замещал должность гражданского губернатора².

¹ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) занимал должность президента ИАН в 1818–1855 годах. Его карьера началась на дипломатической службе, а с 1811 года развивалась в области образования и науки. В 1811–1821 годах он – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, в 1812–1833 годах – по совместительству помощник директора Императорской Публичной библиотеки. В 1819 году С. С. Уваров стал инициатором преобразования Главного педагогического института в Императорский Санкт-Петербургский университет. В 1833–1849 годах С. С. Уваров работал на посту министра народного просвещения. Почетным членом ИАН был избран в 1811 году, а с 1831 года стал также почетным членом Российской академии. При нем в 1841 году произошло объединение двух российских академий.

О деятельности С. С. Уварова на посту президента Академии наук см. подробнее: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина; ФАНО России; СПбФ АРАН. 2-е изд., испр. Кн. 1. СПб.: Реноме, 2018. С. 332–357.

² См.: *Сперанский М. М. Дневник («Путешествие в Сибирь»)* с 31 марта 1819 г. по 24 марта 1821 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 479; *Гречишкин С. С., Луковская Д. И., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2001. С. 55–56.

С. С. Уваров в письме М. М. Сперанскому от 23 апреля 1819 года отметил: «Новое Ваше назначение открывает Вам обширное поприще делать добро и как Государственный человек, и как просвещенный христианин», и выразил надежду, «что Ваше пребывание в Сибири будет полезно и для науки. Академия Наук имела всегда (*подчеркнуто в оригинале документа*¹) в виду распространение познаний об отдаленнейших краях Империи. В Сибири если не все ново, то почти все скудно описано и небрежно исследовано». С. С. Уваров сообщал, что Академия наук «начала издавать новое собрание своих прежних путешествий» и вскоре будет выпущена карта Камчатки»².

М. М. Сперанского с новым назначением поздравили и многие его прежние сослуживцы. Так, Д. П. Трощинский, в прошлом министр юстиции и председатель департамента уделов, писал ему 2 июня 1819 года из столицы: «Облечение Вашего Превосходительства в новое звание, сообразнейшее достоинствам Вашим и определяющее пространнейший круг деятельности к попечительности Вашей к благосостоянию обширной страны Сибирской, *принято всеми любящими почитающими Вас с неизъяснимым чувствованием (выделено в оригинале документа)*. В числе сих и я было ласкал себя сугубым удовольствием увидеться здесь еще раз с Вашим Превосходительством, но, узнав, что Вы отправились прямо в место своего назначения, осталось мне только искреннейше желать Вам благополучного успеха во всех великих подвигах Ваших, на общую пользу подъемлемых»³.

О решении Конференции избрать Сперанского почетным членом Академии наук Президент ИАН С. С. Уваров известил министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына⁴ 15 мая 1819 года: «Долгом считаю донести Вашему Сия[тельст]ву, что

¹ Здесь и далее курсивом в скобках даются текстологические примечания.

² Цит. по: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 3–3 об. Тексты и копии всех документов, представленных в настоящей статье, – публикации авторов статьи.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – единственный министр духовных дел и народного просвещения. Занимал эту должность с 24 мая 1817 года по 15 мая 1824 года. Министерство было образовано указом императора Александра I от 24 октября 1817 года путем объединения Министерства народного просвещения, Главного управления духовных дел православного исповедания Святейшего Синода, Главного управления духовных дел и иностранных исповеданий // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 34. № 27101. С. 814–834.

К[онфере]нция Имп[ераторской] Ак[адемии] наук в последнем («последнем» вставлено) заседании своем, т. е. «9 (цифра «9» зачеркнута)» текущего мая единогласно избрала в почетные свои члены Г. Г. Сибирского генерал-губернатора Сперанского и полномочного российского министра в Риме, тайного советника Италинского»¹.

Известие об избрании почетным членом ИАН застало М. М. Сперанского на пути в Иркутск – административный центр генерал-губернаторства, куда он прибыл 29 августа 1819 года. Там же он получил диплом почетного члена Академии наук, направленный ему 23 июня 1819 года с сопроводительным письмом президента ИАН С. С. Уварова. В настоящее время этот диплом, составленный на латинском языке и подписанный С. С. Уваровым, как и сопроводительное письмо последнего, хранится в ОР РНБ². Копия диплома с разрешения фондодержателя публикуется в настоящей статье³. Письмо с благодарностью за принятое Академией наук решение М. М. Сперанский направил С. С. Уварову 17 сентября (в ответном письме С. С. Уварова оно датировано 18 сентября⁴) 1819 года, спустя 20 дней после прибытия в Иркутск⁵. В своем следующем письме (от 1 декабря 1819 года) С. С. Уваров писал М. М. Сперанскому о посылке ему в Сибирь нескольких новых книг, в том числе первых двух книг (о Камчатке) из нового Академического собрания путешествий, и высказал убеждение, что историю Сибири отныне будут делить на две эпохи: «1-ю от Ермака до Пестеля, 2-ю от Сперанского до XX». Здесь же С. С. Уваров упоминал о новом грандиозном проекте академии, созвучном деятельности

¹ Цит. по: СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1819). Д. 42. Л. 2. Без подписи. Рукопись, чернила. Отпуск письма от 15 мая 1819 года. № 114. Диплом на звание почетного члена ИАН датирован 12 мая 1819 года. См.: ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 7.

² ОР РНБ. Ф. 731. Д. 7. Л. 1; Д. 12. Л. 1. В СПбФ АРАН сохранилась краткая запись о направлении М. М. Сперанскому диплома и сопроводительного письма:

«М[илостивый] Г[осударь] Михаил Михайлович,

С особенным удовольствием честь имею препроводить к Вашему Пр-ву Диплом о звании Почетного члена Имп. Академии Наук (неразб.)». См.: СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1819). Д. 42. Л. 3. Без подписи. Рукопись, чернила. Копия письма от 23 июля 1819 года. № 147.

³ См. с. 34, 37 наст. изд.

⁴ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 1.

⁵ См. с. 34 наст. изд.

М. М. Сперанского в Сибири, – исследовании восточных языков, которое должно привести к распространению «здравых течений (мнений. – Н. Д.) об Азии в ее отношении к России. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новый пока славы не прикосновенный источник новой национальной политики, долженствующий спасти нас от дряхлости преждевременной и от европейской заразы»¹.

Благодарность М. М. Сперанского за принятие его в почетные члены ИАН С. С. Уваров переслал в адрес Конференции ИАН 4 ноября 1819 года с сопроводительной запиской. Копия этой записки, хранящаяся в СПбФ АРАН, выполнена на официальном бланке Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (эту должность С. С. Уваров замещал в 1811–1822 годах, а с 1819 года совмещал ее с должностью президента ИАН²).

Масштабные работы по систематизации российского законодательства, которые проводились в конце 1820-х – начале 1830-х годов при активнейшем участии М. М. Сперанского, и уникальные археографические находки ряда научных экспедиций, вернувших обществу древние акты русского права, не могли не вызвать интерес Михаила Михайловича к содержанию обнаруженных памятников. Хронологическая систематизация российского законодательства (ПСЗ РИ) и связанная с ней предметная (Свод законов) начинались текстом Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года, а многие положения исторической части ПСЗ РИ (Собрания 1-го) составители и редакторы формулировали по правовым документам XVII–XVIII веков. Обработке подвергся огромный массив документальных исторических источников, содержавших как действовавшие, так и не действовавшие к началу 1830-х годов правовые предписания. По убеждению М. М. Сперанского, последние следовало включить в Собрание как важные документы для понимания истории права (архаичные формулировки многих

¹ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 2–2 об. С. С. Уваров глубоко интересовался культурой и историей Востока, восточными языками. О его проекте создания Восточной академии в России см.: *Уваров С. С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 94–116; Проект Азиатской академии // С. С. Уваров. Избранные труды / сост., авторы вступ. статьи В. С. Парсамов, С. В. Удалов. М.: РОССПЭН, 2010.*

² См. с. 36 наст. изд.

из них подверглись составителями Собрания юридико-технической обработке).

М. М. Сперанский активно интересовался работой архивохранилищ и археографическими открытиями. Так, в начале 1830-х годов он запрашивал разрешение Академии наук ознакомиться с некоторыми из обнаруженных во время археографических экспедиций документов, и 6 апреля 1831 года Конференция академии постановила «передать М. М. Сперанскому интересующие его документы из экспедиции П. М. Строева, содержащие материалы по древним русским законам»¹. М. М. Сперанский принимал участие и в жизни другой научной организации – Российской академии (Академии российской словесности; Императорской Российской академии, далее – ИРА), документы которой также отложились в СПбФ АРАН и были использованы М. И. Сухомлиновым при подготовке его знаменитого труда².

Почетным членом этой академии М. М. Сперанский был избран 21 мая 1821 года³. Его диплом был оформлен 15 июня 1821 года, подписан президентом академии вице-адмиралом А. С. Шишковым и непременно секретарем П. И. Соколовым⁴.

Сопроводительное письмо П. И. Соколова

№ 75

Санктпетербург

Июня «16» дня 1821.

Милостивый государь Михайло Михайлович!

¹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 45. Л. 46–47; *Летопись Российской Академии наук / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники. С.-Петербург. фил.; гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 2: 1803–1860. СПб., 2002. С. 223.*

² *Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 1–8. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874–1888.*

³ См.: *Записки заседаний академии. 1821. № 26, ст. 2 (21 мая 1821 г.) // СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1; ОР РНБ. Ф. 731. Д. 12. Л. 4; Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 380; Гречишкин С. С., Луковская Д. И., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский. С. 57–59.*

⁴ См. с. 36 наст. изд.

Императорская Российская академия, уважая в полной мере отличные познания Вашего Превосходительства в науках, ревностное усердие к языку Российскому и труды, для пользы отечественной словесности Вами подъятые, избрала Вас в 21-й день минувшего мая, по предложению господина президента, на основании 5-й статьи Главы IX Устава своего, Почетным членом.

На меня возложено от академии известить Ваше Превосходительство о сем избрании, доставить Вам диплом на достоинство почетного члена и экземпляр Высочайше утвержденного Устава академии.

Исполняя сие лестное для меня поручение с достодолжным к особе Вашей высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Петр Соколов /подписал/

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 12. Л. 5.

Спустя девять лет А. С. Шишков (1754–1841), будучи президентом ИРА, предложил избрать М. М. Сперанского и генерала А. П. Ермолова в действительные члены ИРА (А. С. Шишков в 1812 году стал вторым после М. М. Сперанского Государственным секретарем Российской империи и также замещал эту должность в течение двух лет)¹.

Выборы состоялись 25 октября 1830 года. Все присутствовавшие на этом заседании (а также позднее и отсутствовавшие, что допускалось регламентом) единогласно проголосовали за избрание

¹ Государственный секретарь (канцлер) возглавлял работу Государственной канцелярии – структурного подразделения (аппарата) Государственного совета Российской империи, созданного указом императора Александра I от 1 января 1810 года.

М. М. Сперанского. Окончательное единогласное утверждение его нового статуса в Академии российской словесности состоялось 24 января 1831 года¹, а соответствующий диплом был оформлен 4 февраля 1831 года².

5 февраля 1831 года М. М. Сперанский направил А. С. Шишкову благодарственное письмо, впервые опубликованное М. И. Сухомлиновым³, а 7 февраля 1831 года адресат ответил М. М. Сперанскому пространственным обращением⁴.

Восторженный слог А. С. Шишкова в адрес М. М. Сперанского не являлся преувеличением. Заслуги последнего перед русским языком были велики. Лингвистические познания, глубокая образованность, острый ум, красноречие М. М. Сперанского проявились довольно рано⁵ и постоянно совершенствовались. Его талант оратора и мастера слова признавался всеми, кто его знал, даже многочисленными недругами и завистниками. М. М. Сперанский выступил преобразователем в том числе и в части профессионального юридического языка. По замечанию одного из биографов, то, «что Карамзин сделал для русской словесности... то сделал Сперанский для Правительственного слога. <...> До него и слог сей и самый почерк были варварские; в чем согласятся

¹ Записки заседаний академии. 1830. № 40, ст. 2 (25 октября 1830 г.); 1831. № 4, ст. 2 (24 января 1831 г.) // СПбФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1; *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 7. С. 380; ОР РНБ. Ф. 731. Д. 19.

² См. с. 38 наст. изд.

³ См. с. 39–40 наст. изд.

⁴ См. с. 40–41 наст. изд. См. также: ОР НБ. Ф. 731. Д. 2198 (Письма (2) президента ИРА А. С. Шишкова М. М. Сперанскому. 4–7 февраля 1831 года. Чернила и карандаш. В одном письме – подпись-автограф. Здесь же черновой ответ М. М. Сперанского на одно из писем и копия письма А. С. Шишкова, сделанная А. Ф. Бычковым). Л. 7.

⁵ См., например: Слово юного Сперанского (четыре проповеди, произнесенные в Санкт-Петербурге) // Сборники Президентской библиотеки. Серия: Историческое правоведение. Вып. 8: Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения: сборник науч. тр. / редкол. вып.: д-р юрид. наук Н. В. Дунаева (отв. ред.) и др. СПб.: Президентская библиотека, 2021. С. 14–40.

со мною все, подобно мне, начавшие и продолжавшие сорок лет назад гражданскую службу»¹.

М. И. Сухомлинов отмечал, что М. М. Сперанский изредка посещал Российскую академию, высказывал свое мнение по вопросам, обсуждавшимся в академических собраниях. Так, вскоре после своего избрания действительным членом академии М. М. Сперанский направил на рассмотрение академиков свое мнение по поводу принятых ее Издательским комитетом Временных правил «к сочинению словаря» и ряд замечаний к «пробным листам» второго издания словаря². Текст М. М. Сперанского хранится в ОР РНБ³.

В фонде СПбФ АРАН этот документ отмечен как приложение к протоколу («Записке») заседания Российской академии от 14 марта 1831 года № 36⁴.

Таким образом, мнение М. М. Сперанского было рассмотрено ИАН довольно оперативно.

Актуальность вопросов нормирования, этимологии, научного изучения русского языка к началу 1830-х годов заметно возросла. Например, в связи с подавлением волнений в Западных губерниях в Государственном совете Российской империи поднимался вопрос о введении русского языка в судах Западного края, и М. М. Сперанский готовил проект журнала заседания по данной повестке⁵.

В августе 1832 года в Академию наук обратился профессор чешского языка и литературы Пражского университета, библиотекарь Народного

¹ Статья П. Д. Рунича, написанная как некролог и предназначавшаяся для литературно-политической газеты «Северная Пчела», но оставшаяся неопубликованной // ОР РНБ. Ф. 391. Д. 59. Л. 2; *Гречишкин С. С., Луковская Д. И., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский. С. 59; см. также: *Никитенко А. В.* Воспоминание о Сперанском: Речь, произнесенная в годичном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря [1870 года] // Сборники Президентской библиотеки. Серия: Историческое правоведение. Вып. 8: Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке. С. 98–110.

² См. с. 42–47 наст. изд.

³ Замечания на издание словаря славяно-русского. Черновой автограф. Карандаш. 23 февраля 1831 года // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 355. 8 л.; Там же. Д. 356. 10 л.

⁴ См.: СПбФ АРАН. Ф. 8 (Российская Академия). Оп. 1. № 36 (1831). Л. 224–235.

⁵ См.: Проект журнала Департамента Законов Государственного Совета о введении русского языка в судах Западного края. Черновой автограф. Карандаш. 1 февраля 1831 года (датирован К. Г. Репинским) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 370. 9 л.

музея Вацлав Ганка¹ с предложением подготовить сравнительный этимологический словарь славянских наречий. Академия переслала его письмо со всеми приложениями М. М. Сперанскому, который, по свидетельству А. Ф. Бычкова, находился в то время на отдыхе «за границей после издания свода законов» и, «исполняя поручение Академии... вошел в личные сношения с подлинными корифеями Славянского ученого мира (письмо М. М. Сперанского чешскому профессору датировано 12 июля 1833 года; вместе с письмом М. М. Сперанский направил в Прагу и свое сочинение «Обзор исторических сведений о своде законов». – Н. Д.) и в сентябре следующего² года получил от В. Ганки подписанный им, Шафариком³ и Челаковским⁴ План образуемого в Праге комитета ученых для составления сравнительного этимологического словаря славянских наречий»⁵. Как заключил А. Ф. Бычков, «дело это, к сожалению, осталось без последствий»⁶.

С однозначностью этой оценки сегодня трудно согласиться, поскольку определение В. Ганки как «подлинного корифея Славянского ученого мира» позднее было поставлено под сомнение. С одной стороны, очевидны его патриотические настроения и мотивы в условиях борьбы за национальную самостоятельность чешского народа против господства Австрийской империи, но с другой – в историографии славистики уже к концу XIX века была доказана прямая причастность В. Ганки к созданию одной из самых блистательных

¹ Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский филолог и поэт, славист, педагог, деятель национального возрождения. Член-корреспондент ИАН с 1840 года.

² «Следующего года» – очевидная ошибка А. Ф. Бычкова, что видно из публикуемого далее текста письма М. М. Сперанского В. Ганке от 5 сентября того же (1833) года.

³ Шафарик Павел Йозеф (1795–1861) – словацкий и чешский славист, поэт, деятель чешского и словацкого национального возрождения, сторонник концепции индоевропейского происхождения славянских народов. С 1841 года хранитель, а с 1848 года директор библиотеки Пражского национального университета. Автор фундаментального исследования «Славянские древности» (в 2 т. и 4 кн.), изданного в Праге на чешском языке в 1837 году, а спустя десятилетие – в Москве, в Университетской типографии, на русском языке (1847, 2-е изд.).

⁴ Челаковский Франтишек Ладислав (1799–1852) – чешский поэт, писатель, литературный критик, переводчик, филолог, журналист, этнограф, деятель чешского национального возрождения, славист, педагог; один из главных провозвестников идеи «славянской взаимности» (вместе с Яном Колларом).

⁵ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2044. Л. 1–1 об.

⁶ Там же.

историко-литературных мистификаций последних трех веков – якобы средневековых (а на самом деле начала XIX века) чешских Краледворской и Зеленогорской рукописей, ставших в течение нескольких десятилетий предметом громких политических и научных дискуссий, в которых участвовали и яркие деятели русской культуры¹. О рукописях стало известно в 1818 году, за этим последовали и новые подобные «находки».

В Россию первое издание рукописей попало благодаря графу Н. П. Румянцеву, и уже в 1820–1821 годах ИРА выпустила первые переводы рукописей с чешского на русский (см. «Книжные памятники» в Российской национальной библиотеке). Авторитет переводчика – президента ИРА, адмирала, члена Государственного совета А. С. Шишкова, равно как и ряда академиков и ученых, не оставлял сомнений в подлинности рукописей у русских читателей. Можно полагать, что на подобное мнение полагался в своем отношении к проектам В. Ганки, поддержанным ИРА, и М. М. Сперанский, хотя, безусловно, не мог не проявлять осторожности, особенно в вопросах его материального обеспечения.

Данные о проекте М. М. Сперанский получил в письме В. Ганки от 5 сентября 1833 года, составленном на русском языке. К письму прилагались План на немецком языке – оригинал от 4 сентября 1833 года, подписанный тремя профессорами, и его перевод на русский язык. Финансовое обеспечение проекта, по мысли авторов, должно было составить 3000 руб. на возмещение труда на протяжении всей работы над словарем в течение пяти лет, вознаграждение помощникам каждого профессора – по 600 руб. в год, на корреспонденцию и приобретение книг – 1000 руб. в год².

¹ См. подробнее: *Лантева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // *Studia Slavica* (Будапешт). 1975. № 21. С. 67–94 (переиздано в сб.: *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора* / сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, [2002]); а также материал ОР РНБ: *Книжные памятники. Топ 100. Рукопись Краледворская, собрание лирико-эпических народных песен, 1820.* URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA6081/sobranie-liriko-epicheskikh-narodnykh-pesen-1820-g (дата обращения: 14.10.2024).

² ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2044. Л. 5–9 с об.; 10–11 (на немецком языке, подписи-автографы); Л. 12–12 об. (перевод на русский язык с правкой).

Ср.: штат ИАН, утвержденный 30 января 1830 года, устанавливал жалованье академика в размере 5000 руб. в год. См.: *ПСЗ РИ. Собр. 2-е.* СПб.: Тип. II Собст. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 5. Отд. 1. 1830. Приложения: Штаты и табели. С. 7.

**Письмо В. Ганки М. М. Сперанскому
от 5 сентября 1833 года**

Спешу на сделанную мне надежду о деле славянского всеобщего словаря к дальнейшему употреблению Вашего Высокопревосходительства начертанию Плана и особенные примечания к нему № 1 и 2 при сем приличные представить, всепокорнейше упрощая у Вас великодушного покровительства и могущественного ходатайства к исполнению предприятия нашего, которого пользу, нужду и необходимость точно во времена сия Ваше Высокопревосходительство хорошо знает и понимает.

Что я сего года свидание с Вами пропустил, упрекать себя не перестану, хотя ж совсем не виноват, ибо, во-первых, я о приезде Вашего Высокопревосходительства в Мариенбад очень поздно, и то не прямо из Мариенбада, но через Липско от графа Фуна узнал. Во-вторых, узнав после от Его Превосходительства г-на Михаила Андреевича, что и сударыня дочь Ваша в путешествиях, уверял я себя в том, что Ваше Высокопревосходительство с нею в Прагу придете, бо помню, что Вы раз между иным мне сказали, что ей Прагу показать хотите, и на сем полагая, ожидал я Вашего Высокопревосходительства с доверенностью.

Я тоже тотчас, хотя уже поздно было, в последние дни побыву Вашего в Мариенбаде писал к Вашему Высокопревосходительству, присовокупля только некоторые мелкости при письме, но ежели посылка моя [до] рук Вашего Высокопревосходительства дошла, доселе не знаю и покорнейше прошу о уведомлении.

В прочем униженнейше препоручаю себя, своих товарищей и наипаче дело об упомянутом словаре приязни Вашего Высокопревосходительства, пребывая навсегда всепокорнейшим слугою

Вячеслав Ганка.
Прага. 5 сентября н. с. 1833 года

М. М. Сперанский скончался до объединения в 1841 году двух российских академий на базе Императорской Академии наук, в составе которой было образовано Отделение русского языка и словесности¹. Подобная реформа, как справедливо отмечалось исследователями истории организационной структуры Российской академии наук, объяснялась «насущными проблемами становления, формирования русского языка как общегосударственного. Язык, на котором составлялась вся государственная документация, требовал окончательной отработки правил грамматики и орфографии. Теория языка еще не была разработана, и требовались усилия не только от ученых, но и от литераторов, которые полноправно становились членами Отделения русского языка и словесности»².

Выдающийся российский юрист и государственный деятель М. М. Сперанский лучше многих современников понимал значение государственной поддержки серьезных научных исследований, в том числе и проблем русского языка. Его вклад в развитие российской культуры, образования, науки несомненен, и он навечно останется в истории науки в одном ряду со многими академиками – выдающимися учеными и гениальными писателями.

¹ См.: «Положение об Отделении русского языка и словесности» и штат Отделения // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 16. № 14940. Отд. 1. 1841; Отд. 2. 1841. Приложения: Штаты и табели. С. 188.

² *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. С. 200–201.



Диплом почетного члена Императорской Академии наук, выданный М. М. Сперанскому 12 мая 1819 года
Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 7. Л. 1. Оригинал. Подпись-автограф

**Письмо С. С. Уварова М. М. Сперанскому
от 23 июня 1819 года**

Внизу слева:

№ 147

В С. Петербурге

«23» июня 1819.

Его Превосход[ительст]ву

М. М. Сперанскому

Милостивый государь Михайло Михайлович!

С особенным удовольствием честь имею препроводить к Вашему Превосходительству диплом на звание почетного члена Императорской Академии наук. Содействие Ваше будет ей столь же полезно, сколько и лестно. Все предприятия ея имеют одну цель: распространение Просвещения на пользу и честь Отечества, сия самая цель ручается ей в участии принимаемом Вами в ея трудах.

С истинным почитанием и совершенною преданностию

имею честь быть,

Милостивый государь

Вашего Превосходительства

Почтеннейшим слугою

Сергей Уваров

(Слова «Почтеннейшим слугою Сергей Уваров» написаны рукой подписавшего документ.)

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 12. Л. 1. Перо, чернила. Подпись-автограф.

**Письмо М. М. Сперанского С. С. Уварову
от 4 ноября 1819 года**

Сергею Семеновичу

Уварову

В Иркутске

Сентября 17 дня 1819.

Его Пр[евосходительст]ву С. С. Уварову

При письме В[ашего] П[ревосходительства] от 23 июня я имел честь получить Диплом, коим угодно было Императорской Академии наук почтить меня.

Любовь к наукам и искреннее уважение к сему знаменитому сословию составляют всю мою заслугу, но академия выбрала не на дела, и поставила высокую цену самим побуждениям.

И в Сибири побуждения сии сохраняют свою силу. Здесь все напоминает труды (слово «труды» зачеркнуто) членов академии. Натуральная и политическая история, география, древности Сибири – все есть их произведение. Путешествия их в сих странах, тогда еще диких и почти неприступных, всегда будут памятником их славы, эмблемою усилий разума человеческого в путях истины¹.

В заключение позвольте мне здесь принести Вашему Превосходительству как президенту сего сословия («мою» зачеркнуто) особенную благодарность. – Чувство уважения в сем звании, Вам изъявленное, имеет нечто столь отличное от обыкновенных уверений, столь устраненное от подозрений лести, что и изъявлять его без оскорбления скромности, и принимать без тщеславия можно.

¹ Возможно, М. М. Сперанскому были известны планы ИАН по подготовке многотомного полного собрания описаний восточных экспедиций российских исследователей. Издание должно было состоять из восьми томов, но в свет вышло только семь. В год избрания М. М. Сперанского почетным членом Академии наук из печати вышел второй том издания, содержащий продолжение исследования ботаника и этнографа, участника Второй Камчатской экспедиции Степана Петровича Крашенинникова (Описание Камчатки. СПб.: Имп. Акад. наук, 1818. 529 с.; 1819. 498 с.). Впоследствии в издание вошли «Записки путешествия академика Лепехина»; «Записки путешествия академика Фалька»; Атлас с картами, планами, рисунками ко всем частям издания (вторая его часть с рисунками к «Запискам путешествия академика Фалька», как и восьмой том всего издания, в котором должна была содержаться третья часть записок Фалька, изданы не были). См.: Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президента, с примечаниями, изъяснениями и дополнениями: в 8 т. Т. 1–7. СПб.: Имп. Акад. наук, 1818–1825.

Лепехин Иван Иванович – естествоиспытатель и лексикограф, участник многих научных экспедиций по Уралу, Поволжью, Западной Сибири и Русскому Северу.

Фальк Иоганн Петер – врач и естествоиспытатель, начальник Оренбургской экспедиции по сибирским регионам, в том числе Алтаю.

С совершенным почитанием и искреннею преданностью честь
имею быть

В[ашего] П[ревосходительства]

пок[орнейший] слуга

Подлинное подписал: М. Сперанский

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 12. Л. 2–2 об., 3. Оригинал. На синей простой бумаге. Черными чернилами. Рукой Сперанского.

**Письмо С. С. Уварова Конференции Академии наук
от 4 ноября 1819 года с направлением оригинала
письма М. М. Сперанского**

Конференции Императорской Академии наук

Препровождая при сем в Конференцию подлинное отношение Г. Симбирского генерал-губернатора тайного советника Сперанского от минувшего 17 Сентября [1819 г.], писанное ко мне по случаю отправленного от меня к нему диплома сей академии на избрание его в почетные оной члены.

В С. Петербурге № 160

4 ноября 1819¹

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1819). Д. 42. Л. 5. Отпуск письма. Без подписи. Перо, чернила.

¹ Составлено на бланке Министерства духовных дел и народного просвещения. В реквизитах зачеркнуто «Санктпетербургский Учебный Округ» и «По части Попечителя». При копировании оригинала благодарственного письма М. М. Сперанского С. С. Уварову от 17 сентября 1819 года, полученного и направленного последним в канцелярию Конференции ИАН 4 ноября 1819 года, та же дата поставлена и на копии. См.: СПбФ АРАН. Ф. 5. Оп. 1 (1819). Д. 42. Л. 4–4 об. Копия. Перо, чернила.



Диплом почетного члена Императорской Российской академии, выданный М. М. Сперанскому 15 июня 1821 года

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 12. Л. 4. Оригинал. Подписи-автографы

**Письмо А. С. Шишкова М. М. Сперанскому
от 4 февраля 1831 года**

№ 22

4 февраля 1831 года

Его Высокопревосходительству

М. М. Сперанскому.

Милостивый государь мой, Михаил Михайлович.

Императорская Российская академия, отдавая должную справедливость отличному знанию вашему языка Российского и ревностному усердию к вящему образованию и обогащению отечественной нашей словесности, избрала Вас, по предложению моему, минувшего января 24 дня действительным своим членом.

Препровождая при сем к вашему Высокопревосходительству на звание сие диплом, с отличным почтением и совершенную преданностью честь имею быть

Вашего высокопревосходительства

[покорнейший слуга

Александр Шишков]

(Слова «покорнейший слуга Александр Шишков» вписаны рукой А. С. Шишкова.)

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2198. Л. 1. Писарским почерком. Подпись-автограф.

**Письмо М. М. Сперанского А. С. Шишкову
от 5 февраля 1831 года**

Президенту Императорской Российской академии

Адмиралу Шишкову

5 февраля 1831 г.

Милостивый государь Александр Семенович,

Поспешаю принести Вашему Высокопревосходительству совершенную благодарность за внимание, коим угодно было Вам меня удостоить, предложив Императорской Российской академии избрать меня действительным ее членом.

В сем избрании академия, без сомнения, уважила более искреннее мое усердие к успехам русского слова нежели труды и содействие. Я буду всемерно стараться оправдать ее мнение.

С совершенным почитанием и проч. *(Слова в автографе «преданностью честь имею быть Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга» пропущены при копировании.)*

Подписал М. Сперанский

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2198. Л. 3–3 об. Писарская копия с автографа Сперанского карандашом (Л. 2). Первая публикация в издании: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 381.

Письмо А. С. Шишкова М. М. Сперанскому от 7 февраля 1831 года

Милостивый государь Михаил Михайлович,

Я от искреннего сердца радуюсь, что вы избрание вас в действительные члены Российской академии приняли с удовольствием. Она имеет нужду в поддерживании ее. Жалко, если прекрасный и едва ли не праотец всех языков язык наш (в чем я не по пристрастию к нему, но по долговременному исследованию его и сравнению с другими языками весьма уверен) будет время от времени несвойственным ему или не приличным важности слога его новословием и подражанием другим беднейшим языкам от часу более искажаться, терять силу свою и приходить в изменение и упадок. Я уже стар, удручен болезнями, стою у дверей гроба и не могу исчезающим голосом моим быть ему полезен. Прежние труды мои, хотя больше заключают в себе усердия, нежели достоинства, однако ж немецкие писатели, по одному неполному переводу Академических Известий, приняли их с благодарностью и во многих сочинениях своих отозвались об них с похвалою, может быть, с большею, нежели я заслуживаю. Они, невзирая на преимущество, отдаваемое мною славянскому языку пред всеми их языками, не возопили против меня, но соглашались со мною и находили доказательства мои справедливыми; даже назвали их новыми, открывающими верный путь ко всеобщему познанию разума языков. Одно только любезное отечество мое или, лучше сказать, новые в нем невысокие,

но высоко о себе мечтающие не умы, а разумы не обращали на труды мои иного внимания, как только для изливания против них не на здоровом рассудке основанных суждений, но просто наполненных желчью нелепых браней. Видя торжество таких судей и законодателей, которые вместо помышления о пользе и нравственности книг то, сдружась между собою, превозносят себя и сочинения свои похвалами, то, раздружась, ругают один другого и вообще вооружаются против всех прежних наших писателей, поневоле вырывается иногда из груди моей не о себе (я на это не смотрю), но об языке и словесности нашей следующий или подобный сему вздох:

Где Феофан и Ломоносов не годятся,

Там, видно, русские уж больше не рождаются.

Простите мне, что я обременил вас таким длинным письмом. Вы и подобные вам, когда сердце ваше будет лежать к академии, можете давать ей силу и направление к исполнению существенной ее должности, то есть охранять язык от падения; что ж принадлежит до меня, то хотя, при всех моих немощах, я всюю душою усердствую и привязан к ней, но нахожусь уже более на том, нежели на здешнем свете.

С истинным почитанием и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейший слуга

Александр Шишков.

Февраля 7 дня 1831 г.

Источник: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2198. Л. 4–4 об. Автограф чернилами. Первая публикация в издании: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Т. 7. С. 381–382.

**Мнение М. М. Сперанского о временных правилах
к сочинению словаря [русского языка]
и замечания к пробным листам от 23 февраля 1831 года¹**

І. О правилах.

Комитет принял к сочинению словаря некоторые правила; но принял их *на первый случай*², следовательно, впоследствии они могут измениться. Когда же изменятся?³ – Когда словарь будет сочинен, и следовательно, надобно будет его переделать.

Мне кажется, главное дело состоит в правилах не на первый раз, но навсегда твердо установленных. Без сего все сочинение непрестанно будет колебаться. Без сего нельзя членам и рассматривать пробных листов⁴: ибо важнейшая часть сего рассмотрения именно должна состоять в соображении исполнения с правилами.

Для установления сих правил надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и рассмотреть правила, кои наблюдаемы были в других государствах. Не мы первые сочиняем словарь: нужно посмотреть, на каких основаниях составляли его в Академии де ла Круска, в Парижской и Джонсон в Англии⁵, то, что там придумано основательно, принять; другое заменить своим.

¹ Впервые документ был опубликован М. И. Сухомлиновым под названием «„Замечания“ М. М. Сперанского касательно „правил“ и „пробных листов“ словаря, предпринятого Российской академией». При этом М. И. Сухомлинов указал ссылку на оригинал: Приложение к запискам заседаний Российской академии; собрание 14 марта 1831 года, ст. II. См.: *Сухомлинов М. И. История Российской академии*. Т. 7. С. 614, примеч. 437.

² Курсивом с разрядкой выделены слова, подчеркнутые в оригинале документа.

³ Фраза «Когда же изменятся?» есть в автографе, но пропущена переписчиком, эта оплошность исправлена при сверке копии «Мнения» с его оригиналом, отложившихся в Ф. 731 ОР РНБ.

⁴ Пробные листы – издательский термин, означающий предварительную версию (верстку) текста. – *Примеч. ред.*

⁵ Практика составления структурированных национальных лексических корпусов зародилась в Европе.

В последней четверти XVII века в Европе начинается процесс замены средневековых лексиконов официальными словарями национальных языков, построенными на научных принципах. Выработкой этих принципов, отбором и обработкой лексического материала занимались коллективы ученых (академии). М. М. Сперанскому, несомненно, были известны результаты такой работы.

Первое и важнейшее из сих правил есть установить с точностью пределы Словаря по двум главным вопросам: для кого и для чего он сочиняется?

Мне кажется, он сочиняется для людей, знающих язык русский (все изъяснения и определения его составляются по-русски) и, следовательно, не для того, чтоб учить русскому языку иностранцев или детей; но для того,

1) чтобы мнением целого ученого сословия утвердить истинное значение русских слов и разрешить сомнения в разнообразном или спорном их употреблении;

2) чтоб изъяснить некоторые слова русские обветшалые или малоупотребительные;

Словарь Академии делла Круска (*Vocabolario Degli Accademici Della Crusca*) – первый словарь итальянского языка, ставший лексикографическим образцом для словарей французского, испанского, английского и немецкого языков, был опубликован в Венеции в 1612 году и выдержал несколько изданий. Академия делла Круска, созданная в 1583 году во Флоренции как литературное общество с целью поддержания чистоты итальянского языка и его освобождения от вульгаризмов и неоправданных заимствований, существует до сих пор, является официальным регулятором итальянского языка. См., например: *Parodi S. Quattro secoli di Crusca: 1583–1983. Firenze, 1983; Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. 3-е изд. М.: URSS; Либроком, 2012.*

Словарь Парижской академии (*Dictionnaire de l'Académie française*) – официальный словарь французского языка, подготовкой которого до сих пор занимается Французская академия (специальная комиссия, состоящая из нескольких академиков) – официальный орган Франции по вопросам использования лексики и грамматики французского языка; выпущено тринадцать изданий словаря (первые три – в 1687 году как предварительные; два – дополнительные для специальных слов; восемь полных, работа над очередным полным изданием продолжается). В предреволюционной Франции была предпринята попытка составления «исторического словаря» французского языка, но этим планам не суждено было осуществиться (в 1778 году остановились на первой же букве алфавита). См., в частности, статьи А. С. Пушкина 1836 года о Российской и Французской академиях (*Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 9 т. М.; Л.: Академия, 1936. Т. 8. С. 153–160; 161–188*).

Толковый словарь английского лексикографа, литературного критика и поэта Сэмюэля Джонсона (1709–1784) был выпущен в 1755 году и стал первым подобным трудом в английской лексикографии, на его составление у Джонсона ушло девять лет. Словарь сохраняет свою ценность до сих пор. См.: *Босуэлл Дж. Жизнь С. Джонсона. М.: Текст, 2003.*

3) чтоб изъяснить так называемые слова славянские, т. е. церковные.

Посему в славяно-российский словарь не должно допускать никаких слов иностранных, исключая только греческие слова церковные и малое число слов, принятых не обычаем, но законом, как то: Сенат и тому подобных; для иностранных же слов приложить к словарю алфавитную роспись с кратким изъяснением речений, более или менее употребительных, но к составу языка не принадлежащих. Это не есть гонение на слова иностранные: обычай их ввел, обычай и выведет; но Академия не должна, мне кажется, укоренять их, давая им право гражданства и вводя их в состав нашего языка. Из снисхождения к обычаям она может уделить им место при самом языке, но место отдельное, означив их в особой росписи.

Издательный Комитет в защиту их приводит то, что они обрусели и что без них обойтись невозможно. Пусть они и остаются в употреблении; но се не дает им права на помещение в словарь славяно-российский: иначе назовите его *Словарем речений как отечественных, так и иностранных, в российском слове употребляемых*. И какие же будут Словарю сему пределы? – Кусок толстого белого сукна на турецкой границе называется *Аба*; но он верно иначе называется в Оренбурге, в Сибири и пр. Почему *Аба* будет стоять в словаре, а других названий, столько же или, может быть, и более в других местах употребительных, не будет? Сколько слов иностранных при Петре Великом и при императрице Елизавете бывших в употреблении и ныне совершенно падших в забвение? Где ныне *Циркумстанции*, *Концилиумы*, *Консидерации*, *Пропозиции* и множество им подобных? Не та же ли судьба ожидает и наши *Абонирование*, *Абонименты*, *Адресование*, *Адресовывать* и проч., и проч.? Они покружатся несколько времени, как кружились, напр., выражения *строить куры* и тому подобные, и исчезнут. Всех нелепостей и изменений обычая и небрежного или затейливого пустословия никаким словарем обнять невозможно. Некоторые из них необходимы и, может быть, навсегда останутся в языке – и пусть остаются: от того, что они будут или не будут помещены в словарь, необходимость их ни возрастет, ни уменьшится. Но помещение их, *во-первых*, обезобразит Словарь славяно-российский;

во-вторых, вместо полного словаря представит сборник слов весьма неполный: ибо всех иностранных слов, в областях наших русскими людьми употребляемых, собрать почти невозможно; то, что в одном краю считается словом необходимым, в другом совсем неизвестно и заменяется иным; *в-третьих*, сия смесь даст словарю вид временного, периодического сборника: ибо, как выше уже было примечено, сколько есть иностранных слов, кои в свое время считались необходимыми, а теперь употребление их показалось бы странным и несовместным.

Второе правило: во всех почти основательных словарях означаются корни слов. Я не разумею здесь того высшего изыскания корней, которое составляет особую и весьма важную часть филологии; но разумею простое словопроизводство из ближайших корней. Напр[имер], *подразумеваю* – очевидно слагается из предлога *под* и *разумеваю*, а *разумеваю* – из предлога *раз* и *умею*; следовательно, корень: *умею* или *ум*.

В ожидании лучшего и глубокого изыскания и сие словопроизводство ближайших корней было бы, кажется, для утверждения первообразного значения слов во многих случаях весьма полезно.

Еще одно примечание. Словарь именуется «по азбучному порядку расположенным». Я не знаю, может ли быть какой-либо словарь, даже и словопроизводный, расположен иначе, как по азбучному порядку. Если под сим желали выразить *ordine analogico* или *analitico*, то сие не есть азбучный порядок. Должно постараться приискать другое слово.

II. Пробные листы.

1. После двух первых А последующие пять суть простые звуки, коих значение определяется: 1) образом их произношения, и 2) последующими выражениями мыслей. Они могут быть бесчисленны и находятся во всех языках; но нигде не дают им места в словарях, ибо как описать значение звука, зависящее от голоса, и разнообразные его сопряжения с мыслями?

А. Союз противоположный, часто токмо разделительный; даже первый пример есть токмо разделение, а не противоположность, ибо нельзя тут поставить: *но тьму*, а можно поставить: *тьму же* что означает разделение.

А! а! – то же примечание, как и в пяти предыдущих. Смыслы сего восклицания бесчисленны. Все гласные буквы имеют сие свойство, напр., *И!* какой вздор! *О!* *о!* ты уже начал сердиться.

2. О всех иностранных словах, коими буква сия испещрена, выше уже сделано одно общее примечание.

3. *Августейший* не есть *высочайший*, ибо *augeo* не значит *возвышаю*, но *умножаю*, *увеличиваю*, – следовательно: *великий* или *величайший*.

4. *Авторов*. *Авторский*. Сомневаюсь, чтоб сей род прилагательных особого устройства мог иметь место в словаре. Они принадлежат к грамматике; там должно показать, каким образом и в каких пределах некоторые существительные в родительном падеже приемлют вид прилагательных. В старину у нас писали даже *егов*, так как ныне в грубом просторечии употребляют: *ихные*, *ихных*. Грамматика должна показать, что тут правильно и что неправильно.

5. *Агнец* – не вижу, почему с латинского *agnus*. Это просто *Ягнец*. У нас есть вся его фамилия и даже глагол *ягнуся*, коего нет в латинском. – В конце сей статьи о просфоре нужно справиться: на одной ли той просфоре, из коей вынимается *агнец*, находятся слова: *ис. хс. vika*¹. Если на всех, то изъяснение лишнее и было бы неправильно.

6. *Адажио*. Слово сие, как и другие иностранные, принадлежит к Словоистолкователю г-на Яновского или к Росписи иностранных речений. Но и там не худо изъяснить, что собственно значит *Адажио* – *на досуге*, *не спеша*, *à son aise*.

7. *Ад* – *αἶδης*, *ἄδης* – собственно значит: 1) место или состояние умерших, мрачное и незримое обиталище погребенных. См. *Lexicon Damm et Duncan*. В сем-то смысле, а не в смысле *гроба* и *могилы* должно понимать слова Иосифа; 2) преисподний мир, когда приемлется (применяется. – *Н. Д.*) в смысле страны; 3) место мучений; 4) крайнее несчастье и проч. Но к чему тут поговорка: *этот дом сущий ад*? Мало ли что говорится! Пятое значение есть излишнее, потому что оно есть именно собственное значение ада. Примеры же тут не нужны, ибо и без них ясно.

¹ *ИС. ХС.* – церковнославянское сокращенное написание имени Спасителя – Иисус Христос. «*ИС. ХС. VIKА*» – надпись на православном кресте, означающая победу Спасителя. Впервые установлена византийским императором Константином Великим.

8. Не азарничать, а озорничать – и принадлежит к букве О. Иначе все слова, по московскому произношению превращаемыя из О в А, должно бы было помещать вдвойне. В Москве говорят: *атлажил*, *аткинул*. Дело словаря есть именно истреблять, а не утверждать сии отступления.

9. Академиком – то же примечание, что и к слову авторов. Оно принадлежит вообще ко всем словам сего рода.

10. Академия. К чему тут примеры? Вообще примеры должно приводить токмо для утверждения значений сомнительных, редких и особенных.

[М. Сперанский
23 февраля 1831]¹

Источник: ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 355, 356. Первая публикация в издании: Сухомлинов М. И. История Российской академии. Т. 7. С. 383–387.

ЛИТЕРАТУРА

- Гречишкин С. С., Луковская Д. И., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2001. 118 с.
- Летопись Российской Академии наук: в 4 т. / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники. С.-Петербург. фил.; гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 2: 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. 620 с.
- Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 1–8. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874–1888.
- Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. 222 с.
- Шевченко М. М. С. С. Уваров и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 188–197.

¹ Автор и дата указаны в печатном издании документа М. И. Сухомлиновым.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЛУДОВ
(5 апреля 1785 года – 19 февраля 1864 года)



Почетный член Императорской Академии наук с 20 декабря 1826 года
Действительный член Императорской Российской академии (1828–1841)
Президент Императорской Академии наук с 26 ноября 1855 года по 19 февраля 1864 года

Д. Н. Блудов в Императорской Академии наук: от почетного членства к президентству

В статье представлен обзор деятельности, в том числе на посту президента Императорской Академии наук, видного российского государственного деятеля Д. Н. Блудова с использованием архивных материалов, мемуарной и научной литературы; сделан акцент на его участии в организации Государственного древлехранилища хартий и рукописей в начале 1850-х годов.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, Министерство народного просвещения, история науки, архивное дело, реформы, Д. Н. Блудов, П. А. Ширинский-Шихматов.

Natalya V. Dunaeva

D. N. Bludov at the Imperial Academy of Sciences: from Honorary Membership to the Presidency

It is presented, using archival materials, memoirs and scientific literature, a review of activities a prominent Russian statesman D. N. Bludov, including his Presidency in the Imperial Academy of Sciences. It was allocated his participation in the organization of the State Ancient Storage of Charters and Manuscripts in the early 1850s.

Keywords: Imperial Academy of Sciences, Ministry of Education, History of Science, archives, reforms, D. N. Bludov, P. A. Shirinsky-Shikhmatov.

Дмитрий Николаевич Блудов – одна из ярких фигур в российской истории государственного управления в XIX веке, что подтверждается как результативностью его долгой служебной карьеры,

¹ Дунаева Наталья Викторовна – Президентская библиотека, главный научный сотрудник отдела экспертизы фонда, доктор юридических наук, доцент.

Natalya V. Dunaeva – Presidential Library, Chief Researcher of the Foundation's Expertise Department, Dr. (Law), Associate Professor.

dunaevanv@prlib.ru

© Н. В. Дунаева, 2024

так и авторитетными свидетельствами его современников¹. В то же время в научной литературе пока сохраняется определенный пробел в комплексном исследовании его многогранной деятельности и самого феномена личности этого уникального государственного деятеля, служившего России при двух императорах – Николае I и Александре II². Содержательные обзоры его деятельности на посту президента Императорской Академии наук (ИАН) опубликованы в двухтомнике, изданном в 2018 году Санкт-Петербургским филиалом Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) под редакцией И. В. Тункиной³.

Целью настоящей статьи не является восполнение указанного пробела. В данной работе предпринята попытка выделить значение таких аспектов многогранной деятельности этого высокопоставленного государственного деятеля, как организация архивов и юридическая археография, что, в свою очередь, служило важной предпосылкой развития

¹ Основные издания мемуарной литературы: Арзамас: в 2 кн. / [сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру и др.]. М.: Худож. литература, 1994. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы; Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса»; *Веселовский К. С.* Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии Наук. 1855–1864 // *Русская старина*. Г. 32 1901, Т. 108. Кн. 12, декабрь. С. 495–528; *Никитенко А. В.* Дневник: [в 3 т]. М.: Захаров, 2004. Т. 1: 1826–1857; *Никитенко А. В.* Воспоминание о бывшем президенте Академии наук графе Д. Н. Блудове: Речь, произнесенная орд. акад. А. В. Никитенко в заседании общ. собрания 6 марта 1864 г., происходившем под председательством ген.-адъютанта адм. Ф. П. Литке. СПб.: Тип. Акад. наук, 1864. Отт. из Записок Акад. наук. 1864. Т. 5 (см. с. 70–77 наст. изд.).

² Научные труды: *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1866; *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971 (и др. работы автора); *Бухерт В. Г.* Д. Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в. // *Археографический ежегодник за 1993 год*. М.: Наука, 1995. С. 128–139; *Басаргина Е. Ю.* Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2013. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Вып. 3).

³ См.: *Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн.* / сост. и отв. ред. И. В. Тункина; ФАНО России; СПбФ АРАН. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 1. С. 358–372.

не только исторической, но и правовой науки задолго до появления в системе Академии наук правового направления.

Президентство Д. Н. Блудова в Императорской Академии наук было вовсе не случайным. Дмитрий Николаевич по праву считался одним из самых образованных чиновников своего времени, опытных профессионалов в государственном управлении. Он получил домашнее образование, занимаясь с профессорами Московского университета, затем обучался в частном пансионе, по окончании которого развивал и углублял свои знания на дипломатической и гражданской службе, а также в тесном интеллектуальном общении в научных и литературных кругах Москвы и Санкт-Петербурга.

Начало его служебной карьеры было связано с Московским архивом Коллегии иностранных дел, где через десять дней после зачисления юнкером (5 июля 1802 года) он был приведен к присяге. Это был первый в России исторический архив, в фондах которого хранились древнейшие государственные документы, памятники отечественной истории государства и права. В начале XIX века под руководством русского историка, археографа и издателя Николая Николаевича Бантыш-Каменского (1737–1814) архив стал, по сути, исследовательским и культурным центром Москвы.

Д. Н. Блудов, обладавший глубокими познаниями в области истории, географии, математики и других наук, владевший многими иностранными языками, попал в круг молодых московских интеллигентов, чьи имена впоследствии также вошли в историю и культуру России (Ф. Ф. Вигель, братья Тургеневы, Д. В. Дашков, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский и др.). С 1803 года начиналось его знакомство и дружба с Н. М. Карамзиным, собиравшим материал для своей «Истории государства Российского» (после смерти Н. М. Карамзина именно Д. Н. Блудов готовил к печати последний, неоконченный том этого главного труда своего старшего товарища), наработывался опыт написания научных текстов по архивным документам.

По рекомендации Н. М. Карамзина в 1807 году Д. Н. Блудов перешел на дипломатическую работу в Коллегию иностранных дел и переехал в Петербург, а 18 октября 1808 года отправился в Голландию, куда его командировали на должность секретаря русского посольства. В начале 1810 года Д. Н. Блудов был управляющим дипломатической канцелярией главнокомандующего Дунайской армией графа Н. М. Каменского в Русско-турецкой войне (1806–1812).

Помимо службы, в столице Д. Н. Блудов активно занимался литературным творчеством. В 1815 году он вместе с друзьями создал неофициальное литературное общество «Арзамас», собрания которого проходили в доме Д. Н. Блудова на Невском проспекте, где с 1817 года поселился и В. А. Жуковский. Членами «Арзамаса» были К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. А. Плещеев, В. Л. Пушкин, А. С. Пушкин, А. А. Перовский, С. П. Жихарев, А. Ф. Воейков, Ф. Ф. Вигель, Д. В. Давыдов, Д. А. Кавелин, братья А. И. и Н. И. Тургеневы, С. С. Уваров, Д. В. Дашков, М. Ф. Орлов, Д. П. Северин, П. И. Полетика и др.

В царствование императора Николая I (1825–1855) юридические компетенции Д. Н. Блудова совершенствовались на многих государственных должностях. Он служил:

- производителем дел в Верховной следственной комиссии (с 28 февраля 1826 года), составителем журнала (протокола) о ходе следствия над декабристами (впоследствии записи журнала легли в основу «Донесения» Верховной следственной комиссии, в котором была выражена официальная точка зрения на события 14 декабря 1825 года);
- управляющим Министерством юстиции (в 1830 году в отсутствие министра Д. В. Дашкова в течение нескольких месяцев) и министром юстиции в 1837–1839 годах;
- министром внутренних дел (1832–1839);
- главноуправляющим II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии (1839–1861);
- членом Государственного совета и председателем его департамента законов (1840–1861), потом председателем Государственного совета и Комитета министров (1862–1864).

Д. Н. Блудов продолжил дело М. М. Сперанского по систематизации российского законодательства и подзаконных актов. В течение многих лет он не только участвовал в разработке и обсуждении многочисленных законопроектов, но и возглавлял работу по обновлению систематических сборников нормативных правовых актов – Полного собрания законов, Свода законов Российской империи (в том числе составлению его новых полных редакций 1842 и 1857 годов, важнейшей отраслевой кодификации – Уложения о наказаниях 1845 года), региональных и ведомственных систематизаций.

В течение всей своей карьеры Д. Н. Блудов сохранил интерес к древним историко-юридическим документам – памятникам российского права.

Первый опыт археографа он получил на дипломатической службе, когда в последние годы царствования императора Александра I занимался подготовкой к изданию документов по внешней политике первой четверти XIX века¹. По окончании работы Следственной комиссии Д. Н. Блудов в должности товарища министра народного просвещения А. С. Шишкова в течение трех лет (с 25 ноября 1826 года) выполнял поручение нового императора по описанию архива Кабинета Его Императорского Величества, в котором содержались документы политического и дипломатического характера, представлявшие особую историческую ценность (периода правления Петра I и Екатерины I, Александра I, императрицы Анны Иоанновны, о самозванке княжне Таракановой, об обстоятельствах прихода к власти императора Николая I и др.), в том числе секретные. Описанные и разобранные документы по высочайшему повелению были перевезены на хранение в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел (позднее – в созданный в 1834 году Государственный архив Министерства иностранных дел), а Д. Н. Блудов, по замечанию современных архивистов, «стал хранителем фамильных тайн династии Романовых» и «негласным экспертом в архивном деле Николая I»².

20 декабря 1826 года Д. Н. Блудов был избран почетным членом ИАН, под эгидой которой вскоре была создана Археографическая экспедиция Академии наук (1829–1834), развернувшая работу по выявлению и собиранию исторических письменных древностей. Для изучения и издания собранных экспедицией материалов, продолжения сбора древних актов в 1834 году была учреждена Археографическая комиссия под председательством директора Департамента Министерства народного просвещения, академика ИАН (с 1828 года) князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова (1790–1855), с 1837 года ставшая постоянным научным учреждением. В состав комиссии вошли

¹ Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814, до конгресса в Вероне в 1822 году / Мин-во иностр. дел. Ч. 1: Акты публичные. Т. 1–2. СПб.: Военная типография Главного штаба Е. И. В., 1823–1825.

² Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов... С. 360, 361.

многие члены историко-филологического отделения ИАН (А. А. Куник, Н. Г. Устрялов, Я. И. Бередников, М. П. Погодин, П. М. Строев, Ф. И. Буслаев и др.). Участие Д. Н. Блудова в археографических проектах 1840–1850-х годов исследовалось известным российским архивистом В. Г. Бухертом¹.

В 1851 году Д. Н. Блудов стал помощником председателя Императорского Археолого-нумизматического общества, учрежденного в 1846 году, – герцога Максимилиана Лейхтенбергского, после кончины которого этот пост с 27 ноября 1851 года занял великий князь Константин Николаевич, а Д. Н. Блудов продолжал исполнять обязанности его помощника до конца жизни, тем более что и канцелярия, и библиотека общества размещались в здании II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии².

Тогда же, в начале 1850-х годов, в связи с утверждением императором «предположения об учреждении при Московской Мастерской и Оружейной палате³ Особого отделения для помещения важнейших государственных грамот и других достойных замечания бумаг,

¹ См.: *Бухерт В. Г.* Д. Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в. // Археографический ежегодник за 1993 год. М.: Наука, 1995. С. 128–139.

² Примечательный факт: в марте 1827 года во II Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии из архива Мастерской и Оружейной палаты (находилась в ведении Министерства императорского двора) был передан подлинник Соборного уложения 1649 года. Его текст под номером 1 был помещен в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), подготовленное II Отделением. Также предполагалось подготовить новое научное издание текста Уложения с комментариями, которое должно было стать частью серии изданий древних актов как Московской Руси, так и позднее вошедших в состав российского государства территорий. Текст уложения был возвращен в архив только в конце 1839 года. См.: *Бухерт В. Г.* Д. Н. Блудов и археографические проекты... С. 130.

³ В 1849 году было окончено возведение Большого Кремлевского дворца в Москве (арх. К. А. Тон), продолжавшееся с 1838 года. Проект предусматривал также возведение новых помещений для Мастерской и Оружейной палаты, в которых предполагалось открыть и Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Император Николай I одобрил один из проектов нового архива 6 октября 1851 года (См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 30–33; *Демина Г. А., Чернов А. В.* Из истории Государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М.: [б. и.], 1959; *Бухерт В. Г.* Д. Н. Блудов и археографические проекты... С. 133).

принадлежащих к временам, предшествовавшим царствованию императора Петра I»¹, Д. Н. Блудов вел активную переписку с председателем Археографической комиссии академиком ИАН П. А. Ширинским-Шихматовым, сменившим в 1849 году С. С. Уварова на посту министра народного просвещения. Далее публикуются документы из этой переписки, сохранившиеся в фонде 133 (Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР²) СПбФ АРАН³.

В царствование императора Александра II Д. Н. Блудов, прекрасный знаток российского законодательства, активно включился в проектирование преобразований. Под его руководством был разработан первый проект судебной реформы – Устав гражданского судопроизводства, внесенный в Государственный совет в 1857 году, но снятый с рассмотрения⁴. Д. Н. Блудов участвовал в дискуссиях о выборе методов крестьянской реформы⁵ и других преобразований.

С осени 1855 года к многочисленным обязанностям Дмитрия Николаевича по государственному управлению добавилась еще одна – должность президента ИАН.

Блестящее знание истории, административный и юридический таланты, верность престолу, стремление к благу государства, а также высокие личные качества Д. Н. Блудова определили выбор императора при поиске кандидата на эту должность. Указ о назначении графа был подписан 26 ноября 1855 года, а уже 23 декабря 1855 года президент на специальном заседании академии в речи о ее новых задачах определил главную цель: развитие новых отраслей научного знания, расширение исследований, популяризация науки⁶. О новом президенте ИАН

¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 1.

² Фондообразователь в 1834–1931 годах – Археографическая комиссия Академии наук.

³ См. публикации документов на с. 60–68 наст. изд. Тексты и копии всех документов, представленных в настоящей статье, – публикация автора статьи.

⁴ См., например: Дело по преобразованию судебной части в России: в 74 т. / сост. С. И. Зарудным. [СПб., 1857–1866]. Т. 1: Проект нового Устава судопроизводства гражданского. URL: <https://www.prlib.ru/item/343154>.

⁵ В частности, в дискуссиях в Главном комитете по крестьянскому делу в 1860 году предостерегал от ошибочности выбора обязательного выкупа как ключевого инструмента крестьянской реформы 1861–1866 годов.

⁶ См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 95.

и об этом заседании академик А. В. Никитенко вспоминал так: «Граф Блудов в первый раз председательствовал в Общем собрании академии. Он как будто уже десять лет председательствует – так хорошо знает он дела академические и так верно о них судит. Ни одного вопроса, ни одной бумаги не оставил он без внимания и без своих весьма дельных замечаний или объяснений с теми, кого они касались. Говорит он много, но содержательно. В нем еще много жизни, а ему уже семьдесят четыре года. Мы кончили заседание в 3 часа, начав в 12»¹.

В первую очередь новый руководитель обратил внимание на обновление нормативно-правовой базы академии, и вскоре были учреждены Комиссия для пересмотра Устава Академии наук 1836 года (под председательством вице-президента С. И. Давыдова в составе академиков Э. Х. Ленца, Г. П. Гельмерсена, П. А. Плетнева, А. В. Никитенко, П. И. Кепшена, К. С. Веселовского) и Комиссия для внесения изменений в Положение об Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) (под председательством И. И. Давыдова в составе академиков Н. И. Железнова, Н. Н. Зинина, Н. И. Кокшарова, А. Я. Купфера, Д. М. Перевощикова, Ю. Ф. Фрицше, Б. С. Якоби).

Президент Д. Н. Блудов не ставил перед первой («уставной») комиссией, работавшей с апреля 1856 по февраль 1857 года, задачи разработки коренной реформы Академии наук и нового проекта Устава. Комиссия была создана с целью обновления ряда устаревших норм и противоречивых положений документа. Однако в результате ее деятельности появился проект, который предусматривал проведение глубокой академической реформы (в том числе увеличение финансирования из государственной казны на 30 000 рублей ежегодно), а в выводах комиссии подчеркивалось, что основной целью работы Академии наук является не популяризация и распространение знаний, а чисто научная деятельность ее членов. Новый проект Устава получил поддержку Общего собрания Академии наук 30 мая 1857 года. Однако именно из-за несвоевременности внесения столь радикального и затратного для казны проекта его дальнейшее движение было остановлено президентом

¹ Никитенко А. В. Дневник: [в 3 т]. М.: Захаров, 2004. Т. 1: 1826–1857. С. 425–426; запись от 3 декабря 1855 г. Цит. по: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов... С. 365–366 (сноска 29).

Д. Н. Блудовым¹, что не могло остановить развернувшуюся как в обществе, так и в академической среде дискуссию о реформе Академии наук².

Вторая комиссия также не дала практических результатов. Основной причиной неудачи, как и полтора десятилетия ранее при создании Положения об ОРЯС, стали финансовые трудности в стране и невозможность изыскать дополнительные средства на финансирование еще одной академической реформы, которая должна была бы привести к унификации правового положения академиков всех трех отделений. Принималось в расчет и то, что численность членов ОРЯС была сопоставима с численностью двух других отделений вместе взятых³.

Таким образом любые предложения по унификации статуса членов всех трех отделений Академии наук во второй половине 1850-х годов требовали бы серьезного увеличения государственного финансирования, на что после тяжелой Крымской войны и накануне проведения серии важных государственных реформ руководство академии вряд ли могло рассчитывать.

Президентство Д. Н. Блудова в Академии наук завершилось при новом руководителе Министерства народного просвещения (в ведении этого государственного органа Академия наук находилась согласно ее Уставу), особо приближенном к великому князю Константину Николаевичу (его секретаре и биографе) А. В. Головнине, вступившем в должность министра 6 декабря 1862 года, а годом ранее (29 декабря 1861 года) избранном почетным членом Академии наук. Логика реформ, которые новый министр проводил в системе образования (в школах, гимназиях, университетах), возродила и планы академической реформы.

¹ См. подробнее: *Басаргина Е. Ю.* Проекты академической реформы 1855–1917 гг. и др.

² См. подробнее: *Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов...* С. 368–369.

³ При объединении академий по указанию императора 12 июня 1841 года организация нового отделения Академии наук (ОРЯС) осуществлялась на иных, чем у двух других отделений, основаниях, установленных Уставом Академии наук 1836 года. Положение об ОРЯС подтверждало статус членов отделения как государственных служащих, но из него были исключены права на получение жалованья, служебных квартир, пенсионное обеспечение. В порядке компенсации устанавливались гонорары академикам ОРЯС за издаваемые ими труды, а также плата за каждое заседание. См.: ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 16. Отд. 1. 1841. № 14940; Отд. 2. 1841. Приложения. I: Штаты и табели. С. 188.

24 декабря 1863 года по высочайшему докладу А. В. Головнина последовал указ императора о разработке проектов нового Устава Академии наук и ее штата с целью «усилить ученую деятельность Академии, направить оную преимущественно на пользу России»¹. Для работы над проектом 10 января 1864 года по указанию Д. Н. Блудова в Академии наук была создана еще одна «уставная» комиссия, председателем которой был назначен вице-президент академии В. Я. Буныковский, членами – академики Э. Х. Ленц, Г. П. Гельмерсен, О. Н. Бетлинг, Я. К. Грот, К. С. Веселовский и Л. И. Шренк², вопрос о новых проектах слушался на общем собрании академии 7 февраля 1864 года³.

Д. Н. Блудов оказался на посту президента Академии наук в сложный, переломный момент в истории России. Как юрист-практик, опытнейший государственный деятель и один из самых образованных представителей высшей элиты российского общества он не мог не понимать значение науки для прогрессивного развития страны, но государственная мудрость этого руководителя академического сообщества не позволяла ему принимать поспешные решения, в должной степени не обеспеченные ресурсами. Понимая необходимость и неизбежность преобразований, он взвешенно относился к их разработке и внедрению, храня научные традиции и поддерживая по возможности материальную базу российской науки⁴, а его более ранние усилия в области развития архивного дела и юридической археографии в России нашли продолжение в деятельности ученых-правоведов следующего поколения, одним из самых ярких представителей которого стал Н. В. Калачев.

¹ Летопись Российской Академии наук: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники, С.-Петербург. фил.; гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 3: 1861–1900. СПб.: Наука, 2003. С. 64.

² См. подробнее: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов... С. 371.

³ Летопись Российской Академии наук... Т. 3. С. 64.

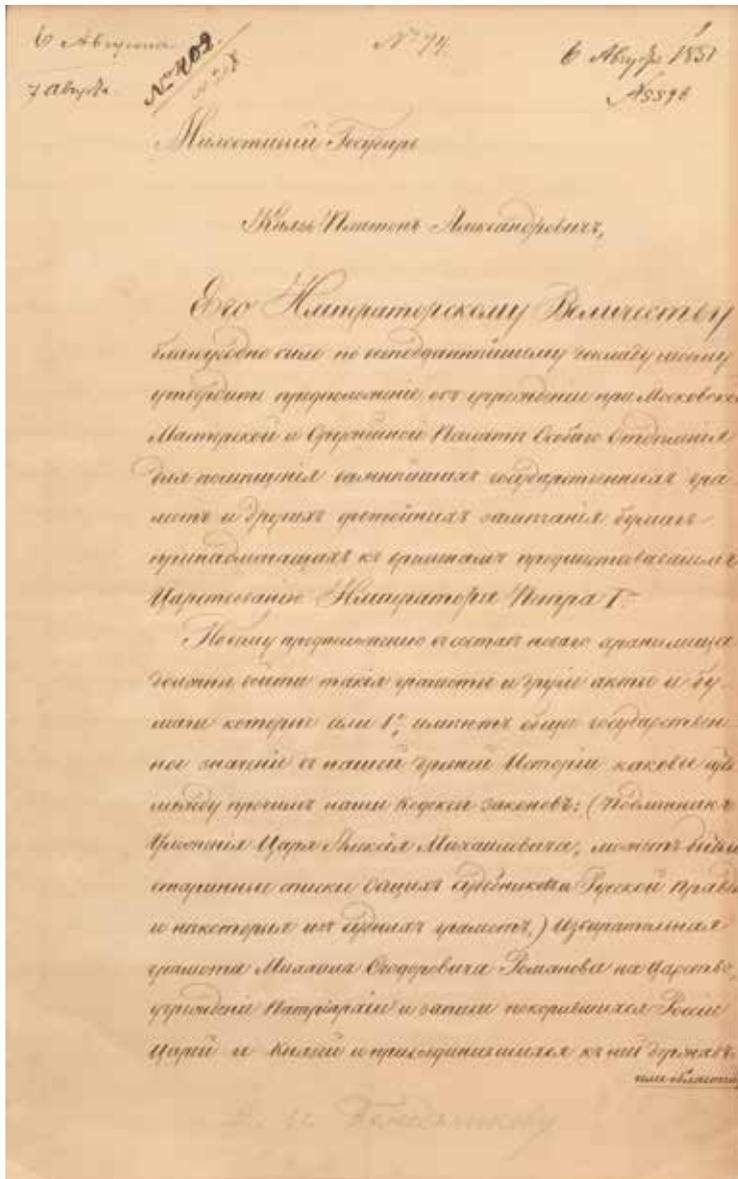
⁴ Так, например, в мае 1860 года последовало указание Д. Н. Блудова о выделении 40 000 рублей «из экономических сумм» (привлеченные средства сверх утвержденной сметы) на переезд и устройство новой (вместо сгоревшей в 1859 году) химической лаборатории Академии наук в здании типографии на углу 9-й линии и Большого проспекта Васильевского острова в столице. См.: Летопись Российской Академии наук Т. 2: 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. С. 531.

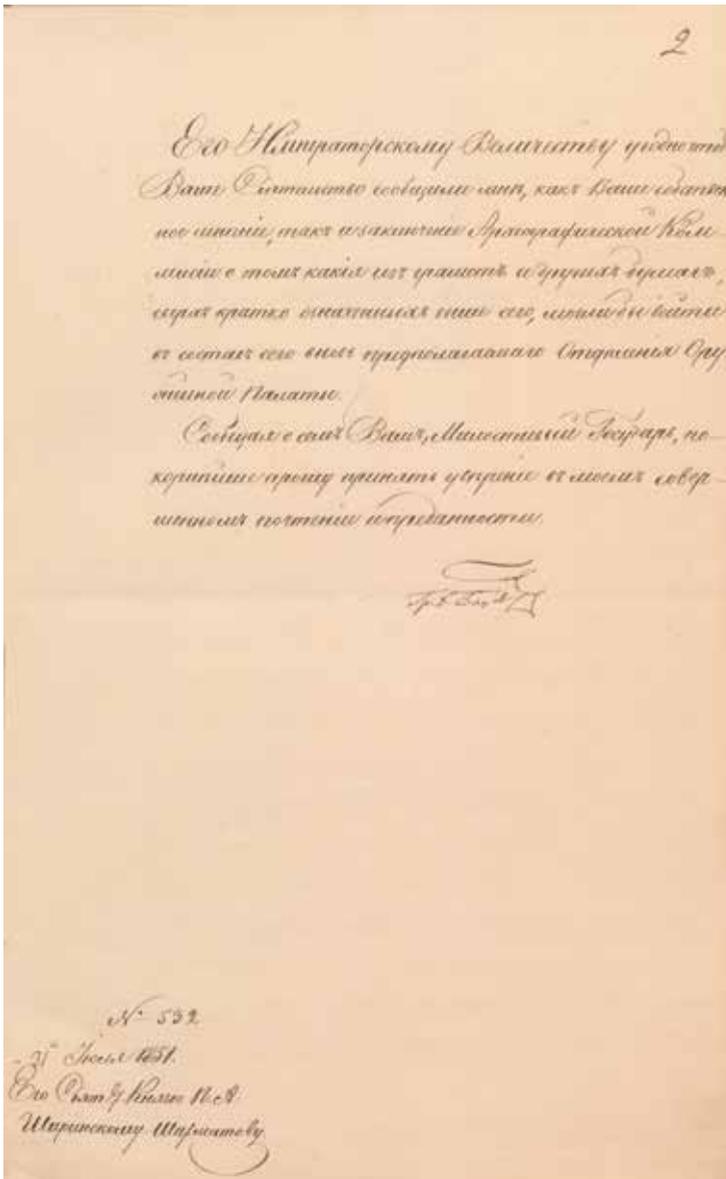
Сохранению памяти о деятельности Д. Н. Блудова в Академии наук посвятил свои обширные воспоминания академик К. С. Веселовский, много лет работавший рядом с ним в должности неперменного секретаря Академии наук¹, а академик А. В. Никитенко при вступлении адмирала графа Ф. П. Литке в должность президента Академии наук 6 марта 1864 года на торжественном мероприятии в ИАН произнес в честь Д. Н. Блудова проникновенную речь, в которой выделил его заслуги перед российской наукой и культурой. Текст этой речи публикуется далее в настоящем издании² по копии из электронного фонда Президентской библиотеки.

¹ *Веселовский К. С.* Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук. 1855–1864. С. 495–528.

² См. с. 70–77 наст. изд.

Письмо Д. Н. Блудова П. А. Ширинскому-Шихматову
от 31 июля 1851 года





Источник: Письмо главноуправляющего II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии графа Д. Н. Блудова от 31 июля 1851 года министру народного просвещения, председателю Археологической комиссии академику Императорской Академии наук князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 1-1 об., 2. 6-7 августа 1851. Автограф (подпись) графа Д. Н. Блудова. Писарский текст.

Письмо П. А. Ширинского-Шихматова Д. Н. Блудову от 21 августа 1851 года (фрагмент)

В основу публикуемого фрагмента письма П. А. Ширинского-Шихматова по запросу Д. Н. Блудова от 31 июля 1851 года легла докладная записка члена и правителя дел Археографической комиссии Якова Ивановича Бередникова (1793–1854)¹. Заключение, представленное Я. И. Бередниковым 12 августа 1851 года, содержало не только ответ по существу запроса, но и обширные дополнения Археографической комиссии к перечню важнейших государственных актов для их помещения в создаваемое особое отделение Оружейной палаты в составе Большого Кремлевского дворца². Этот дополнительный список публикуется ниже.

1) Уставные, Судные, губные и таможенные грамоты в подлинниках и списках. Эти памятники, начинаясь XIV веком и имев источником древнейшие не дошедшие до нас Судебники удельных князей, удерживали законную силу и в Московском государстве почти до издания Уложения Царя Алексея Михайловича. // На Уставных и Судных грамотах основаны и Судебники Иоаннов III и IV, а губные и таможенные грамоты служат почти единственным источником для истории уголовного и торгового нашего права. Эти грамоты, вероятно составлявшиеся из официальных кодексов, давались воеводам, городам и разным лицам в виде наказов при отправлении суда и расправы, также дел поземельных и торговых. Как они по местностям и особенностям древнего управления разнятся между собою и в них встречаются неизвестные юридические факты, которых нет в Судебниках и Уложении, то помещение этих грамот в одном хранилище доставит случай ученым пользоваться

¹ См. о нем: Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. А–В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2018. С. 64–65.

² Докладная от 11 августа 1851 года члена Археографической комиссии, правителя дел комиссии Якова Бередникова министру народного просвещения академику ИАН кн. Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову по содержанию письма графа Блудова (Автограф, подпись; чернила) // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 3–3 об., 4–4 об. В деле документ датирован 12 августа.

ими вполне и послужит к обогащению Истории нашего законодательства.

2) Жалованные грамоты Удельных князей до XV века включительно. Сверх имен князей и Удельных княжеств, еще не совсем известных по своему числу и подробности, означенные грамоты показывают обряды старинного делопроизводства и любопытны по своему языку и древности. Если первым этого рода памятником считать грамоту князя Мстислава Юрьевича монастырю, относящуюся к XII веку, то эти акты обнимают почти четыре столетия, самые малоизвестные и темные в нашей истории. Они хранятся в Государственных архивах старых дел, в Императорской Публичной библиотеке и некоторых монастырях.

3) Дела, грамоты и отписки // о важнейших государственных событиях и случаях. Таковы дело Максима Грека, о смерти Царевича Дмитрия (в Главном архиве Министерства иностранных дел), о боярине Шеине (в Разрядном архиве) и проч.

4) Бумаги с собственноручными подписями и приписками Царских Особ, из которых известны Царей Бориса Годунова и Алексея Михайловича.

Сообщая Вашему сиятельству заключение археограф комиссии имею честь присовокупить, что я согласен с означенным заключением.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства
Подписал: покорнейшим слугою
Князь Ширинский-Шихматов.

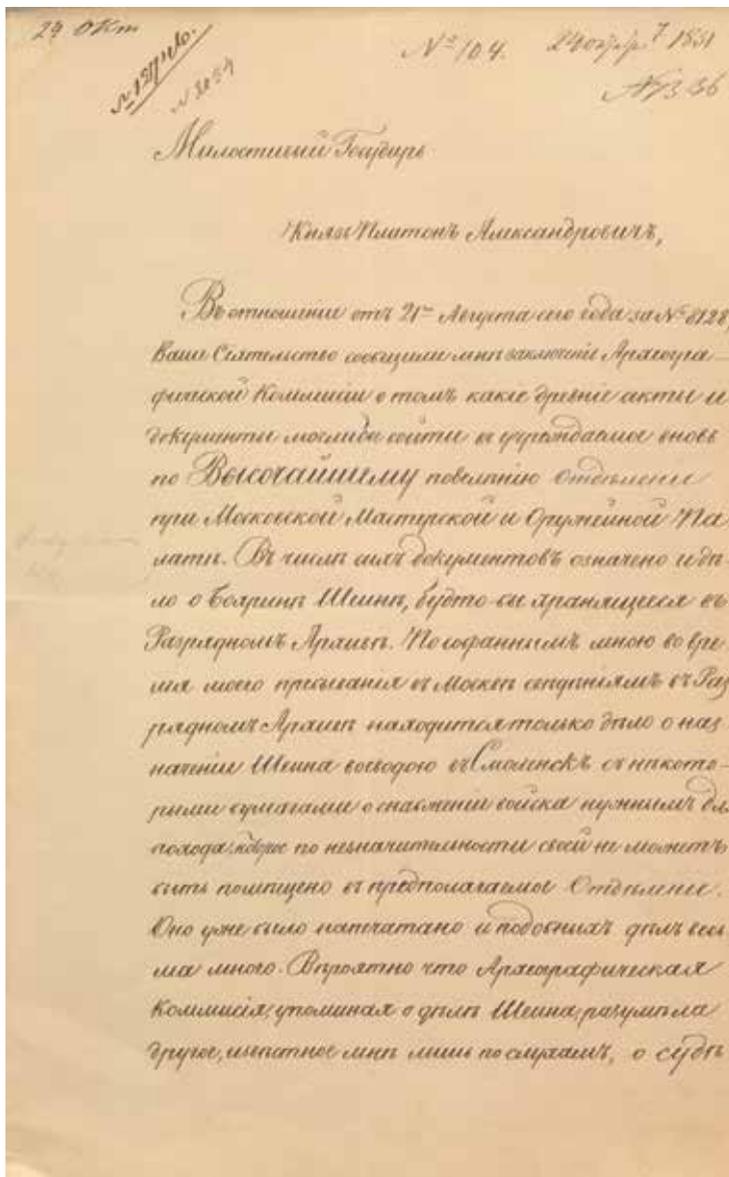
Верно: Правитель дел

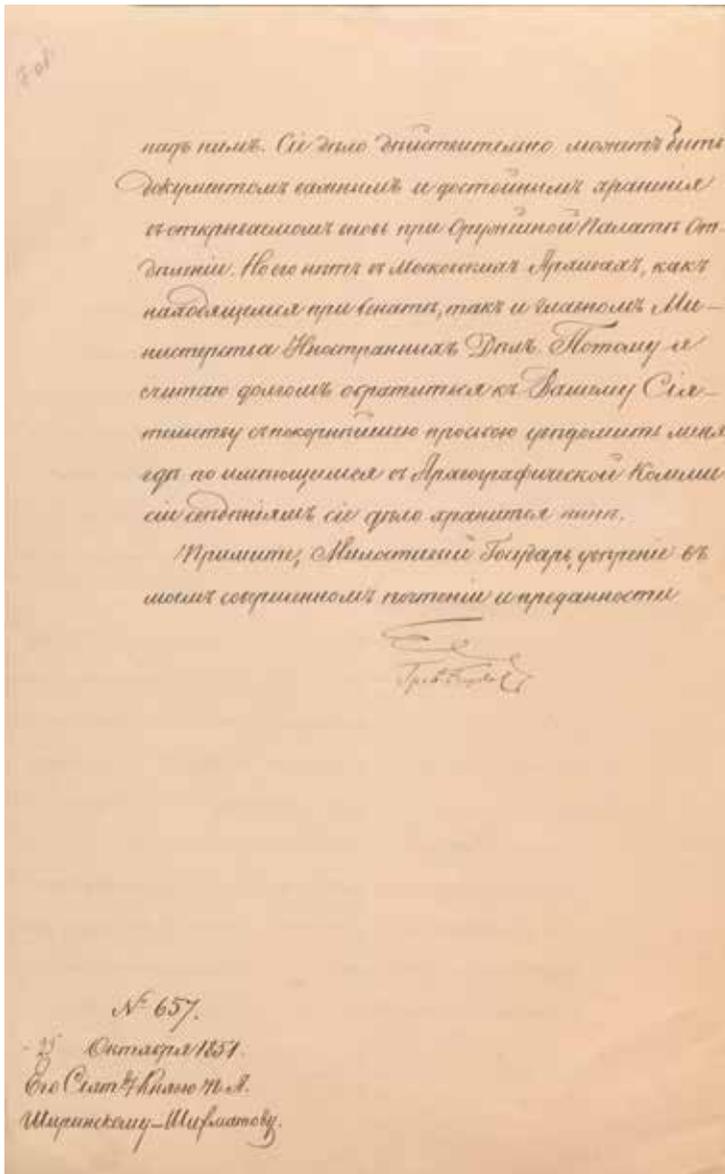
№ 8218

21 августа 1851 года

Источник: Письмо (отпуск) министра народного просвещения, председателя Археографической комиссии академика Императорской Академии наук князя П. А. Ширинского-Шихматова главноуправляющему II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии графу Д. Н. Блудову от 21 августа 1851 года (фрагмент) // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 5-5 об., 6.

Письмо П. А. Ширинского-Шихматова Д. Н. Блудову
от 23 октября 1851 года





Источник: Письмо графа Д. Н. Блудова министру народного просвеще-
 ния, председателю Археографической комиссии академику Императорской
 Академии наук князю П. А. Ширинскому-Шихматову от 23 октября 1851 года
 с запросом по делу боярина Шеина // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541.
 Л. 7-7 об. 24 октября 1851 г. Писарский текст.

Черновик письма П. А. Ширинского-Шихматова Д. Н. Блудову от 19 декабря 1851 года

Князь Ширинский-Шихматов, 31 октября 1851 года уведомив Д. Н. Блудова о получении его письма, поручил своему заместителю по Министерству народного просвещения А. С. Норову¹ выяснение обстоятельств обнаружения текста древнего акта, которым интересовался Д. Н. Блудов.

А. С. Норов обратился к академику И. Х. Гамелю² с просьбой сообщить информацию о месте хранения документов по делу боярина Шеина в связи с созданием Отделения государственных грамот.

Хотя академическими специальностями И. Х. Гамеля были химия и медицина, этот ученый-энциклопедист немало сделал и для исторической науки, в частности, будучи за границей, занимался поиском ценных архивных документов, связанных с историей Древней и Московской Руси. В ответном письме, которое А. С. Норов получил 10 декабря 1851 года, академик подробно излагал обстоятельства обнаружения им документа по делу боярина Шеина³. На основании полученной информации министерство подготовило публикуемый ниже ответ Д. Н. Блудову на его запрос.

Его Сиятельству графу Д. Н. Блудову

Милостивый государь граф Дмитрий Николаевич,

В дополнение к отношению моему от 31 прошедшего октября, за № 132, имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что академик Гамель, представивший в 1832 году отрывок из судного дела над

¹ Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – товарищ министра народного просвещения с 1850 года, министр народного просвещения с 7 апреля 1853 года по 23 марта 1858 года.

² Гамель Иосиф Христианович (1788–1862) – в звании академика Императорской Академии наук с 1829 года. См. о нем подробнее: Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. Г–И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2019. С. 12–13.

³ См.: Письмо академика И. Х. Гамеля от 8 декабря 1851 года А. С. Норову. Автограф. Черными чернилами // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 10–10 об., 11–11 об.

боярином Шеиным Государю Императору, возвратился из Лондона и на запрос о месте хранения означенного отрывка отвечал, что «по тщательном снятии точной копии подлинник опять приложен был к прочим бумагам (столбцам) Разрядного архива, между которыми оный и ныне должен находиться».

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства

Подпись: покорнейшим слугою

Князь Ширинский-Шихматов

Верно:

Источник: Черновик письма министра народного просвещения, председателя Археографической комиссии, академика Императорской Академии наук князя П. А. Ширинского-Шихматова графу Д. Н. Блудову от 19 декабря 1851 года // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1851). Д. 541. Л. 12. Чернилами. 19 декабря 1851 г. Исх. № 162.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / сост и отв. ред. И. В. Тункина; ФАНО России; СПбФ АРАН. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 1.

Арзамас: в 2 кн. / [Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру и др.]. М.: Худож. литература, 1994. Кн. 1: Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы; Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса».

Басаргина Е. Ю. Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2013. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Вып. 3).

Бухерт В. Г. Д. Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в. // Археографический ежегодник за 1993 год. М.: Наука, 1995. С. 128–139.

Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова в Академии наук. 1855–1864 // Русская старина. Г. 32 1901, Т. 108. Кн. 12, декабрь. С. 495–528.

- Демина Г. А., Чернов А. В.* Из истории Государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М.: [б. и.], 1959.
- Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814, до конгресса в Вероне в 1822 году / изд. Мин-вом иностр. дел. Ч. 1: Акты публичные. Т. 1–2. СПб.: Военная типография Главного штаба Е. И. В., 1823–1825.
- Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. СПб.: тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. 259 с.
- Летопись Российской Академии наук: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники, С.-Петербург. фил.; гл. ред. Ю. С. Осипов. СПб.: Наука, 2000–. Т. 2: 1803–1860. 2002; Т. 3. 2003.
- Никитенко А. В.* Воспоминание о бывшем президенте Академии наук графе Д. Н. Блудове: Речь, произнесенная орд. акад. А. В. Никитенко в заседании общ. собрания 6 марта 1864 г., происходившем под председательством ген.-адъютанта адм. Ф. П. Литке. СПб.: Тип. Акад. наук, 1864. Отт. из Записок Акад. наук. 1864. Т. 5.
- Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Петербургской академии наук в середине XIX века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 199 с.
- Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. А–В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2018. 195 с.; Г–И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2019. 220 с.

А. В. Никитенко¹

Воспоминание о бывшем президенте Академии наук графе Д. Н. Блудове²

Речь, произнесенная на заседании
Общего собрания Академии наук
6 марта 1864 года

Встречая впервые Ваше Высокопревосходительство в среде нашей как главного представителя нашего ученого сословия, мы в лице Вашем приветствуем и надежду всего благого для Академии. Ручательством этого служат прежние общественные, равно как и ученые заслуги Ваши, и известная любовь Ваша к науке. Провидению однако угодно, чтобы надежда столь отрадная и – как мы искренно убеждены – столь верная, была омрачена скорбью, которую время может смягчить, но не уничтожить в сердцах наших. Я разумею утрату, понесенную Академией в смерти своего недавнего президента графа Д. Н. Блудова. Никакое из обычных занятий наших в настоящие минуты еще свежей горести не найдет в настоей внутренней сосредоточенности, какая для них нужна, и мы думаем, что этот достопамятный день, когда Академия вступает в умственный и нравственный союз с новым своим президентом, ничем

¹ Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, ординарный академик Императорской Академии наук (с 1855 года – по ОРЯС).

В речах А. В. Никитенко в честь лиц, имевших особые заслуги перед русской литературой, а также в его отчетах о деятельности ОРЯС ИАН за 1856, 1858, 1861–1863, 1866–1876 годы содержится немало воспоминаний о таких деятелях русской науки и культуры, как В. Г. Бенедиктов, П. С. Билярский, В. Я. Буняковский, А. Ф. Вельтман, А. Ф. Гильфердинг, Н. И. Греч, В. И. Даль, М. А. Коркунов, М. А. Максимович, А. Н. Муравьев, К. И. Невоструев, А. С. Норов, Г. П. Павский, П. П. Пекарский, М. П. Розберг, К. С. Сербинович, граф М. М. Сперанский, граф А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, московский митрополит Филарет, черниговский архиепископ Филарет. – *Здесь и далее примеч. ред.*

² Полное название: Воспоминание о бывшем президенте Академии наук графе Д. Н. Блудове: Речь, произнесенная орд. акад. А. В. Никитенко в заседании общ. собрания 6 марта 1864 г., происходившем под председательством ген.-адъютанта адм. Ф. П. Литке. СПб.: Тип. Акад. наук, 1864. Отт. из Записок Акад. наук. 1864. Т. 5.

В настоящем издании текст воспроизводится по первой публикации в «Записках Академии наук».

достойнее не может быть ознаменован, как отдаванием торжественной почести воспоминания нашему отошедшему от нас знаменитому президенту. Мы уверены, что союз этот будет тверже и богаче счастливыми предзнаменованиями, когда он установится в невидимом, так сказать, присутствии того, кому так дорога была Академия и кто ей был так дорог.

Весьма естественно, чтобы во главе первого ученого сословия в Империи стояло лицо, отличное столько же по своему умственному и нравственному характеру, как и по общественному положению. Но граф Блудов обладал качествами, которые озаряли новым блеском и высшим достоинством призвание, само по себе уже столь почетное. Россия знает, что он был одним из просвещеннейших и благороднейших ее сынов и деятелей. Я не стану здесь говорить о его государственных заслугах: они найдут для себя место в летописях трех славных царствований. Я приведу на память только некоторые умственные и нравственные черты этой возвышенной личности, которыми она обозначалась здесь, собственно перед нами, как одно из светлых явлений русской гражданственности и русского умственного развития.

Эпоха, определившая первые шаги графа Блудова на этом пути, относится к началу нынешнего столетия. Это был замечательный момент в истории нашей умственной жизни. Формулируя философски, его можно назвать моментом синтетического настроения нашего национального сознания. Гигантские предварительные работы Петра Великого открыли пред нами мир человеческой образованности, науки, искусства. Гений Екатерины II приблизил и поставил нас с ним лицом к лицу. Мы готовились сделаться его членом и деятелем. Теперь действие его на нас должно было проявиться уже не в механическом, внешнем натиске или притяжении, а в силе внутреннего возбуждения с одной стороны, и с другой – в раскрытой чрез то также внутренней силе восприятия, по которой все истинное, человеческое, во всемирном движении должно было сделаться и нашим. Тут не было еще места аналитической разработке новых принципов; но тут было уже невынужденное, искреннее, сознательное согласие на эти принципы, и, следовательно, начало самобытного движения.

Это был неизбежный процесс духа, впервые простодушно и вместе твердо сознавшего свою мощь и свою высокую будущность, синтез, как я сказал, составляющий историческую особенность нашего

образования. Он, без сомнения, должен был уступить место анализу, без которого нет истинной науки и искусства; он и уступил его, но ему надлежало явиться в известный момент, как следствию своей причины, чтобы, взяв, так сказать, на себя дело образования, тотчас передать его по принадлежности силе подобающей. Явление это как нельзя более было благотворно на своем месте и в свое время. Лучшие тогдашние умы прониклись им. Почерпая в счастливой и богато одаренной натуре своей силы для высших стремлений, они доверчиво и искренне убеждены были во всем истинном и прекрасном. Без предварительных охлаждающих уроков строгого опыта, без горьких сомнений и разочарований они считали их великою достоверностью жизни, великим законом нравственного порядка вещей и великим своим долгом.

Это было больше чувство, чем изучение, но чувство, имевшее свою историческую логику и оправдание, чувство, если можно так выразиться, разумного постижения вещей, инстинкт здоровой свежей организации духа, предназначенной к долгой умственной жизни. Лица, оживотворенные этим чувством, обратились к тому, что всегда, на всех высших ступенях человеческого развития, служит прибежищем умам даровитым и одним из главных органов их деятельности – к литературе. Из них образовалась группа людей, которые не все были писатели, но все, и по внутреннему своему настроению, и по дарованиям своим, одинаково были способны действовать самым благотворным образом на общество.

Писатели, как Карамзин, Жуковский, Батюшков, вносили в него идеи облагораживающие и возвышающие посредством своих творений; неписатели, как граф Уваров, Дашков, граф Блудов, распространяли влияние этих идей на практическую сторону жизни. Это была школа людей с принципами России преобразованной и возбужденной к новому бытию, школа людей чистого, художественно выработанного нравственного стиля, с теплою верою в высшую будущность своего отечества, в его умственные и гражданственные успехи. Они составляли собою, так сказать, первую главу нашей новой истории, точно так, как деятели Петровой эпохи – введение к ней. Самую замечательную чертою в характере этих лиц было удивительное гармоническое сочетание двух великих идей: гуманизма и любви к отечеству. Их ум и убеждения образовались и созрели под влиянием всего вечно-истинного и вечно-прекрасного, чем гений человечества руководится и одушевляется

в лучших своих стремлениях; но любить свою страну, свой народ, приносить им в жертву и свои способности и жизнь они считали одною из возвышеннейших и прекраснейших истин человеческого сердца. Гуманизм не превращал их в космополитов, которые обременяют себя заботами о благе всех народов, настоящих и даже будущих, до того, что уже не в состоянии ничем служить своему. Люди того времени и той школы, о коих мы говорим, умели соглашать всеобщие требования человечества и века с насущными потребностями своей страны.

Граф Блудов был полнейшим и ощутительнейшим выражением этого, по-видимому, двойственного, но в сущности нераздельного направления. Он был патриотом в самом человеческом и в то же время в самом национальном смысле слова. Его общественные симпатии не сосредоточивались и не уединялись в одном каком-нибудь сословии или доктрине; он любил Государя и всю Россию, любил народ ее, ее славу, образование, ее прошедшее и будущее – любил всеми силами своего честного и бескорыстного сердца, и без преувеличения можно сказать, не было дня, которого бы он не посвятил на деятельное служение России везде, куда призывала его воля Монарха и важнейшие ее интересы.

Мы помним, какую твердую опору был он для наших университетов во время председательства своего в Комитете, учрежденном по делам ревизии и устройства наших учебных учреждений. Мы помним, сколько провел он в управление здравых идей, сколько выказал рвения и горячего участия в деле образования народных масс, всегда ему драгоценного, когда там же был поднят об этом вопрос. Ему принадлежат и первая мысль и первоначальные меры во время заведывания министерством внутренних дел о распространении того же образования посредством повсеместного устройства в губернских городах общественных библиотек. Много нужно было бы времени, чтобы исчислить все случаи, где он являлся покровителем всякой светлой мысли в литературе и науке и предстателем у трона за всякое общепольное начинание. И везде он оставался верным самому себе, оставался деятелем во имя разумных общественных успехов.

Когда по воле Государя-освободителя и законодателя освобожденного народа великие реформы настоящего времени призвали к участию лучшие умы правительственной сферы, граф Блудов явился в среде их с обновленными силами. Он почувствовал себя облегченным

от бремени лет в новую эру величия и благоденствия России и предался, с обычной ему энергиею, разработке материалов, из коих они должны сложиться. Известно, как важно было его участие во всех мерах, вносивших новые начала и новую жизнь в администрацию, в суды, в круг земства.

В воспоминании о деятельности графа Блудова, особенно близкой нам в качестве нашего Президента, прежде всего нам представляется та светлая и верная мысль, какую он определил отношения свои к Академии при самом поступлении на президентский пост. Он был уверен, что если всякая общепользная цель может быть достигаема только совокупною деятельностью многих соединенных сил, деятельностью ассоциаций, то достижение целей науки подлежит тому же закону; а потому он вполне ценил высокое значение академической корпорации, которая именно в этом соединении многих сил представляет надежное ручательство успехов науки. Академия, в уме его, получила характер одного из важных и необходимых учреждений, какие только цивилизованное государство устанавливает и охраняет в своей сфере.

Но вместе с тем, глубоко знакомый с сущностью науки и законами ее движения, он понимал, что задачей ее может быть одна истина, что как истина есть верховная потребность разума и высший закон человеческого существования, то наука имеет свои права, которые должны быть уважаемы, что ей должна быть предоставлена свобода развиваться соответственно этим правам, в духе ее собственного назначения и сил разума. Он понимал, что расширение ее границ, пути, которые она себе предначертывает, вопросы, которые себе задает, и способы их решения не терпят ничьих притязаний, ничьего внешнего вмешательства, никакого контроля, кроме контроля самой истины, служащей ей оправданием так же, как и целью. Сообразно с этим как представитель могущества, покровительствующего и охраняющего всякую разумную и общепользную деятельность в государстве, он употреблял свое влияние более всего на ограждение прав и достоинства науки от вредных случайностей и препятствий, мешающих ее процветанию. Труд и талант мысли должны были совершать все прочее.

Вот почему покойный президент вскоре по вступлении в свою должность, изучив нужды и положение Академии, предпринял изменить устройство ее согласно с требованиями времени, обновить, так сказать, ее организацию и усилить ее материальные средства. Комиссия,

составленная для этой цели из членов Академии, начертала по его указаниям проект нового устава и штатов, которому не было дано окончательного движения законодательным путем единственно по встретившимся смутным обстоятельствам времени. Но дело это было постоянным предметом забот графа, и незадолго до своей кончины он снова принял меры к его довершению. На новую комиссию возложен тот же труд, который и будет выполнен ею, уже как завещание, оставленное ей попечениями и любовью оплакиваемого нами Президента.

Его обширный ум одинаково способен был понимать и оценивать важность каждой отрасли знания. Всякий из нас мог быть уверен, что, как бы ни был специален труд его, труд этот всегда найдет в президенте живое сочувствие и содействие со стороны его влияния. Он знал, что в обширной цепи знания человеческого нет ни одного звена, которое бы могло быть вынуто без того, чтобы не расторглась вся цепь. Поэтому ему казалось, что вся Академия есть не иное что, как олицетворенная обширная система действия, направленная к одной цели. По его инициативе и содействию Академия, сверх постоянно и периодически издаваемых мемуаров о текущих вопросах науки, предприняла издавать на русском языке в нескольких книжках ежегодно особенные труды всех своих отделений совокупно. Опыт издания русских классиков, начатый изданием сочинений Державина, в самой первоначальной мысли своей нашел в нем и просвещенного ценителя и ревностного споспешествователя.

Кроме отношений, какие существовали между президентом нашим, столь хорошо понимавшим значение Академии, и нами как членами ее, нас связывали другие узы – узы, какие соединяют вообще людей мыслящих и сердечно сочувствующих одним и тем же интересам разума и просвещения. Вне наших должностных отношений он являлся совершенно равным со всеми людьми, принадлежавшими к подобной среде, и отличался единственно величиною своих государственных заслуг, блеском и силою своего ума, богатого идеями и разнообразными сведениями, которым зрелая опытность придавала новое достоинство и авторитет. У каждого из нас навсегда сохранятся в памяти его оживленные и назидательные беседы, к участию в коих все мы были приглашаемы с самым теплым и гостеприимным расположением. Он сохранил, почти до последнего дня своего, свою обычную ясность, энергию и гибкость мысли, живость воображения, неистощимое богатство своей

памяти и то изящество и убедительность слова, с тою при том разборчивостью и утонченностью вкуса, которые столько же свидетельствовали о его высоком даровании, как и образованности, и которые составляли отличительное свойство и всегдашнюю прелесть его беседы. Мы могли удивляться только, как, с подобными преимуществами положения и даров природы, он умел соединять еще такую доступность, такую простоту нравов и обращения, готовность снизойти ко всякой чужой мысли, из какой бы сферы она ни происходила, ко всякому чужому чувству, положению, нуждам. Изучая его как личность столь привлекательную, трудно, казалось, было найти в нем новую привлекательность – и однако она была: это было сердце его, полное неисчерпаемой доброты.

Из всех задач, какие человеку предстоит решать в своей нравственной практике, может быть, самая трудная состоит в том, чтобы сохранить в себе надолго свежесть чувства, откуда, как из средоточия нашего духа, лучшие идеи наши почерпают одушевление и жизненную силу. Сколь многих, прежде чем они отживали вполне, постигает несчастье пережить свое сердце, а с ним вместе – и драгоценнейшие его инстинкты и жаркие симпатии ко всему доброму и прекрасному! Самый ум, мало-помалу, принимая житейскую рассчитанность и благоразумие за высший закон практической мудрости, как будто сговаривается с искушающими и разочаровывающими опытами жизни, чтобы довершить в нас и оправдать это печальное превращение из существ любящих в холодных наблюдателей дел человеческих или в эгоистов, погруженных в собственные интересы и цели.

Граф Блудов счастливо избежал этой нравственной парализации, отнимающей у нас половину нас самих. Он достиг той глубокой человеческой мудрости, которая на высоте своей допускает расти и благоухать самым роскошным чувствованием сердца. Поставленный высоко на этой умственной ступени, как и на ступенях общественных, он сохранил до могилы способность горячо любить все, что облагораживает и совершенствует людей, и более всего – самых людей, несмотря на их несовершенства. Эта-то любовь, в своей естественной и неподдельной искренности, устанавливала такое умирительное равенство между ним и другими людьми; она делала все сношения с ним легкими, удобными, приятными для тех, кто имел в нем нужду, и для тех, кого сближал с ним случай. Каждый подчинялся привлекающей

силе этого чувства с полным доверием, зная, что за добро, ему оказанное, за приветливость или внимание к нему ему не придется платить жертвами тяжелыми для его самоуважения и убеждений. Из достоинств своих граф Блудов не делал зрелища для произведения эффекта и привлечения взоров толпы; он не хотел принимать позу таланта, ума, доброты и не казался только, а был действительно во всем существе своем живым олицетворением качеств и чувствований, приносящих честь человеческой природе.

Своим примером он блистательно доказал ту важную и вместе простую нравственную истину, что возвышенный ум становится неизмеримо выше, когда его поддерживают доблесть сердца и благой воли. И если граф, подобно всем людям, мог ошибаться в каких-нибудь соображениях или во взгляде на вещи, то в помощь ему всегда являлось сердце – и ошибка мысли исправлялась у него так, как никогда или редко исправляется у людей, заимствующих свою мнимую непогрешительность от высоты своего положения.

И все это, что я передал здесь в слабом очерке, и то, чего передать не умел или не успел, взяла у нас могила. Мы благоговейно преклоняемся пред волею Провидения, назначившего этот предел на земле всему великому и прекрасному в человеке; но есть летописи, есть память потомства, спасающие их от конечной гибели. На нас как на свидетелей проявлений личности, которой посвящено это слово, лежит священная обязанность передать в охранение им любезный нам образ – и мы передаем его с грустью и любовью в нашем честном сердечном воспоминании.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАЛАЧОВ¹
(26 мая 1819 года – 25 октября 1885 года)



Николай Калачов

Член-корреспондент Императорской Академии наук с 1858 года
Действительный член Императорской Академии наук с 1882 года

¹ В заголовках дано прижизненное написание фамилии ученого. В тексте статьи приводится согласно современным правилам: Калачев.

Николай Васильевич Калачов: у истоков российской юридической археологии

Показан вклад Н. В. Калачева, известного историка-археолога, основоположника рациональной организации архивного дела в России, в развитие историко-правовой науки в части формирования ее источниковедческих основ, публикуются малоизвестные документы, связанные с его деятельностью как собирателя и издателя ценнейших актовых материалов и юридических текстов прошлого, а также материалы о процедуре избрания Н. В. Калачева действительным членом Императорской Академии наук.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, процедура избрания в академии, история архивного дела, археология, юридическое источниковедение, Н. В. Калачов (Калачев).

Natalya V. Dunaeva

Nikolai Vasilyevich Kalachov: at the starting of Russian legal archeology

N. V. Kalachev is a well-known historian-archaeographer, one of the founder of the rational organization of archival business in Russia. His contribution to the development of historical and legal science, specifically to the formation of its documentary bases is shown. A little-known documents related to his activities as a collector and publisher of the most valuable archival materials and legal texts of the past, as well as materials on the procedure of election N. V. Kalachev as an academician of the Imperial Academy of Sciences are published.

Keywords: Imperial Academy of Sciences, the procedure of election as an academician, the history of archival affairs, archeology, legal source studies, N. V. Kalachov (Kalachev).

¹ Дунаева Наталья Викторовна – Президентская библиотека, главный научный сотрудник отдела экспертизы фонда, доктор юридических наук, доцент.

Natalya V. Dunaeva – Presidential Library, Chief Researcher of the Foundation's Expertise Department, Dr. (Law), Associate Professor.

dunaevanv@prlib.ru

© Н. В. Дунаева, 2024

Место Николая Васильевича Калачева в истории российской науки и в истории Академии наук уникально. Юрист по образованию, слушавший в Московском университете лекции маститых ученых и молодых русских профессоров, прошедших стажировку в Берлинском университете по программе Сперанского – Савиньи, он рано проявил интерес к истории русского права, к документальным свидетельствам его эволюции. Первое серьезное исследование Н. В. Калачева было посвящено Судебнику Ивана IV и увидело свет в первом в юридической науке периодическом издании¹.

В данной статье раскрывается роль Н. В. Калачева в развитии историко-правовой науки в части формирования ее источниковедческих основ, публикуются малоизвестные документы, связанные с его деятельностью как собирателя и издателя ценнейших актовых материалов и юридических текстов прошлых веков. Путь, который прошел в науке этот выдающийся российский ученый, историк-археограф, основоположник рациональной организации архивного дела в России, закономерно увенчался высоким званием действительного члена Императорской Академии наук.

По окончании университета (1840) кандидат прав Н. В. Калачев по рекомендации М. П. Погодина поступил на службу в Археографическую комиссию в Петербурге, учрежденную незадолго перед этим (в 1834 году) при Департаменте народного просвещения Министерства народного просвещения под председательством князя П. А. Ширинского-Шихматова. Следующие восемь лет прошли между столицами: архивные изыскания в московских хранилищах под руководством П. М. Строева, библиотечная работа в Московском архиве Министерства иностранных дел, защита магистерской диссертации по Русской Правде, подготовка к публикации этого древнейшего памятника русского права, написание научных трудов. В 1848 году Московское общество истории и древностей приняло его в свои члены, а в следующем году Н. В. Калачев занял оставленную К. Д. Кавелиным кафедру истории русского законодательства в Московском университете, где преподавал до переезда в Петербург в 1857 году.

¹ См.: *Калачев Н. В. О Судебнике Царя Иоанна Васильевича* // П. Г. Редкин. *Юридические записки*. М.: Унив. тип., 1841. Т. 1. С. 47–160.

В 1851 году Археографическая комиссия избрала Н. В. Калачева своим членом, и он активно включился в работу по подготовке дополнения к собранию изданных комиссией в 1838 году юридических актов¹. 23 апреля 1852 года он обратился к председателю комиссии (с 20 октября 1849 года министру народного просвещения) тайному советнику П. А. Ширинскому-Шихматову за разрешением не только работать в московских архивах, но и выезжать в губернские, и для этого получить пропуск («вид») на их посещение. Н. В. Калачев также просил передать ему для работы документы из архива самой комиссии, обещая работать безвозмездно. Свое обращение он завершил следующими словами: «В дополнение к сказанному считаю долгом совести прибавить, что если Ваше Сиятельство изволит обратить внимание на мою просьбу и найдет возможным удовлетворить ее, я в состоянии буду продолжать мою службу не только в Археографической Комиссии, но и в Московском университете, которой в противном случае домашние мои обстоятельства и слабое здоровье никак не позволяют продолжить мне. Член Археографической комиссии Николай Калачев»².

Комиссия не нашла препятствий для разрешения, и работа Н. В. Калачева в губерниях с целью осмотра губернских и частных архивов, выявления в их собраниях важных исторических актов продолжалась многие годы. В 1852–1853 годах он на собственные средства совершил две экспедиции по Орловской, Владимирской³, Саратовской и Самарской, Тамбовской, Рязанской губерниям. Работал и в других губерниях. Например, в октябре 1857 года Н. В. Калачев сообщал, что по поручению Археологической комиссии посетил Симбирскую, Саратовскую, Тверскую губернии, где приобрел около 200 документов (в основном XVIII века)⁴.

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Археогр. комисс. СПб.: II Отд-е Собств. Е. И. В. канцелярии, 1838.

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 1–2 об. Автограф черными чернилами.

³ На Владимирской земле находилась родина Н. В. Калачева – родовое село Вески недалеко от г. Алексина. Здесь прошло его детство, здесь он получил домашнее образование, в том числе у гувернеров-иностранцев. См.: *Шапкина М. Н.* Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста Н. В. Калачева // *История и архивы.* 2019. № 4. С. 146.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 77–80 об.

О результатах своих трудов Н. В. Калачев составлял обширные доклады и направлял их председателю Археографической комиссии (в 1851 году эту должность занял товарищ министра народного просвещения Авраам Сергеевич Норов)¹. Во время своих поездок Н. В. Калачев общался с представителями губернских и городских властей, прокурорами, работниками судов, привлекая их внимание к необходимости организации архивного дела. В ряде мест ему было отказано в доступе к фондам из-за неудовлетворительного состояния архивов или полной утраты документов при пожарах и иных стихийных бедствиях (далее в настоящем издании публикуются некоторые материалы, связанные с «археографическими путешествиями» Н. В. Калачева и изданием им памятников российского права²).

Местом нового назначения Н. В. Калачева в Петербурге в 1857 году стало II Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, где, по поручению своего руководителя Д. Н. Блудова, он занимался подготовкой к изданию третьей редакции Свода законов гражданских (том X Свода законов Российской империи).

Этот петербургский период служебной и научной деятельности Н. В. Калачева был столь же ярким и насыщенным достижениями. В 1858 году Императорская Академия наук (ИАН) избирает Н. В. Калачева членом-корреспондентом, в 1859 году он – член редакционных комиссий (юридическое отделение), активно занимается разработкой проектов отмены крепостного права в России. В 1862 году его назначают членом консультации при Министерстве юстиции, а в следующем году – членом-редактором учрежденной при Государственной канцелярии комиссии для составления проекта преобразования судебной части. В 1864 году Петербургский университет присуждает ему ученую степень доктора гражданского права, а спустя четыре года – звание почетного доктора.

¹ Рукописные доклады («донесения») Н. В. Калачева, полученные Археографической комиссией 27 июня 1853 года, 10 февраля 1854 года, 10 апреля 1854 года (этот документ датирован Н. В. Калачевым 21 марта 1853 года), 6 июня 1855 года, 14 октября 1857 года. См.: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 7–12 об., 15–28 об., 29–52 об., 53–64 об., 77–80 об.

² В частности, воспроизводится в скан-копии собственноручное письмо Н. В. Калачева в Археографическую комиссию о направлении им 588 экземпляров тиража издания юридических актов, которое он подготовил и напечатал за свой счет, – см. с. 90 наст. изд. Тексты и копии всех документов, представленных в настоящей статье, – публикация автора статьи.

Авторитет Н. В. Калачева как ученого-архивиста, основоположника рациональной организации архивного дела в нашей стране с годами неуклонно возрастал. В 1865 году он назначен присутствующим в Правительствующем Сенате, управляющим Московским архивом Министерства юстиции, здание которого на Девичьем поле было построено по его инициативе и при его непосредственном участии (открытие состоялось в сентябре 1886 года)¹.

В 1870-е годы Н. В. Калачев занимался организацией Археологического института и в 1878 году стал его первым директором. Благодаря его энергии и замыслам в российских губерниях стали открываться ученые архивные комиссии, сыгравшие огромную роль в становлении архивного, музейного и библиотечного дела в России.

ИАН высоко ценила заслуги Н. В. Калачева перед российской исторической наукой, отечественным архивоведением и новым научным направлением – «внешней историей права», зарождающимся во многом благодаря началу введения в научный оборот все в больших объемах древних юридических текстов – памятников российского права. В 1858 году Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом, а в 1883 году – действительным членом. Процедура избрания была проведена почти молниеносно, но в полном соответствии с Уставом ИАН.

Публикуемые ниже документы не только раскрывают ход этой процедуры, но и представляют в обобщенном виде оценку академическим сообществом результатов многолетнего труда этого неутомимого исследователя, организатора науки и архивного дела в России, ярко и беззаветно служившего России. И эта оценка остается актуальной и по прошествии почти полутора столетий.

Наследие Н. В. Калачева сохраняют многие институты памяти, в том числе и в электронной форме, что открывает доступ к нему для любого исследователя и читателя. Например, на портале Президентской библиотеки можно изучать многочисленные древние юридические

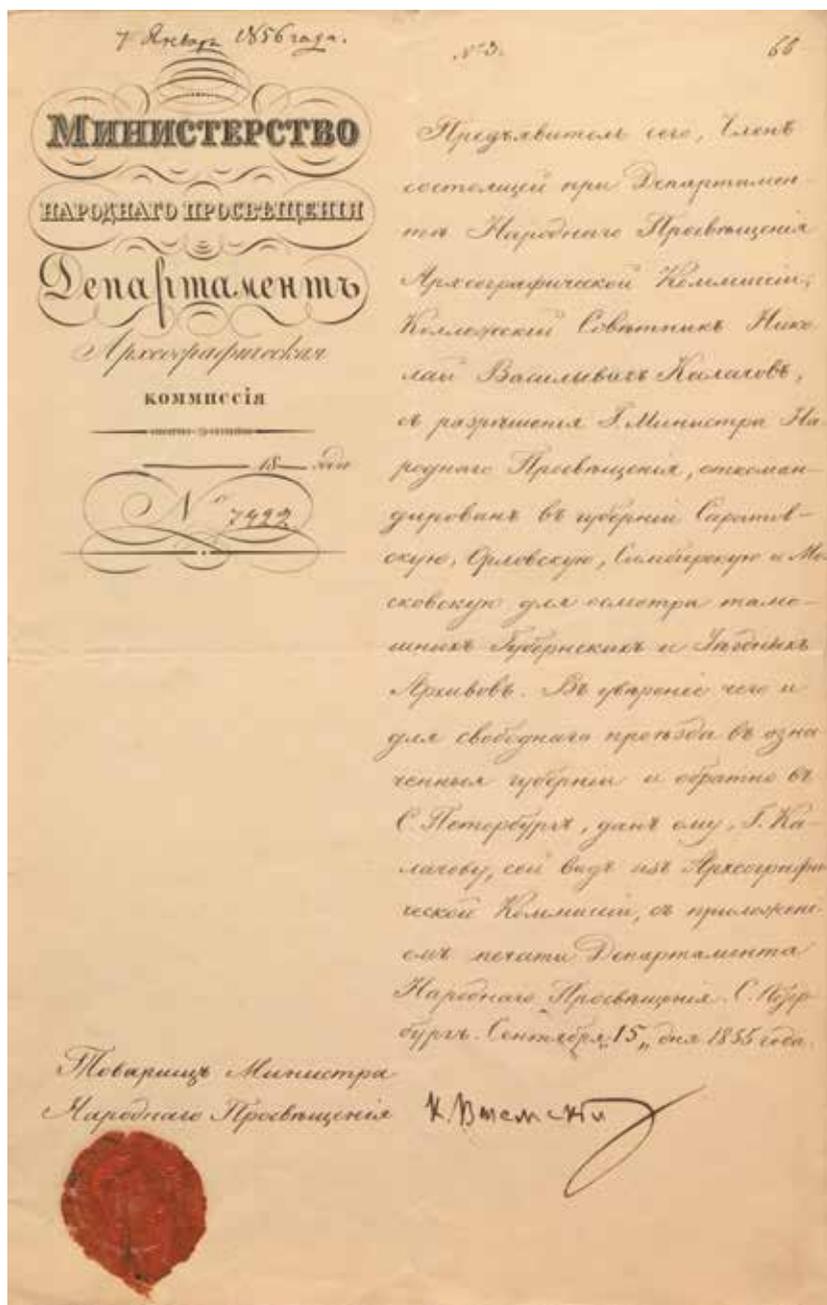
¹ В настоящее время здесь (по адресу: Москва, Большая Пироговская, д. 17) расположено одно из крупнейших федеральных архивных учреждений – Российский государственный архив древних актов.

акты по электронно-цифровым копиям трудов Н. В. Калачева¹. В фондах и коллекциях научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН хранятся бесценные материалы, связанные с деятельностью Археографической комиссии и ее членов, самого Николая Васильевича и созданного им Археографического института². Таким образом, в течение нескольких десятилетий XIX века Н. В. Калачевым и его соратниками – историками, правоведами и учеными других научных специальностей – был заложен источниковый фундамент академических исследований прошлого.

¹ Свод ссылок на труды Н. В. Калачева в электронном фонде Президентской библиотеки: <https://www.prlib.ru/history/619294>.

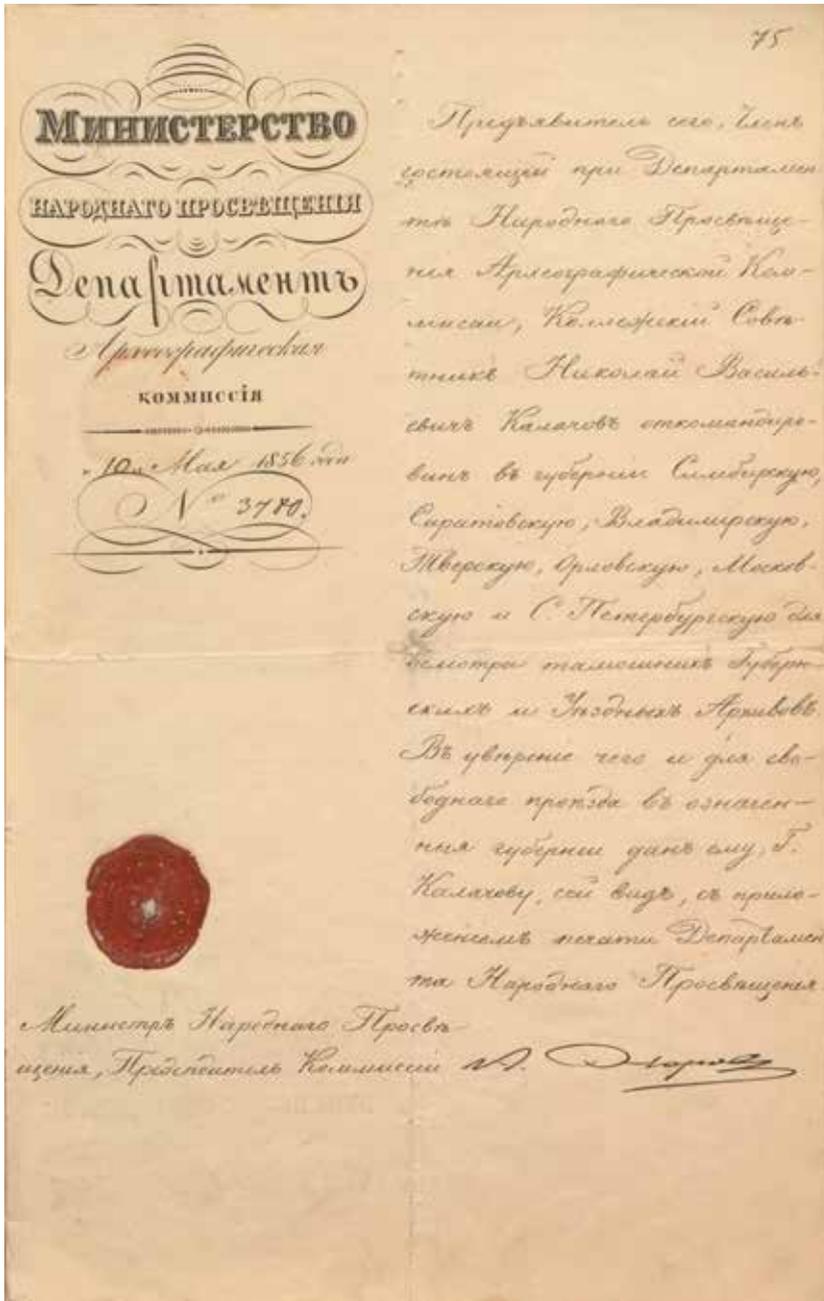
² См., например, фонды и коллекции Русской секции Научно-исторического Архива СПбИИ РАН: К. 11: Коллекция рукописей Археографической комиссии (документы XV–XVIII вв.), 146 ед. хр.; К. 12: Коллекция Археографической экспедиции («Акты П. М. Строева») (документы 1400–1723 годов), 1789 ед. хр.; К. 64: Коллекция Калачева Николая Васильевича (документы 1645–1744 годов), 46 ед. хр.; К. 114: Коллекция Археографической комиссии (документы 1446–1792 годов), 266 ед. хр.; К. 223: Коллекция Археологического института (документы 1620–1905 годов), 76 ед. хр.; Ф. 2: Коллекция актовых книг Археографической комиссии (документы XV–XVIII вв.), 150 ед. хр.; Ф. 276: Издательский фонд (Рукописи сотрудников Археографической комиссии, Историко-Археографического института АН СССР, ЛОИИ), 1916–1987 гг.; 448 ед. хр.

Вид г. Калачеву



Источник: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 66. Оригинал с печатью.

Вид г. Калачеву



Источник: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 75. Оригинал с печатью.

**Письмо министра внутренних дел С. С. Ланского
управляющему Министерством народного просвещения
от 6 октября 1855 года № 2332¹**

Министерство внутренних дел
Департамент общих дел министерства
Отделение 2
Стол 2
6 окт[ября] 1855 г.
№ 2332
Ответ на № 7423

Господину управляющему
Министерством народного просвещения

Вследствие отношения Вашего Сиятельства от 15 минувшего сентября имею честь уведомить, что по состоянию Камышинского окружного суда и тамошнего магистрата в ведомстве Министерства юстиции я не считаю себя вправе разрешить члену Археографической комиссии Калачеву осмотр архивов сих мест, для извлечения из дел их некоторых материалов.

Министр внутренних дел /С. Ланской/
Директор /подписал/

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 68.

¹ Оригинал. На официальном бланке Министерства внутренних дел. Департамент общих дел. Писарским почерком. Подписан министром внутренних дел С. С. Ланским.

**Письмо министра юстиции В. Н. Панина
министру народного просвещения
от 7 марта 1856 года № 4469**

Министерство юстиции

Департамент

Отделение 6.

Стол ревиз[ский]

Марта 7 дня 1856 года

№ 4469

Ответ на № 8313

О делах бывшей Дмитровской канцелярии
и о старых делах Камышинского магистрата

Господину министру народного просвещения

Вследствие отношения за № 8313 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что дела бывшей Дмитровской канцелярии, как донес Саратовский губернский прокурор, сгорели во время пожара в г. Камышине 20 июля прошлого года и что в архиве Камышинского городского магистрата, по удостоверению губернского прокурора, не оказалось дел за время с 1743 по 1781 год, а находятся там бумаги означенных годов на листах, полулистах и лоскутах, не подшитые и без описей.

Признавая неудобство сделать распоряжение о пересылке этих бумаг в таком виде в Саратовское губернское правление для производимых коллежским советником Калачевым по поручению Археографической комиссии ученых розысканий, долгом считаю сообщить Вам, милостивый государь, что я вместе с сим обратился к начальнику Саратовской губернии с просьбою о принятии мер к разбору помянутых бумаг и к составлению им описей.

Министр юстиции

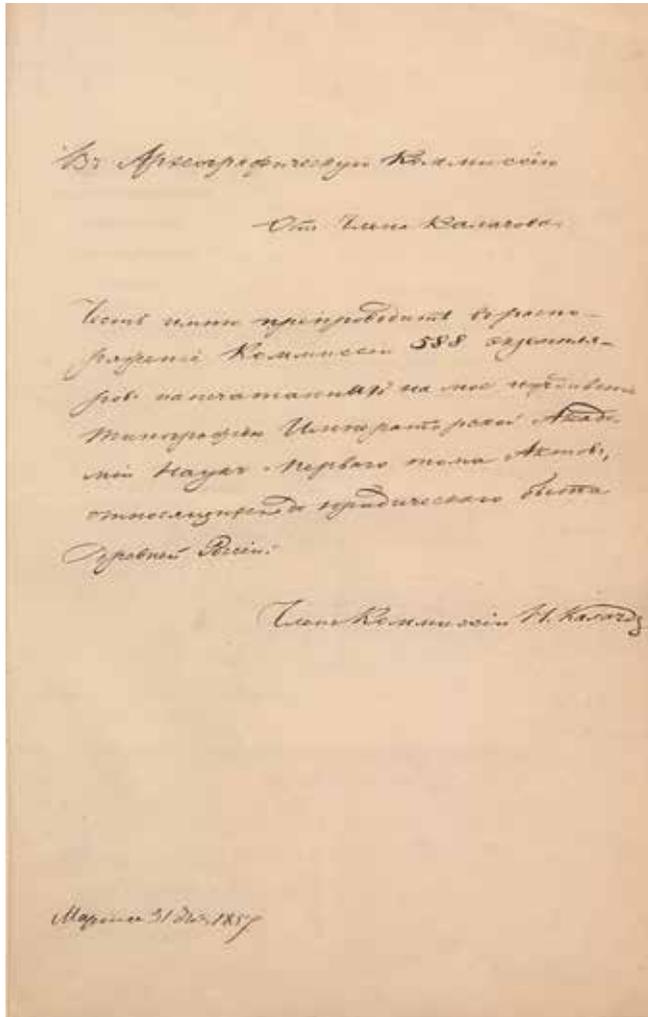
Статс-секретарь гр[аф] В. Панин /подписал/

Директор /подписал/

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1852). Д. 560. Л. 69–69 об., 70.

Оригинал. На официальном бланке Министерства юстиции. Писарским почерком. Подписан министром юстиции В. Н. Паниным.

**Письмо Н. В. Калачева в Археографическую комиссию
о направлении тиража изданных юридических актов
от 31 марта 1857 года¹**



Источник: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1856). Д. 14. Л. 11. Оригинал. Черными чернилами.

¹ 6 октября 1856 года Н. В. Калачев внес в канцелярию Археографической комиссии 300 рублей серебром для оплаты тиража первого тома Актов, а канцелярия комиссии 23 ноября 1856 года уведомляла, что денежные средства за отпечатанный первый том «Актов, относящихся до юридического быта Древней России» приняты. СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1856). Д. 14. Л. 5–5 об., 6.

**Об избрании члена-корреспондента академии
Н. В. Калачева в ординарные академики
по русской истории**

Представление, читанное в заседании
Историко-филологического отделения академии
8 февраля 1883 года

Считая необходимым и своевременным усилить в нашей среде деятельность по русской истории, в особенности по изучению четырех последних столетий, присоединением к составу действительных членов академии многозаслуженного ученого, члена-корреспондента академии, сенатора, тайного советника Николая Васильевича Калачева, мы имеем честь с согласия Его Сиятельства г. Президента предложить его к избранию на вакантное в отделении штатное место ординарного академика по русской истории. При этом считаем своим долгом заявить, что наш многоуважаемый сочлен А. А. Куник, которому по соблюдаемому в академии порядку принадлежало преимущественное право занять означенную вакансию, на все предложения о том, как с нашей стороны, так и со стороны г. Президента, самым положительным образом заявил о своем нежелании баллотироваться в звание ординарного академика и о полнейшей готовности своей уступить эту вакансию г. Калачеву.

В наше время успехов критики, примененной к разным отраслям человеческих знаний, в особенности выдвинулась на первый план в области истории важность изучения тех письменных памятников, которые имеют значение непосредственных свидетельств о прежней государственной и гражданской жизни и в качестве первоначальных источников ложатся в основу для всех дальнейших выводов и заключений. Чем более правильность и поучительность исторических трудов зависит от полноты и точности, с которыми изучены эти источники, тем с большею силою дает себя чувствовать в настоящее время необходимость возможно основательного изучения важнейших этого рода источников, относящихся до истории России последних трех или четырех столетий. Можно

с уверенностью сказать, что несмотря на массу всех напечатанных доселе материалов, верное понимание разных сторон нашего исторического быта еще невозможно именно по неразработке и даже отчасти по неотысканию многих из важнейших первоначальных источников, относящихся к этим столетиям. Восполнение этого пробела особенно важно в наше время, когда развитие народного сознания и оживление политической жизни России ставят на очередь такие вопросы, для основательного решения которых необходимо пособие истории.

Глядя с этой точки зрения на одну из главных потребностей русской историографии в современном ее положении, мы думаем, что ныне представляется возможность оказать несомненную пользу науке усилением в этом направлении трудов академии через присоединение к составу ее действительных и деятельных членов такого повсюду уважаемого и многозаслуженного ученого, как Н. В. Калачев.

Столь же многочисленные, сколько и важные труды, доставившие г. Калачеву высокое положение в науке, известны и оценены в академии, как и во всех ученых и даже просто образованных кругах русского общества. Не имея поэтому надобности говорить здесь о каждом из них в подробности, укажем лишь на главнейшие из них с целью показать тем объем и характер ученой деятельности нашего кандидата.

Николай Васильевич получил свое первоначальное образование в Москве, в Дворянском институте, а затем в университете, где основательное преподавание исторических и юридических наук развило в молодом человеке решительную любовь к историко-юридическим занятиям, которые с тех пор и стали неизменно задачею его жизни. По окончании в 1840 году университетского курса с первого вступления его на служебное поприще занятия его в Петербурге – в Археографической комиссии под руководством графа С. С. Уварова, а потом в Москве – в Главном архиве Министерства иностранных дел, доставили ему доступ к изучению письменных памятников русской старины, ознакомив его с путями к разысканию древних материалов для отечественной истории.

Под влиянием благоприятной житейской обстановки и смолоду развившейся любви к умственным занятиям рано явился Николай Васильевич с самостоятельными трудами на учено-литературном поприще: уже в течение двух последних лет своего университетского пребывания он написал обширное историко-юридическое исследование *О судебнике Царя Иоанна Васильевича*, напечатанное в 1841 и в 1842 годах (в Юридических записках, изд. П. Редкиным, Т. I, стр. 47–161, и Т. II, стр. 306–408).

Вскоре за тем, в 1846 году, диссертацией его на степень магистра было ученое исследование *Русской Правды* как одного из важнейших источников для изучения нашего древнего быта. В нем находим разбор изданий и сочинений, относящихся до Русской Правды, критическое обозрение списков ее и систематическое изложение и, наконец, указание на памятники, находящиеся в особенной связи с содержанием Русской Правды. В то же время издан особо текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. Несмотря на то, что с тех пор в течение 35 лет появилось немало исследований, относящихся как к самой Русской Правде, так и к другим памятникам, служащим к ее объяснению, труд г. Калачева не утратил и поныне своего значения, так что в 1880 году потребовалось второе издание его (*Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды*. Вып. 1, изд. 2-е, а самый текст Русской Правды напечатан г. Калачевым в 1881 году третьим изданием).

В 1847 и 1848 годах издан под редакцией г. Калачева сборник собранных князем К. М. Оболенским *Иностранных сочинений и актов, относящихся до древней Руси* (в 4 выпусках), и в то же время (1847) в Чтениях Московского общества истории и древностей появилось его исследование *О Кормчей книге*, вышедшее (1850) и отдельною книгою.

Занимая с 1847 по 1857 год кафедру истории русского права в Московском университете, он и тут в своем преподавании остался верен своему взгляду на важность изучения первоисточников. По желанию тогдашнего министра народного просвещения графа С. С. Уварова, одною из существеннейших частей этого

преподавания было объяснение важнейших юридических памятников русской старины в том весьма справедливом убеждении, что, ознакомившись хорошо с историческими источниками, студенты впоследствии и без руководства профессора будут иметь все средства к самостоятельному изучению и разработке излагаемого им предмета. Легко себе представить, какое плодотворное влияние имело такое преподавание на привлечение впоследствии новых молодых сил к существенной потребности нашей истории – к обработке источников.

Рядом с этим шли ученые работы и другого рода: Москва была в то время центром особого оживления трудов по русской истории; целая плеяда молодых профессоров и любителей с жаром работала над изучением русского быта, и между ними естественно ощущалась потребность в специальном органе, посредством которого становились бы всем известными плоды трудов этого рода. Таким средоточием и центральным органом для исследований и актов не только чисто исторических, но и по русской археологии в пространном смысле явился сборник, предпринятый г. Калачевым в 1850 году под заглавием *Архив Историко-Юридических сведений, относящихся до России*, которого вышло с 1850 по 1857 год три книги в 4 частях.

В этом сборнике помещены между прочим следующие ученые труды самого г. Калачева:

- 1) *Исследование о значении изгоев и состоянии изгойства в древней России.*
- 2) Под скромным заглавием *Археологических заметок об Инсаре и его уезде* – исследование по старинным памятникам о древнем Инсаре и Инсарской черте, служившей в XVII веке для охранения здесь государства от набегов кочевых народов; об Инсарских воеводах и управлении городском уездном до Петра Великого.
- 3) *О рукописных азбуках-прописях конца XVII и начала XVIII столетий*, этих маленьких популярных учебниках «житейской мудрости», изучение которых интересно по той роли, какую они в то время играли как проводники в народ понятий нравственных и религиозных.

- 4) О сборниках, известных в нашей древней литературе под названием *Мерила Праведного*, имевших у нас до времен Петра Великого значение источников права.
- 5) *Дополнения к рассуждению Денна о наказаниях в России до царя Алексея Михайловича.*

Издание означенного Архива с переездом г. Калачева в 1857 году в Петербург на службу во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было преобразовано в два отдельных повременных издания, из которых одно, под заглавием *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России* (в 12 книжках, вышедших в свет с 1858 по 1861 год), обогатило науку многими важными исследованиями и материалами по русской истории. Перу г. Калачева принадлежит здесь несколько статей, из которых назовем следующие:

1) *«Договоры вольных людей, XVII и начала XVIII века, о поступлении в крестьяне и дворовые на срочное время.* Приведенные здесь найденные г. Калачевым записи свидетельствуют, что и в означенное время были на Руси примеры поступления в крестьяне и дворовые на сроки.

2) *Судное дело 1500 года*, извлеченное из современной грамоты, доставленной в Археографическую комиссию и весьма любопытной при изучении древнего юридического быта Московского государства.

3) *Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях России.* Изложенные здесь замечания г. Калачев впоследствии развил и дополнил в статье, читанной им в Императорском Русском географическом обществе, под заглавием *Очерк юридического быта Великорусских крестьян в XVII веке.*

С точки зрения основательного изучения нашей истории, неотъемлемая заслуга принадлежит г. Калачеву в деле возбуждения у нас особенного внимания к изучению юридического быта древней России и к собранию с этой целью возможно полного материала. Важность этого предмета не только для правильного понимания нашего прошедшего, но и для плодотворного развития нашего законодательства в будущем не ускользнула от его внимания еще тогда, когда в первый период его московской ученой жизни в уме его

созревала программа его будущих научных занятий. Еще в бытность свою профессором Московского университета он совершил (1852) на свой счет археографическое путешествие по России для отыскания исторических и юридических материалов и объехал с этой целью губернии Орловскую, Владимирскую и Саратовскую. Описание путешествия и найденных материалов сделано частью в отдельной статье под заглавием *Исторические заметки, собранные в Орле и Мценске*, частью в особых донесениях о путешествии г. Председателю Археографической комиссии. Летом следующего затем 1853 года он объехал с той же целью Рязанскую, Тамбовскую и Саратовскую губернии и с тех пор продолжал ежегодно в течение летних месяцев такие поездки и по другим губерниям. Плодом этих поездок было сближение г. Калачева, а через него и Археографической комиссии, которой он был одним из деятельнейших членов, с владельцами старинных фамильных архивов внутри России. Вследствие этого составила весьма значительная коллекция актов, которые г. Калачев под своею редакцией и на свой счет издал в двух больших томах под заглавием *Акты, относящиеся до юридического быта древней России*, том 1 – 1851 год, том 2 – 1864 год.

Не менее важную услугу оказал г. Калачев, когда он в комиссии о начертании новых судебных уставов поднял вопрос о значении народных юридических обычаев, в особенности в крестьянских и мировых судах. Последствия показали, что вопрос был возбужден и вовремя, и удачно. Сочувствие, возбужденное им повсюду, и в особенности в Русском географическом обществе, выразилось, благодаря содействию многих членов этого Общества, массою собранных из разных концов России материалов, обработкой и изданием которых занимаются ныне не только учрежденная при этом обществе под председательством г. Калачева комиссия, но и юридические общества в С.-Петербурге, Москве, Киеве и Казани, так что успех дела может считаться прочно обеспеченным, и этот важный предмет, существовавший дотоле в нашей литературе лишь в состоянии слабых зачатков, сразу стал на такую почву, которая делает отныне возможною дальнейшую его обработку.

При содействии Русского географического общества г. Калачев предпринял издание весьма важного памятника для изучения географии и экономического быта древней России, а именно *Писцовых книг Московского Государства XVI и XVII века*, которых предполагается издать не менее 5 томов. До сих пор из них вышло в свет 2-е отделение 1-го тома (в 1877 году), а 1-е отделение хотя и отпечатано, но еще не выпущено в публику. Предисловием к нему будет служить обширное исследование г. Калачева о сошном и вытном письме в древней России – предмете, о котором он начал собирать материалы еще в бытность свою профессором в Московском университете.

Рядом с трудами по отысканию и изданию первоначальных источников г. Калачев пользовался разными случаями для изложения результатов собственных исследований по разным предметам бытовой истории нашего отечества. Такими случаями для него были то статьи и речи, читанные им в разных ученых обществах, то рецензии, более или менее обширные, которые он составлял большею частью по приглашению Академии наук на наиболее важные выходившие в свет сочинения по Русской истории.

Из числа трудов первого рода исчислим следующие:

- 1) *О волостных судах в древней и нынешней России*. В этой статье указано на первое появление в нашей истории волостных и сельских союзов и на развитие в них суда под влиянием старших родичей и домохозяев, из которых образовались впоследствии земские судейки с их товарищами целовальниками и лучшими добрыми мужами.
- 2) *Артели в древней и нынешней России*. 1864 год. В этом сочинении автор при своем глубоком знакомстве с историческими памятниками собрал все, что нашлось об этом предмете в напечатанных актах, дополнив свое изложение сведениями из памятников рукописных. К исследованию артелей в их прошлом г. Калачев присоединил с помощью фактов, извлеченных из повременных изданий и некоторых уставов, интересную картину быта новейших артелей. Здесь г. Калачеву принадлежит честь первой у нас попытки научного исследования этой формы народного труда, сделавшейся с тех пор

предметом многих замечательных исследований и занимающей весьма важное место в изучении народного быта.

- 3) *Десятни*. В этой записке, напечатанной в изданиях Императорского археологического общества, г. Калачев обратил внимание на историческую важность особого рода документов, обозначенных именем *Десятень*, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции и еще вовсе не разработанных, между тем как эти документы, судя по выводам, изложенным в статье г. Калачева, представляют собою драгоценный материал для изучения хозяйственного быта России и в особенности быта дворян и боярских детей в Московском государстве в XVI и XVII столетиях.
- 4) *Очерк царствования Феодора Алексиевича по актам, собранным Археографическою Комиссиею*. Здесь г. Калачев в сжатом, но богатом фактами очерке изобразил это еще почти не разработанное царствование на основании тех исторических документов, которые собраны Археографическою комиссиею.
- 5) *О значении Карамзина в истории Русского законодательства*.
- 6) *О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении* – главным образом извлечение из изданных в 1882 году под редакцией г. Калачева мнений Департамента Государственной экономии, составлявшихся до 1812 года преимущественно под влиянием Сперанского.

Составление рецензий на наиболее замечательные являвшиеся в нашей литературе исторические труды доставляло г. Калачеву еще чаще случаи сообщать в печати результаты его собственных исследований. Читая эти рецензии, мы можем видеть, что он и брался за составление этого рода трудов лишь потому, что это давало ему повод сообщать и свои выводы как плоды его обширной и солидной учености. Здесь мы укажем на следующие его рецензии:

- 1) Разбор сочинения г. Андреевского *О наместниках, воеводах и губернаторах*, 1867 год, составленный для оценки сочинения, участвовавшего в соискании Демидовских наград. Г. Калачев, имея в то время под руками некоторые еще

не изданные материалы по древнему Русскому праву и драгоценные бумаги по преобразованию губернских и уездных учреждений состоявшего при Государственном Совете комитета 6 декабря 1826 года, которые были сообщены ему графом Д. Н. Блудовым как члену образованной при Министерстве внутренних дел комиссии о губернских и уездных учреждениях, составил, с одной стороны, по этим древним документам очерк отношений народа к правительственным властям до Петра Великого и перечень учреждений древней России, остававшихся более или менее продолжительное время и в XVIII столетии, а с другой стороны – полный отчет о проектах и других бумагах комитета 6 декабря, относящихся до губернских учреждений, и приложил этот труд как важный материал для истории отечественного законодательства к рецензии на сочинение г. Андреевского.

- 2) Рецензия на сочинение С. Петровского *О Сенате в царствование Петра Великого*.
- 3) Разбор сочинения г. Дмитриева *История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о Губерниях*.
- 4) Разбор сочинения г. Чебышева-Дмитриева *О преступном действии по Русскому допетровскому праву*.
- 5) Разбор сочинения Б. Чичерина *Областные учреждения России в XVII веке*.
- 6) Разбор сочинения профессора Энгельмана *О давности по Русскому гражданскому праву*.
- 7) Разбор сочинения Д. В. Поленова *Исторические сведения Екатеринбургской Комиссии для сочинения проекта нового уложения*.

С назначением г. Калачева в 1865 году сенатором и управляющим Московским архивом Министерства юстиции для него открылось новое поприще для самых важных трудов. Богатая сокровищница исторических материалов, хранящихся в этом архиве, представляет неисчерпаемый запас для исследований о древнем быте России. Тут при весьма похвальном пособии чиновников архива он предпринял ряд изданий первоклассной важности для нашей отечественной истории:

- 1) *Описание документов и бумаг, хранящихся в архиве, которого печатается теперь 4-й том.*
- 2) *Решения Правительствующего Сената с 1835 по 1850 год.*
- 3) *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (1711–1725 годы).*

Дела, сосредоточивавшиеся при Петре Великом в созданном им Сенате, принадлежали к важнейшим по всем отраслям государственного управления, так что основательная история великой эпохи Преобразователя России невозможна без пособия Докладов и Приговоров Сената, а между тем эти документы оставались большею частью неизвестны и недоступны для занимающихся отечественною историей. Поэтому академия, по представлению академика А. А. Куника, с величайшею готовностью приняла в 1872 году предложение, сделанное ей г. Калачевым, об издании означенных Докладов и Приговоров как важнейшего источника для изучения государственного и общественного быта России в первой четверти прошлого столетия. Этот громадный сборник, издаваемый по мысли и под непосредственным руководством г. Калачева, составит собою 29 томов, из которых два уже вышли в свет (1-й том в 1880 году, 2-й в 1882 году), 3-й оканчивается печатанием, а для остальных приготовлены материалы.

- 4) *Внутренний быт Русского Государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московский Архиве Министерства Юстиции.*

Официальные акты и бумаги за означенный период – за время Иоанна Антоновича – свезенные по повелению Императрицы Елизаветы Петровны в Петербург и Москву из всех концов России, обозначались на языке архивариусов названием дел с известным титулом и из-за него составляли государственную тайну. Они не только были недоступны для исследователей как секретные, но им даже грозило совершенное уничтожение. Г. Калачеву принадлежит заслуга, что он тотчас же по вступлении в управление Московским архивом Министерства юстиции обратил внимание на значение этих бумаг, вследствие чего состоялось Высочайшее

повеление не только о приведении их в порядок и хранении в целости, но и об издании их в свет с научною целью в надлежащей системе. Печатаемый на этом основании особой Комиссией под председательством г. Калачева и по его ближайшим указаниям сборник представляет собою по полноте и важности входящих в него документов такое пособие для изучения внутреннего быта России, какого не имеется ни для одного из других царствований. Книга первая этого сборника, отпечатанная в Москве в 1880 году, содержит в себе статьи, относящиеся до «Верховной власти и Императорского Дома».

В настоящее время г. Калачев занят собиранием из разных архивов всех докладов и приговоров Московской «Боярской Думы» с 1550 по 1701 год и «Ближней Канцелярии» с 1701 по 1711 год, а также всех приказов (начиная с половины XVI столетия), заведовавших всеми отраслями управления России по ближайшим указаниям самого Царя. Особый отдел в таких разысканиях представляют собою так называемые Деяния Освященных Соборов, Совещания духовных властей, думных людей и земских чинов, доклады и приговоры в наместнических и воеводских палатах и избах, уездных и сельских съездах и сходках. Таково содержание обширного, замышляемого г. Калачевым издания, которое по необыкновенной важности документов, имеющих в него войти, озарит новым светом многие стороны древнего быта нашего отечества.

Говоря о заслугах г. Калачева по русской истории, нельзя умолчать о трудах его к лучшей постановке у нас архивного дела. История невозможна без помощи документов, хранящихся в разных архивах, и от хорошего устройства сих последних, от большей или меньшей приспособленности их для ученых занятий, в значительной степени зависят успехи русской историографии. Много работая в разных архивах и потому близко узнав слабые стороны нашего архивного дела, так далеко отставшего от того, что сделано по этой части в других странах, особенно во Франции, Италии и Германии, г. Калачев приложил много старания о том, чтобы обратить у нас внимание на этот предмет. Эти старания привели к образованию под председательством г. Калачева особой Высочайше учрежденной комиссии об устройстве архивов, от трудов которой мы вправе ожидать самых важных последствий для русской науки.

Рядом с этим г. Калачев, будучи глубоко убежден в том, что для полного благоустройства архива действительно необходимы специально приготовленные ученые хранители, создал особый институт для приготовления таких архивариусов и вообще лиц, сведущих в науке о русских древностях. Институт, основанный в 1877 году в виде опыта и на частные средства, находясь под управлением г. Калачева, в короткое время возбудил к себе такое повсюду сочувствие и так верно первыми своими шагами наметил пути к дальнейшему своему развитию, что мы можем смело предсказать ему самый блестящий успех¹. Осуществление задач вышеупомянутой Архивной комиссии и тесно связанных с ними задач Археологического института г. Калачева откроет собою – мы в том не сомневаемся – новую эпоху для исторической науки в России. Руководимые и вдохновляемые г. Калачевым воспитанники этого Института уже успели заявить себя в науке весьма почтенными археологическими трудами. Занятия их по разработке архивных материалов и по описанию вещественных памятников отечественных древностей делаются известными через издаваемый институтом Археологический сборник, которого доселе вышло уже 5 книг.

Представленный здесь беглый, далеко не полный перечень одних лишь важнейших трудов г. Калачева, если взглянуть на них в их взаимной связи и совокупности, ясно указывает на главный характер всей ученой деятельности нашего кандидата – на неустанное стремление к разъяснению разных, и притом важнейших, сторон древнего быта России при помощи наиболее достоверных первоначальных источников и документов, извлеченных из архивов. Сколько изумительна масса архивного материала, уже сделавшаяся

¹ Археологический институт (до 1917 года – Императорский Археологический институт), первым директором которого был Н. В. Калачев, располагался в Санкт-Петербурге сначала по адресу: 9-я линия В. О., д. 2/11, затем на наб. Екатерининского канала (ныне – канал Грибоедова), д. 14. Двухгодичное бесплатное обучение слушателей с высшим образованием по археологии и вспомогательным историческим дисциплинам. Среди преподавателей: И. Е. Андреевский, С. Ф. Платонов, И. И. Срезневский, Н. В. Покровский и др. В течение 20 лет издавался «Сборник Археологического института». В 1922–1923 годах преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета.

доступною всякому русскому историку в изданиях г. Калачева, столько же плодотворным для будущих успехов отечественной историографии окажутся старания г. Калачева, направленные к тому, чтобы поставить у нас пренебреженное доселе архивное дело на правильных началах. Собственные исследования г. Калачева всегда отличаются солидной эрудицией, осторожностью в выводах и, наконец, важностью предметов, на которые они обращены. Самая же масса трудов, совершенная им в течение своей жизни, посвященной без колебаний и перерывов одному делу, объясняется только горячей любовью к России и ее истории, той любовью, которая выражается не словами, а делами и полезными для отечества трудами.

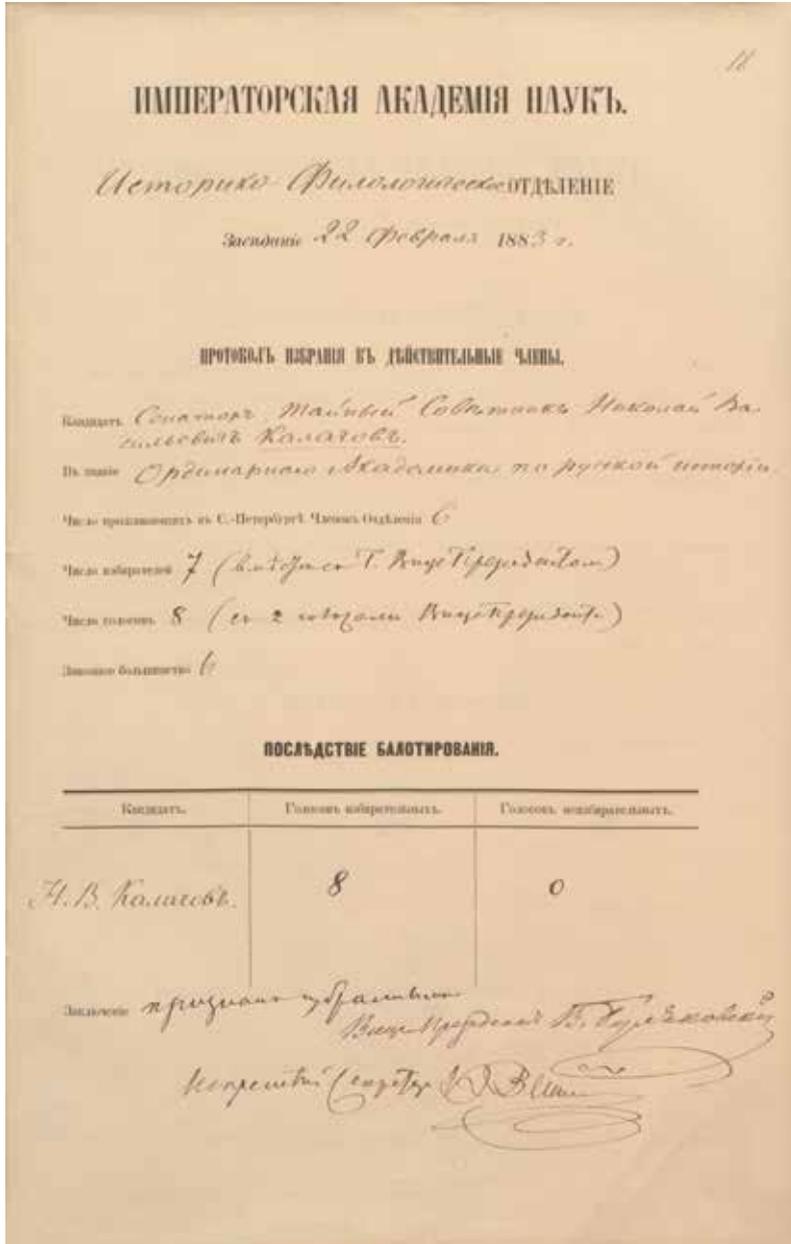
Подписали: К. Веселовский, Ф. Видеман, А. Наук, В. Безобразов.

На основании этого представления г. Калачев был избран в ординарные академики Историко-филологического отделения в заседании 22 февраля и затем Общим Собранием академии в заседании 2 апреля. Это избрание удостоилось Высочайшего утверждения 23 апреля 1883 года.

Источник: Из протокола Историко-Филологического Отделения от 8 февраля 1883 г. // Записки Императорской Академии Наук. Т. 45. СПб., 1883. Извлечения из протоколов заседаний Академии за январь, февраль и март 1883 г. С. 19–30.

Оригинал документа: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 59. Л. 2–17 об. В деле документ датирован 1 февраля 1883 года, написан писарским почерком черными чернилами. Подписи-автографы четырех академиков.

Протокол заседания историко-филологического отделения
Императорской Академии наук
от 22 февраля 1883 года



Источник: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 59. Л. 18.

Протокол Общего собрания
Императорской Академии наук
от 2 апреля 1883 года

19

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ.
Общее Собрание 2. Апрѣля 1883.

ПРОТОКОЛЪ ИЗБРАНІЯ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩИЕ ЧЛЕНЫ

Кандидатъ, представленный Отдѣленіемъ: *Сенатора Тайнаго Совѣтника Николая Васильевича Калагорова.*

На противъ: *Ординарнаго Академика по Русской исторіи.*

Число присутствовавшихъ изъ С. Петербурга Членовъ Физико-Математическаго и Историко-Филологическаго Отдѣленій 21.

Число казенныхъ избирателей. Физико-Математическаго и Историко-Филологическаго Отдѣленій 18. Отдѣленія Русскаго Языка и Славянскаго 5.

Число явившихся: 26 / считалъ два шмита и Президентъ /

Число болѣе: 18.

ПОСЛѢДСТВІЕ БЛЮТИРОВКЪ.

Кандидатъ.	Число избирателей.	Число болѣе.
<i>Н. В. Калаговъ</i>	<i>24</i>	<i>2</i>

Закончено: Протоколъ избранъ.

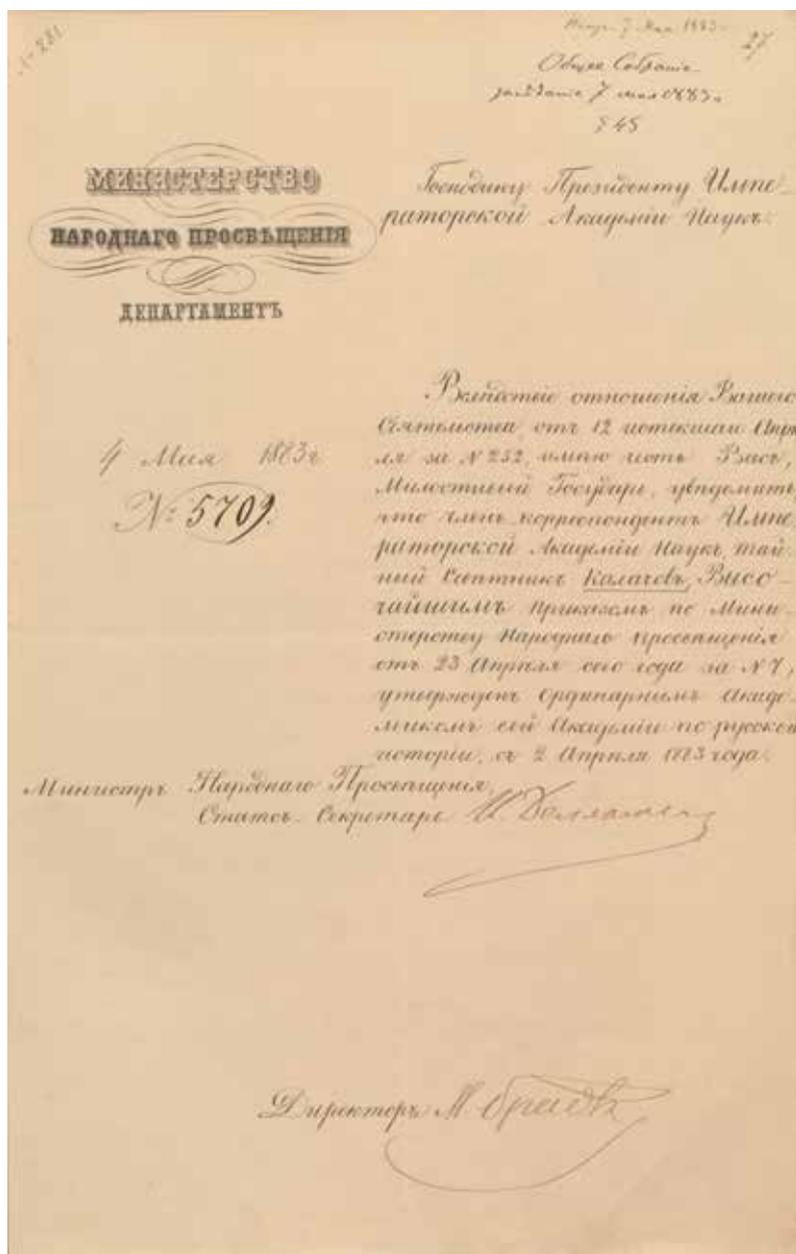
Президентъ Георгій З. Шенниковъ

Вице-Президентъ В. Бундиковскій

Корреспондентъ Секретарь Д. Вильямсъ

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 59. Л. 19.

**Решение министра народного просвещения
об утверждении результатов выборов
от 4 мая 1883 года**



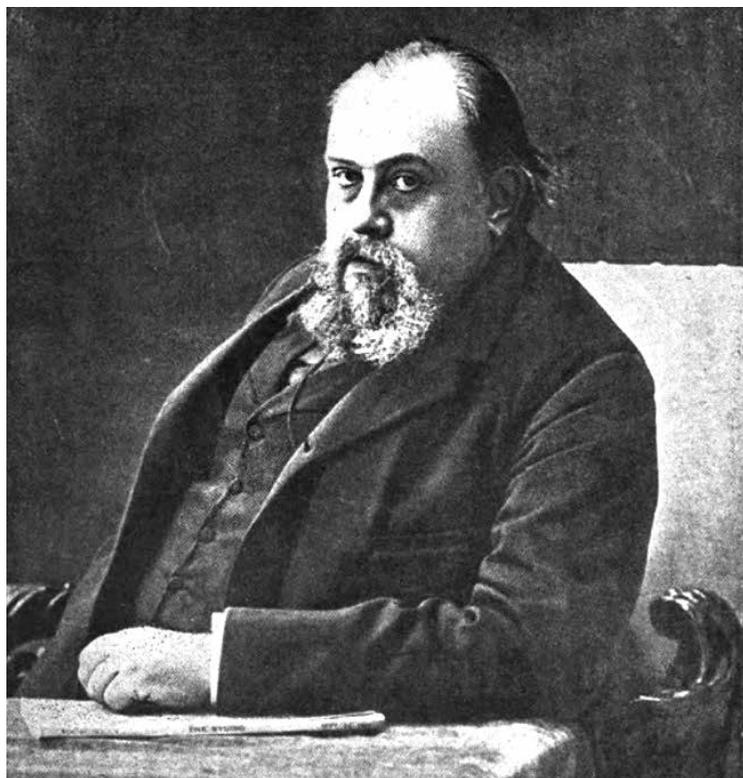
Источник: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 59. Л. 27.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Археогр. комисс. СПб.: II Отд-е Собств. Е. И. В. канцелярии, 1838. 496 с.
- Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / под ред. Н. Калачева; Археографическая комиссия: в 3 т. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1857–1884. Т. 1. 1857. 399 с.; Т. 2. 1864. 446 с.; Т. 3. 1884. 272 с.
- Калачев Н. В.* О Судебнике Царя Иоанна Васильевича // П. Г. Редкин. Юридические записки. М.: Унив. тип., 1841. Т. 1. С. 47–160.
- Шашкина М. Н.* Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста Н. В. Калачева // История и архивы. 2019. № 4. С. 146–150.
- Свод ссылок на труды Н. В. Калачева в электронном фонде Президентской библиотеки см.:



МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ
(27 августа 1851 – 23 марта 1916)



Член-корреспондент Императорской Академии наук
по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения
(с 4 декабря 1899 года)

Ординарный академик Императорской Академии наук по государственному праву
(с 29 марта 1914 года)

А. Ф. Кони¹

М. М. Ковалевский в законодательной деятельности

Горестная весть о кончине, после долгих и упорных страданий, Максима Максимовича Ковалевского вызвала в печати ряд воспоминаний о нем и сочувственных некрологов. В них не было довольно обычных у нас общих мест и бессодержательных узоров, вышитых по трафарету на канве послужного списка, или перечня названий ученых сочинений почившего. Наоборот, чувствовалось, что в памяти писавших, рядом с образом ученого и общественного деятеля, неотразимо возникал прежде и сильнее всего образ человека с чутким и отзывчивым, добрым и великодушным сердцем. С последним слабым и прощальным биением этого сердца из нашей бедной людьми общественной среды ушел служитель правовых и государственных идеалов, прилагавший к их практическому осуществлению всю силу своих блестящих дарований и многосторонних знаний, слово которого было неразрывно связано с делом. Для полной оценки его личности и деятельности еще не наступило время. Многогранность первой и разнообразие второй требуют подробного исследования в систематической и полной

¹ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – государственный и общественный деятель, судья, обер-прокурор уголовного Кассационного департамента Правительствующего сената, член Государственного совета (по назначению) в 1907–1917 годах, литератор, преподаватель. В январе 1900 года А. Ф. Кони было присвоено звание почетного академика по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, учрежденное годом ранее к столетию со дня рождения А. С. Пушкина. Звание присуждалось академией авторам получивших известность трудов в области философии и права. Одновременно с А. Ф. Кони этого звания были удостоены еще девять человек, в том числе Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, позднее это звание получили В. О. Ключевский, И. А. Бунин, К. С. Станиславский и др. В феврале 1902 года в почетные академики был избран Максим Горький, но это решение академии было аннулировано правительством, после чего от звания отказались А. П. Чехов и В. Г. Короленко (звание последнего было восстановлено в 1918 году).

В настоящем сборнике работа А. Ф. Кони воспроизводится в современной орфографии по изданию: Кони А. Ф. М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. Пг.: Типо-лит. АО «Самообразование», 1916. 19 с. – *Здесь и далее примеч. ред.*

биографии, долженствующей занять поучительное место в истории развития русского просвещения и правосознания. Но теперь, в виду его свежей могилы под грудой венков с красноречивыми надписями, хочется сказать несколько слов о его участии в нашем законодательстве, т. е. о его работе в обновленном с 1906 года Государственном Совете.

В течение восьми лет мы были соседями по креслам в Мариинском дворце, в зале заседаний Верхней Палаты. Прежние мимолетные встречи сменились у нас за этот долгий период постоянным обменом мыслей и взглядов, в которых мы по большей части, хотя иногда и по разным основаниям, сходились. Делясь выводами из подлежавших нашему рассмотрению материалов и соображениями по вопросам, которые предстояло решить, мы, само собою разумеется, попутно касались явлений окружавшей нас жизни. Трудно помириться с мыслью, что прекратилось привычное удовольствие, с которым приходилось, придя в заседание, видеть или поджидать появление его крупной фигуры с красивым русским лицом, милой улыбкой, живым, но часто грустным взором и могучим голосом. Больно думать, что не придется более слышать его остроумные замечания и тонкие характеристики, быть невольным свидетелем его готовности к широкой и деликатной помощи нуждающимся в разных отношениях, его письменных и личных заступничеств и его неизменного альтруизма, на служение которому он отдавал себя, не жалея часто бесплодной траты времени и труда на разнообразные хлопоты. Человек цельный, верный раз принятому направлению и усвоенным убеждениям, он привлекал к себе откровенным выражением своих взглядов, за которым не чувствовалось никакой *reservatio mentalis*¹. В спорах он был, прежде всего, человеком воспитанным и внимательным, хотя легкая ирония в изложении своего несогласия и в частном разговоре, и на кафедре очень часто сквозила в его словах, не оскорбляя, но иногда чувствительно жаля. И в заочных отзывах его о ком-либо соболезнование слышалось чаще, чем суровое осуждение; последнее выпадало на долю лишь нелюбимых им медоточивых людей Молчалинского типа и тех, к которым применимо образное народное выражение: «духом к небу парит, а ножками еще в аду перебирает».

Здоровье Ковалевского после возвращения его из Карлсбада, где он был насильственно задержан австрийцами, заметно пошатнулось.

¹ *Reservatio mentalis* (лат.) – дословно «мысленная оговорка». Используется в значении «неискренность», «двусмысленность».

Он похудел и побледнел, глаза его потеряли прежнюю живость и по временам, казалось, смотрели с печальной задумчивостью вдаль, «на тот берег». Смерть как будто уже коснулась его концом крыла, унося с лица его краски жизни. Он часто, вопреки привычке, сидел в неподвижной позе, а телесная слабость, которую он, по-видимому, старался скрыть, особенно явно сказалась в том, как тяжело и непривычно опирался он на ораторский пюпитр, говоря свою блестящую и остроумную речь о подоходном налоге в заседании 15 февраля. Это заседание открылось моим возражением противникам введения подоходного налога. Кончая его, я сказал: «Мы выслушали в прошлое заседание ряд некрологов наших недавно скончавшихся товарищей. Некоторым из нас – и в том числе мне – может приходить в голову мысль: не в последний ли раз всходим мы на эту кафедру, с которой еще так недавно говорили ушедшие от нас в вечность? Под влиянием такой мысли я решаю просить вас, господа, в виде завета и ходатайства, оживить деятельность Государственного Совета, освободить его от грозных признаков законодательного артериосклероза и вызвать в нем пользование его важными правами – правом запроса и почина. Пусть он в своей работе напоминает не ленивый стук маятника старых, хриплых часов, а бодрящий шум станков деятельной мастерской!» Мог ли я думать, что Ковалевский, моложе многих из нас годами, взойдет после меня на эту же кафедру именно в последний раз и что мне предстоит немногим через месяц с болью в сердце прийти к одру его болезни, увидеть его измученное недугом лицо, в горячем пожатии его руки почувствовать его последний привет и услышать от него: «Простимся и теперь уходите: вам тяжело, и мне тяжело тоже!..» Через два дня после этого *venit summa dies et ineluctabile fatum*¹, – и тот, кто жил всей полнотой жизни, отдавая себя людям и труду всецело, не думая о смерти, как будто ее не существует, – тот, кого многие, по прекрасному старинному выражению, «положили в сердце своем», был положен в гроб...

Выступая по законодательным вопросам обыкновенно от лица той левой, или академической, группы, к которой он принадлежал, Ковалевский ясно сознавал условия своей деятельности. Как всякая

¹ *Venit summa dies et ineluctabile fatum* (лат.) – Пришел последний день и неотвратимый рок. Фраза является контаминацией двух стихов из «Энеиды» Вергилия: II, 324 (*Venit summa dies et ineluctabile fatum tempus Dardaniae*) и VIII, 334 (*Fortuna omnipotens et ineluctabile fatum*).

многочисленная коллегия, составленная из разнородных элементов, из представителей различных классов населения и отраслей труда, группирующихся в отдельные партии, наша Верхняя Палата являет большую пестроту в отношении прошлой деятельности, служебного опыта, объема сведений и практической подготовки входящих в ее состав лиц. Поэтому трудно, чтобы не сказать невозможно, установить общие одинаковые приемы для ораторской речи в ее стенах, не говоря уже о различии темперамента, дара слова и запаса технических или юридических знаний у выступающих на кафедре членов ее. Тут не может быть речи о разборе улик и доказательств, юридических положений и фактических обстоятельств, свойственных судебному процессу. Подробные и мелочные данные и сопоставление цифровых выкладок могут только способствовать утомлению аудитории и ослабить ее и без того далеко не всегда напряженное внимание. Напрасно также надеяться подействовать горячностью и искренностью своего личного убеждения, стараясь внушить слушателям его кажущуюся оратору справедливость. В законодательные собрания большинство приходит с заранее установленным взглядом, сложившимся под влиянием личного и житейского опыта, или полученным готовым из директив, принятых собранием той или другой партии. Многие горячую речь будут слушать с любопытством и даже с сочувствием некоторым отдельным ее местам или той форме, в которую она вылилась. Но партийная дисциплина, иногда очень тяжелая, в большинстве случаев отражается на окончательном голосовании, особенно, когда оно производится закрытой баллотировкой. Еще менее может повлиять на такое голосование слово оратора, приличествующее ученой кафедре или публичной лекции, в особенности если оно принимает характер поучения или наставления. Поэтому политический оратор может действовать двояко на уравновешенных и считающих себя представителями правильного взгляда на вопрос слушателей. Ему следует – что встречается очень редко и в виде исключения – вызвать в общем представлении определенные и не подлежащие сомнению образы и возбудить соответственные им чувства, т. е., употребляя французское выражение, *montrer et emouvoir*¹. Или же ему нужно со спокойным достоинством высказывать свое мнение, никому его не навязывая, но подкрепляя крупными и яркими данными из запаса своих сведений, относящихся именно к обсуждаемому вопросу.

¹ *Montrer et emouvoir* (фр.) – показывать и волновать.

Действуя логическими соображениями, он должен приглашать своих слушателей *non indignari, non admirari sed intelligere*¹, как говорит старинное правило. Эти приемы речи усвоил себе, не лишая ее ни живости, ни яркости, М. М. Ковалевский. Соприкасаясь в своих многочисленных трудах по социологии с историей и философскими из нее выводами, он, несомненно, разделял мнение Тэна² о том, что в этой науке необходимо выяснять и объяснять постоянные и действующие силы и от них отправляться, чтобы наметить в общих чертах абрисы будущего, лишь затем обращаясь к изучению случайных и побочных явлений. Отыскивая в явлениях истории откровение общечеловеческих идей и видя в ее голосе не только приговор неподкупного судьи, но и вещее слово пророка, Ковалевский снабжал свои мнения о приемлемости или неприемлемости того или другого законопроекта ссылками на крупные явления бытового и правового уклада Западной Европы, преимущественно в Англии и Франции. За это по его адресу иногда слышались, находившие себе отголоски и в печати, упреки в ненужных и скучных экскурсиях в область истории. О «скуке» их говорить прямо неуместно, а что касается до ненужности этих экскурсий, то можно ли находить их ненужность в нашем обществе, где так часто встречаются люди, совершенно серьезно думающие, что история начинается лишь с них и с их деятельности? В его речах всегда слышалось желание всмотреться в корень вопроса, очистив его от разных наростов и ложных представлений, затемняющих его действительное существо. Признавая, что в движении законодательства приходится не столько работать над установлением нового, сколько трудиться над рассеянием старых предрассудков и закоренелых заблуждений, он старался разоблачить то подобие истины, которое в жизни отдельных государств делает гораздо

¹ *Non indignari, non admirari sed intelligere* (лат.) – не злиться, не удивляться, а понимать.

² Тэн Ипполит Адольф (1828–1893) – философ, культуролог, теоретик искусства и литературы, историк, психолог, публицист. Основатель культурно-исторической школы, приверженец позитивистской методологии в науке. Преподаватель Национальной высшей школы изящных искусств (Франция), Университета Сен-Сир, Оксфордского университета. Член Французской академии. В 1907 году в Санкт-Петербурге были изданы некоторые части его многотомного исследования «Происхождение современной Франции». Работа Тэна «Философия искусства» (1865–1869) была опубликована на русском языке в 1866 и 1899 годах. Перевод был переиздан в Москве в 1996 году.

более зла, чем приносит добра настоящая истина. В ряде его речей звучала горячая любовь к родине в смысле служения великой задаче просвещения Русской земли. Его выступления были не особенно часты. Он как будто следовал совету Конфуция, предостерегающему в общении с людьми от двух важных ошибок: говорить прежде, чем это нужно, и не говорить, когда это нужно. Но, высказывая на кафедре свои взгляды, он говорил сильно, с редкими жестами и обращениями преимущественно к той стороне, откуда он ожидал или слышал возражения и противоположное мнение. В интонациях его могучего голоса слышалась сдерживаемая внутренняя сила. Но его слово никогда не было резким и не содержало в себе личных выпадов. Он даже неоднократно заявлял, что поставил себе за правило, опровергая доводы «инакомыслящих», никогда не называть последних. Вынужденный опровергать какое-нибудь не согласное с фактической правдой утверждение, он снисходительно применял к нему французский термин *une contreverite*¹. Примеры уважения к чужой личности и благородства в приемах борьбы, вынесенные им из годов пребывания в Англии, сказывались в его ораторской повадке. Это проявлялось, между прочим, и в отношении его к тем замечаниям, которыми прерывал его речь председатель Государственного Совета Акимов. Вдумчивый и справедливый судебный деятель, достойный в этом качестве полного уважения, он в роли председателя Верхней Палаты, быть может, под влиянием нараставшего недуга, сведшего его в могилу, бывал часто мрачно и подозрительно настроен, резко и без разумного основания прерывая говоривших, – между которыми бывали люди весьма пожилые и с большими государственными заслугами, – тоном, носившим все признаки так называемого «обрывания». Добродушная улыбка озаряла при этих остановках лицо Ковалевского; с явной иронией в голосе заявлял он, что подчиняется тому, что сказано председателем, и продолжал развивать свои доводы. Одна из таких остановок была довольно характерна. Возражая против замены закона местными обязательными постановлениями, Ковалевский сказал: «Государственные пользы и нужды обдумываются и решаются органами законодательной власти и не должны затем снова оцениваться и рассматриваться, как открытый вопрос, семьюдесятью или восьмьюдесятью администраторами. Целость и единство

¹ *Une contreverite* (фр.) – ложь.

Империи требуют, чтобы закон, действующий в Петербурге, считался законом и в Ялте, и в Вологде. В этом состоит различие закономерного строя и строя революционного. Только необыкновенным смешением понятий можно объяснить призывы к отступлению от законов в интересах мнимого спасения государства, как это делалось в эпоху террора и коммуны». – «Прошу не упоминать ни о французской коммуне, ни о терроре», [-] резко остановил его председатель. «Я только с осуждением», [-] заметил Ковалевский. «Если вы желаете говорить по вопросу, – раздраженно продолжал председатель, – то оставайтесь в рамках, в которые он вложен: высокое собрание не нуждается в лекциях». – «Совершенно подчиняюсь распоряжению председателя», [-] ответил Ковалевский, но это не удовлетворило сурового блюстителя дисциплины. «Покорнейше прошу подчиниться безусловно моему распоряжению. Не угодно ли продолжать!» – «Позвольте привести слова, сказанные Бенжаменом Констаном¹ о строгом исполнении закона», – продолжает дальше Ковалевский, но председатель окончательно выходит из себя. «Вы опять продолжаете свое? – восклицает он. – Если вы не подчинитесь моему распоряжению, я вас лишу слова» – «Я ссылаюсь на общеизвестный авторитет», [-] замечает Ковалевский. «Пререканий нет, Максим Максимович, – решительно заявляет председатель. – Я допускаю полную свободу слова, но в пределах и порядке, мною указанных».

Такие и им подобные «инциденты» не могли, конечно, огорчить или сильно взволновать Ковалевского, знавшего цену себе и своим «лекциям». Они могли вызывать в нем лишь понятное и не лишнее юмора недоумение. Гораздо тяжелее чувствовал он себя, когда ему пришлось после трудных и тяжелых прений по важному законопроекту о расширении области высшего образования видеть, что проект, который был допущен к постатейному обсуждению, причем последнее прошло по всем спорным статьям большинством голосов, вдруг, совершенно неожиданно, к удивлению многих и к злорадству некоторых, ответом на вопрос: «принимается ли проект в целом?» оказывался безусловно отвергнутым.

¹ Констан де Ребек Анри-Бенжамен (1767–1830) – французский писатель, публицист, политический деятель, автор философско-политической концепции свободы личности в духе буржуазного либерализма, сторонник конституционной монархии, идеи народного суверенитета. Основное сочинение – «Курс конституционной политики».

Вообще надо признать, что деятельность М. М. Ковалевского в нашей Верхней Палате в общих ее собраниях и в разных постоянных и временных комиссиях была очень активна. Ей посвящал он много своего, и без того перегруженного работой, времени, спеша в заседания нередко из какой-нибудь отдаленной окраины Петрограда, где перед тем читал очередную лекцию своего курса. Только редкое и притом серьезное его нездоровье лишало возможности видеть его крупную фигуру на одном из крайних мест, занятых представителями академической группы. Значительная часть его работы проходила в Комиссии законодательных предположений, куда он постоянно избирался в начале каждой сессии, нередко одновременно с Д. Д. Гриммом¹. Эта работа, не видная не только для посторонних, но и для большинства членов Совета, не вошедших в состав комиссии, влияя иногда на окончательные выводы по тому или другому вопросу, не оставляла осязательного следа в редакции ее соображений. Случаи, когда Ковалевский оставался при особом письменном мнении, бывали редко, так как он предпочитал выступать против неразделяемых им положений, принятых комиссией, в Общем собрании. Отчеты о заседаниях последнего содержат в себе, за последние восемь лет, около 35 его речей и столько же подписей под предложенными по обсуждавшимся законопроектам поправками. Излишне перечислять эти речи – достаточно отметить важнейшие вопросы, которых они касались.

Так, прежде всего, следует указать на неоднократные разъяснения Ковалевским прав законодательных учреждений и условий их деятельности. Он предостерегал от поспешного и слишком широкого применения 87-й ст[атьи] Основных Законов, настаивая на том, что для правильного приложения ее к тем или другим обстоятельствам необходимо, чтоб таковые были действительно чрезвычайными, очевидно и властно требующими неотложных мер, откладывая которые

¹ Гримм Давид Давидович (1864–1941) – юрист, преподаватель и профессор Училища правоведения, Александровской военно-юридической академии, Санкт-Петербургского университета, Высших женских (Бестужевских) курсов. С 1900 года доктор римского права (диссертация «Основы учения о юридической сделке»), профессор, декан юридического факультета (1906–1910), ректор Санкт-Петербургского университета (1910–1911). С 1907 года член Государственного совета Российской империи по выборам от Академии наук и российских университетов. В феврале 1920 года эмигрировал из Советской России.

нельзя, не рискуя общественным благом и безопасностью. В том, что действие таких мер прекращается, если в течение двух месяцев по открытии Государственной Думы в нее не будут внесены соответствующие законопроекты, он не видел особого обеспечения правильности, обдуманности и целесообразности этих мер. Возобновление занятий Государственной Думы может состояться на много месяцев позже принятия не вызываемой действительно чрезвычайными обстоятельствами меры, и последняя в этот промежуток может в правовой и практической жизни общества пустить такие цепкие корни и произвести такие изменения сложившихся отношений, что отмена ее явится новой и тягостной в своем осуществлении ломкой.

Горячо отстаивая преимущества закона перед временною мерой, он говорил: «Все установленное прочно в юридической литературе отправляется от той мысли, что при управлении государством, какова бы ни была его форма, надо класть в основу закон, а не широко и произвольно толкуемую необходимость». Я присутствовал однажды в немецком рейхстаге во время произнесения канцлером империи графом Бисмарком одной из его знаменитых речей. Она заканчивалась следующим заявлением: «Господа, вы имеете во мне человека, который готов подчинять свою личную волю и личное усмотрение закону, благу страны и сохранению внутреннего мира в государстве». Поэтому Ковалевский советовал лечить больные общественные порядки не наскоро, не в смутные эпохи, а в эпохи относительного затишья – предусмотрительно и основательно, согласно коренному правилу здравого управления *gouverner c'est prévoir*¹. Смутила его, наряду с поспешностью «мероприятий», медлительность нашего нормального законодательства, вследствие которой мы, как я выразился при обсуждении проекта подоходного налога, страдаем «болезнью законодательного долготерпения».

В энергической речи по вопросу о страховании рабочих, возникшему еще в 1893 году, он нарисовал картину той нерешительности, с которой у нас приступают к работам по удовлетворению давно назревших нужд, своевременное внимание к которым могло бы предотвратить многие печальные явления в настоящем и будущем. Указывая на обычное у нас откладывание разрешения отдельных и важных задач

¹ *Gouverner c'est prévoir* (фр.) – «управлять – значит предвидеть».

под предлогом необходимости разрешить сразу весь разносторонний и много лет неподвижно лежащий вопрос во всем его объеме, он говорил: «Удобно ли нам сказать: мы рабочей нуждой заниматься будем только тогда, когда тридцать лет, прошедшие для рабочего законодательства если не вполне бесплодно, то, во всяком случае, не столь плодотворно, как можно было желать, восполнятся еще несколькими годами, а может быть, десятилетием. В интересах единства нашего законодательства, из желания не упустить ни одного вида труда при проведении законодательства о страховании, повременим еще десять лет, после чего мы авось наконец решимся издать общий закон о страховании. Я думаю, что это было бы неблагоприятно. Решение государственных вопросов происходит теперь в России на глазах у всех. Все, что здесь говорится, что здесь обнародуется, что здесь решается, становится достоянием миллионов людей. И я не желал бы, чтобы эти миллионы вынесли то впечатление, что народные нужды, справедливые запросы рабочих масс – величина, не имеющая значения в глазах людей, которые, как вы, господа, призваны разделить законодательную деятельность с Монархом».

Статьями 107 и 108 Законов Основных Государственному Совету предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных, а также обращаться к министрам с запросами по поводу незаконных действий как их самих, так и подведомственных им лиц и установлений. Этими драгоценными правами, могущими внести особую жизненность в деятельность Верхней Палаты и придать ей независимое от представлений министров, проходящих через Государственную Думу, значение, наш Государственный Совет почти вовсе не пользуется. Не хочется думать, что старые бюрократические соображения о том, ловко ли, удобно ли, своевременно ли, играют и здесь роль, но за время существования нашего обновленного строя нельзя насчитать более двух-трех законодательных предположений, возникших по почину Государственного Совета, а в течение девяти последних лет были лишь два запроса: по поводу «Хрестоматии» Тулупова и Шестакова и обнародования закона о западном земстве в порядке 87-й ст[атьи] Законов Основных, после того как проект о нем был отвергнут голосованием Совета. При этом следует заметить, что последнему запросу –

о незакономерных действиях председателя Совета министров – предшествовали неприятные служебные последствия, связанные с этими действиями для некоторых из членов влиятельной в Совете партии. Между тем нельзя отрицать, что за этот период времени наша государственная жизнь и общественный быт представляли не раз не только достаточные, но и настоятельные данные для законодательного почина и для запросов даже и при предположении олимпийского равнодушия к потребностям страны и к правовому положению ее. По поводу недружелюбного и даже пугливого отношения некоторых к почину Верхней Палаты мне невольно вспоминается, как один из вновь назначенных в первые годы обновленного строя членов высокого собрания, человек ученый и имевший в своей области знания не меньший авторитет, чем Ковалевский в своей, на мое заключение о ценности права законодательного почина с неподдельным ужасом воскликнул: «Нет, нет! Только без почина! Зачем еще это?!» Находя, что путем соглашения обеих палат можно бы значительно ускорить наше законодательство, распределив по отдельным вопросам почин между ними, Ковалевский говорил: «У нас получается то впечатление, что Государственный Совет не верит в то, что его самодеятельность дала бы какие-нибудь результаты. Были такие эпохи в жизни и других парламентов, между прочим английского, когда от правительства было заявлено ему, что свобода прений в высшем собрании состоит не в том, „чтобы каждый самонадеянный болтун говорил все, что вздумает, а в том, чтобы отвечать на предложения правительства: да, да, нет, нет“. Эта точка зрения не устояла, и английская парламентская свобода основана именно на отрицании этой точки зрения. Когда опыт доказывает, что наши скромные „пожелания“ совершенно не принимаются в расчет объединенным правительством, неужели нам предстоит сложить оружие и отказаться от почина и от рассмотрения работ наших же собственных комиссий?»

Ряд речей посвящен им и волновавшему наши палаты вопросу об аграрном законодательстве, поставленному ребром в проекте закона о землеустройстве. Ковалевский не стоял безусловно за сохранение сельской общины в том виде, как ее создало Положение 19 февраля 1861 года: напротив, он высказывался за свободный выход из общины, воспрещенный в 1893 году еще недавно действовавшим законом, но его смущало то, что он называл «разрухой сельской земельной общины

и семейной собственности». Первая из этих «разрух» должна, по его мнению, «пойти на пользу того сельского мещанства, которое еще недавно, следуя народному говору, уничижительно называли кулаками и мироедами, которых теперь называют хозяйственными мужичками, которых мы скоро назовем помещиками, у которых если не в первое, то во второе поколение окажутся несомненные заслуги предков и которых поэтому переведут в ряды дворянства. Да, число дворян будет увеличено, и многие из этих дворян обогатятся не только за счет крестьян, у которых они могут скупать по закону 6 наделов, а на практике скупают, разумеется, несравненно больше, но и за счет помещиков более ранней формации, у которых обезземеление началось уже давно». Возражая против заявления, что усиленное, сопряженное с упразднением общины, члены которой в течение 24 лет не знали переделов, создание мелких личных собственников «подорвет несогласные с сохранением порядка стремления, пробудившиеся в русском крестьянстве», он приводил ряд подобных опытов, предпринятых в различные эпохи и в различных странах, оказавшихся совершенно бесплодными. Рисуя картину перехода крестьян от малоземелья к безземелью под влиянием массы неблагоприятных экономических и бытовых условий и при отсутствии законодательных мер для предотвращения безработицы, следствием чего явится чрезвычайное развитие пролетариата, он спрашивал: «готовы ли мы, в настоящее время, считаться с последствиями этого обстоятельства?» Горячо защищая так называемую семейную собственность и ссылаясь на законы, действующие в южно-славянских землях, закрепляющие существование «задруги», на «сябров» Литовского статута и «складничество» старой Руси, на существование в купеческом быту, близком к народному, «приписки к капиталу», на исследования Пахмана по обычному праву и, наконец, на взгляды ряда ученых и обер-прокурора Второго департамента Сената Тютрюмова, он говорил, что дорожит семейной собственностью, между прочим потому, что она принимает под свою охрану интересы женщины, матери и жены гораздо более, чем писаное право. Упразднение ее было бы величайшей несправедливостью по отношению к русской женщине, которая ввиду отхожих промыслов и воинской повинности мужа весьма часто является фактической домохозяйкой, которую нельзя послать на все четыре

стороны... Речи Ковалевского по аграрному вопросу были сведены им – в ответ на намеки на то, что он, стоявший всегда за свободолюбивые решения, высказывает неожиданно консервативные взгляды, – к следующему конечному выводу: «Предоставьте самим заинтересованным, сообразно обстоятельствам самым различным, столько же климатического, сколько и общественного характера, связанным также с уровнем их умственного развития и подготовкой, полученной ими в сельском хозяйстве, – предоставьте им самим решить – выйти ли им в собственники или, по крайней мере, в семейные совладельцы или остаться им в составе мира. Пойти далее и продолжать систему правительственной опеки было бы опасно – опасно и для тех, над которыми мы будем мудрить, опасно и для мудрящих».

В речах об отношении церкви к государству, о свободе совести, о сокращении праздничных и неприсутственных дней и об упразднении ограничений, связанных со сложением священнослужителями своего сана, Ковалевский являлся всегда выразителем широких и человеческих взглядов. Он подкреплял их не только красноречивыми примерами из истории и законодательства западных православных государств, но и ссылками на учения церковноучителей, как Лактанций¹ и Тертуллиан², и на взгляды людей, высоко чтивших задачи и заветы

¹ Лактанций Луций Целий Фирмиан (ок. 250 – ок. 325) – ритор, писатель, принявший христианскую веру в 303 году. Воспитатель наследника императора Константина, автор религиозных сочинений, написанных с соблюдением классических канонов античной литературы. За свое красноречие получил у современников добавление к имени «Лактанций» (*lacteus, лат.* – молочный), а у гуманистов эпохи Возрождения – почетное звание «христианский Цицерон».

² Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (между 150 и 170 – 220?) – выдающийся раннехристианский писатель, в юности получивший классическое светское образование в Карфагене. После принятия христианской веры (ок. 190 года) – пресвитер, проповедник, автор догматических (в том числе разработал догмат о Единой Троице), апологетических («Апологетик» – одно из ключевых сочинений) и нравственно-аскетических трудов, защитник христиан от гонений язычников и иудейских фанатиков, борец против ересей в раннем христианстве, сам не избежавший влияния одной из них (монтанизм). Положил начало латинской патристике и церковной латыни (первым из христианских богословов стал писать свои труды на латинском языке). Ему приписывают крылатое выражение *Credo quia absurdum est (лат.)* – «Верую, ибо абсурдно» но это – поздний афоризм, у Тертуллиана: *Credibile quia inpretum (лат.)* «Достоинство веры, ибо нелепо». См.: Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта: опыты теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 63.

православной церкви, как Юрий Самарин¹ и Иван Аксаков², а также чрезвычайно интересными личными наблюдениями над горцами Кавказа, считающимися христианами, но вся вера которых, по-видимому, сводится к смутному представлению о св. Николае Чудотворце. Против отмены ограничений, которыми для вдового, больного, усомнившегося в своем призвании священника обставлено оставление им своего сана, в заседании Государственного Совета было настойчиво выставляемо опасение, чтобы при снятии этих ограничений «люди злонамеренные, настроенные в смысле враждебном к существующему общественному и государственному строю, не поспешили бы вступить в ряды священства, зная, что, когда они оставят эти ряды, ничто не помешает им поступить на государственную службу». «Я этих опасений не разделяю, – сказал не без иронии Ковалевский, – и по понятной причине: люди, которые идут в народ для того, чтобы распространять учения, несогласные с существующим государственным

¹ Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – философ, публицист, общественный и государственный деятель, один из идеологов славянофильства (разрабатывал историческую концепцию славянофилов, акцентируя роль общинных традиций в России и отличие моделей власти в допетровской Руси и феодальной Европе). С середины 1850-х годов получил признание как один из ведущих экспертов по крестьянскому вопросу в России и Пруссии, участвовал в разработке реформы 1861 года, крестьянской реформы 1864 года в Царстве Польском. В 1870-е годы – противник дворянского конституционализма, парламентаризма и дворянской «аристократической оппозиции».

² Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – литератор, публицист, общественный деятель, видный теоретик и практик славянофильства. Один из первых студентов Императорского Училища правоведения, по окончании которого служил в ряде губернских и центральных государственных органов, сочетая государственную службу с занятиями поэзией. После отставки в 1851 году занимался редакторской и литературной деятельностью, за проведенное по заданию Русского географического общества исследование о торговле на ярмарках в Малороссии был удостоен Константиновской медали и половины Демидовской премии Академии наук. В марте 1857 года в заграничном путешествии познакомился с А. И. Герценом и стал одним из его тайных корреспондентов, негласный редактор журнала «Русская беседа» (с 1858 года), газеты «День» (с конца 1861 года), ежедневной газеты «Москва» (с 1867 года). В 1869–1881 годах Министерство внутренних дел наложило запрет на редакторскую деятельность И. С. Аксакова. В 1870-е годы занимался общественной деятельностью, возглавлял Общество любителей российской словесности (1872–1874), Славянский комитет (1875–1878), а в последние годы вернулся к редакторской работе в еженедельной газете «Русь».

или общественным строем, очевидно, всего менее озабочены мыслью о поступлении в будущем на государственную службу; они преследуют свои цели, но в число этих целей занятие места на государственной или общественной службе не входит».

По поводу сокращения праздничных дней, столь необходимого для производительности народного труда, ему снова пришлось защищать права закона пред узаконением усмотрения. Составители проекта сокращения предполагали предоставить ведомству народного просвещения устанавливать для учебных заведений особые праздничные дни сверх имеющих быть обозначенными в законе. «Вопрос о присутственных и неприсутственных днях, господа, – сказал Ковалевский, – есть вопрос государственной важности, и только законодательные учреждения государства призваны высказывать на этот счет свое мнение. Нельзя отказаться от мысли, что найдутся чересчур услужливые, ну, скажем, директора гимназий, которые признают общегосударственное значение за днем рождения министра народного просвещения или главы правительства. Что же, предоставить ли им в этом отношении полный простор? Я думаю, в этом не является никакой необходимости; закон пишется для всех, и я не вижу, почему часть законодательных функций, хотя бы более специального характера, должна была бы быть передана директорам гимназий, ректорам университетов, начальникам высших учебных заведений, а не осталась бы всецело за законодательными учреждениями».

И задачи уголовной юстиции нашли себе оценку в речах Ковалевского об условном осуждении, условном освобождении, отмене административной гарантии по преступлениям должности и о суде присяжных. Настаивая на отмене административной гарантии для должностных лиц, нередко ведущей к их полной безнаказанности, он выступил с горячей защитой суда присяжных, основываясь на вековом опыте Англии и блестяще аргументируя постановлениями совещания старших председателей и прокуроров судебных палат, признавших еще в 1894 году, что это суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания, честно и стойко выдержавший тот опыт, которому его подверг законодатель.

Когда обсуждался прошедший через Государственную Думу проект об установлении общеимперского законодательства для Финляндии

и заключающийся в нем перечень тех отраслей управления этой частью Империи, на которые должно распространиться такое законодательство, Ковалевский, признавая, что русские подданные должны пользоваться в Финляндии одинаковыми с местными гражданами правами, а последние должны нести расходы на оборону государства во всей его совокупности, представил веские возражения против содержания этого перечня. Он находил, что под предлогом объединения не следует налагать руку на бытовой уклад и сложившиеся условия правовой жизни страны, подводя под перечень, который притом был объявлен лишь примерным, почти всю ее законодательную деятельность, предоставляя ей ограничиваться лишь тем, что французы называют *les interets du clocher*¹.

Как ученый и представитель Академии наук, он остроумно возражал против запроса по поводу книги, в которой антимиитаризм, как политический лозунг, близоруко смешивался с облеченными в поэтическую форму мечтаниями о том, что настанет предсказанное пророком Михеем время, когда мечи будут перекованы в рала (*так в оригинале*), или с приводимым Пушкиным упованием Мицкевича на «времена, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». В интересах справедливости он при прениях об авторском праве настаивал на вознаграждении иностранных авторов со стороны переводчиков или издателей, доказывая, что вопли против этого положения, впервые выдвинутого И. С. Тургеневым, исходят не от авторов научных и специальных исследований, а от поставщиков сенсационных романов и т. п., с переводною стряпнею которых «вовсе не связан поступательный ход знаний в России».

Наконец, верный своему взгляду на закон и личное усмотрение, он в интересах просвещения ходатайствовал пред Государственным Советом об установлении права воспитанников духовных семинарий, кадетских корпусов и реальных училищ поступать в университет в законе, взамен предоставления министру народного просвещения циркуляром разрешать тем или другим такое поступление... Я говорил выше, какая судьба постигла это ходатайство.

Если бросить взгляд на роль и работу Ковалевского в Государственном Совете, то нельзя не признать жестокости удара, нанесенного

¹ *Les interets du clocher* (фр.) – дословно «интересы колокольни». Используется в значении «ограниченные интересы», «местные интересы».

смертью его законодательным трудам этого учреждения. Когда минет война, а, быть может, и ранее, последнему будет предстоять рассмотрение проектов о свободе печати, о неприкосновенности личности и по целому ряду национальных и вероисповедных вопросов. Какую цену имел бы здесь голос Ковалевского, в котором слышался бы опыт автора, редактора и издателя, уважение к коренным гражданским правам человека и истинное понимание свободы совести, не заменяемой суррогатом свободы вероисповедания! Уже теперь стоят на ближайшей очереди проекты об ответственности должностных лиц за преступления должности и за причиненные ими убытки, о реформе устарелого устройства Сената, не согласного с его достоинством и значением, и о военной цензуре...

Просвещенный взгляд Ковалевского на его житейские задачи, глубокое понимание долга перед родиной, отсутствие тупой нетерпимости к людям других мнений, если последние истекают лишь из ошибочного, но чистого источника, умение распознавать душу человека под наклеенным на него враждебной или предательской «дружеской» рукой ярлыком делали невозможной личную к нему вражду. И действительно, личных врагов Максим Максимович, по-видимому, не имел. Напротив, почти каждый, кто встречался с ним, поддадал под влияние света его ума и теплоты его сердца и начинал чувствовать к нему живую привязанность. В отзывах о нем всегда слышалось такое невольное расположение. Говоря о нем, многие называли его попросту «Максимом», подобно тому, как старые московские студенты звали своего любимого, высоко даровитого и своеобразного профессора римского права Крылова «Никитой», влагая в это слово представление о ком-то близком и дорогом, к которому не хочется заочно обращаться в общепринятой и безразличной по отношению ко всем форме.

Но в общественной своей деятельности он испытал «месть врагов и клевету друзей» и горькие разочарования, столкнувшись не раз с умышленным или невежественным непризнанием его труда и заслуг. Особенно сильный удар был нанесен ему в разгаре его профессорской деятельности в Москве. После десятилетнего преподавания (1877–1887) сравнительной истории права, государственного права иностранных государств и истории политических учений, причем он, проводя идеи государственной мудрости, указывал молодежи, в чем справедливость, где ее пути и как следует идти по ним, он был уволен от службы

по Министерству народного просвещения без прошения. Избавленный судьбою от необходимости искать себе насущный заработок, он увидел, что на родине для работы в привлекавшей его силы и симпатии области ему закрыт путь, и уехал за границу. Там – в Англии, Франции, Швеции и даже Америке – для русского ученого нашлись и кафедры, и успех, и заслуженное уважение, но мысль его была постоянно обращена к родине. Он вернулся домой при первой возможности свободно приступить к любимому и самому разнообразному просветительному труду. Последние девять лет его пребывания в России были сплошным служением родине на самых разнообразных поприщах – словом и делом, лекциями и публичными чтениями, руководством и председательством в ученых собраниях – работами публицистического, литературного и научного характера и т. д. Можно без преувеличения сказать, что весь день и, вероятно, часть ночи были у него заняты трудовым образом, и нельзя не удивляться, когда он находил возможность еще следить за текущей печатью и научными новостями, редактируя в то же время и издавая вновь свои многочисленные сочинения. И на всем, что он делал, виден был пламень его самостоятельной, независимой мысли. Но давно уже сказано, что всякое пламя приносит себя в жертву: чем ярче оно пылает, тем скорее потухнет. Эту мысль, очевидно, отгонял от себя Ковалевский, но последствия его деятельности без отдыха и срока для его физических сил сказывались сами собою и вызывали ежегодные поездки за границу с лечебной целью.

Последняя из них, в 1914 году, была, во многих отношениях, роковою. Ему пришлось быть бессильным и связанным в своих действиях, даже заподозренным в «панславистском коварстве», быть свидетелем того, как волна искусственно возбужденного ожесточения смывала приобретения человеческой культуры и залогов ее дальнейшего духовного развития, стремясь «обеспомянуть» людское сердце. И на родине он уже не застал пережитого без него общего единодушного общественного подъема, направленного к одной цели и внушаемого горячим желанием встать на защиту права против насилия, слабого против сильного. Ему, кроме того, многие месяцы пришлось ожидать возможности систематически работать по законодательным вопросам – и в то же время видеть и ежедневно чувствовать, как растет в некоторых слоях и группах общества корыстное стремление использовать войну для собственной наживы, с каким бесстыдством, с забвением страданий

защитников родины развивается вакханалия роскоши и грубых наслаждений и нагло осуществляется совет «ловить момент». – Он умел относиться к многозначительным явлениям жизни всегда серьезно, никогда трагически, но, конечно, переживаемое им в последний год в связи с воспоминаниями о том, что лучшие семнадцать лет своей жизни он вынужден был работать на чужбине, об этой *una sub pectore cuncta vetustas*¹, не могли не угнетать его усталое и больное сердце... И оно перестало биться...

1 апреля 1916 г.

¹ Фраза *una sub pectore cuncta vetustas* (лат.) – дословно «в одной груди вся древность» воспроизведена издателем статьи А. Ф. Кони с ошибкой. Правильное написание: *uno sub pectore cuncta vetustas* (лат.). Это цитата из произведения греческого эпического поэта Клавдия Клавдиана (ок. 375 – ок. 404) «Панегирик, сказанный консулу Манлию Феодору» (*Claudianus, Panegyricus Manlio Theodoro cos.*, 91 // *Claudii Claudiani Carmina* / ed. Th. Birt. Berolini; pub. Weidmannos, 1892. (Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi; vol. X)).

В литературном переводе на русский язык полной строфы (строки 87–92) эта фраза отмечена нами курсивом:

Все, от Сократова что излилося сонма, и все, что
В свет умудренный чертог произвел Клеанфовых сходбищ,
Все, что твоим, о Хрисипп, обретено уединеньем,
Все, чему Демократ посмеялся и молча измолвил
Что Пифагор: *во единой груди целокупно сомкнулась*
Древность и, силы собрав, восстала в великости вящей.

См.: *Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений* / пер., вступ. ст., коммент. и указ. Р. Л. Шмаракова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 153.

М. М. Ковалевский:
из выступлений 1901–1914 годов

(Публикация и комментарии Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой)

**Речь, посвященная памяти деятелей реформы
19 февраля 1861 года
(1901 год)¹**

Народное (*вставлено позднее*)² Представительство и Крестьянское освобождение, Манифест 17го Октября гражданская свобода – по-видимому, части одного целого. Но в прошлом они далеко не возникали (*изначально написано «возникают»*) всюду (*вставлено позднее*) одновременно. Не гражданская свобода предшествовала, как у нас, народному представительству, а наоборот. Так, Великая хартия Вольностей, положившая начало Парламенту еще в XIII веке, застала в Англии крепостное право. Правами, ею дарованными, призваны были пользоваться (*вставлено позднее*) одни свободные люди, а не крестьянская масса. Оставаясь в течение долгих веков выразителем одних интересов владельческих сословий, английский парламент и однохарактерные с ним учреждения ничего не делали для эмансипации трудящихся людей.

И если европейский крестьянин тем не менее выбился на свободу, то достиг он ее не благодаря, а нередко вопреки представительным палатам, к участию в которых он нигде, помимо Швеции и составлявшей одно с нею Финляндией, призван не был.

В XIV веке английский парламент принял даже открыто меры к сохранению и оживлению барщины. Он потребовал

¹ Документ представляет собой набросок речи к 40-й годовщине издания Манифеста от 19 февраля 1861 года. Ковалевский рассматривает характер крестьянской реформы в России как антитезу английского пути отмены крепостного права несколькими столетиями ранее. Он подчеркивает соотношение процессов достижения гражданской и политической эмансипации в разных странах, в том числе в России, и приходит к выводу, что в ходе реализации крестьянской реформы Россия избежала пролетаризации, но не получила конституцию, а теперь, в начале XX века, это время пришло.

² Здесь и далее курсивом выделены текстологические примечания.

от малолетнего короля Ричарда II взять обратно выданные им освободительные грамоты, которыми правительство надеялось одно время успокоить и действительно успокоило восставших крестьян. Несмотря на существование Генеральных штатов, Имперского Сейма, Ландтагов, крепостное право продолжало где-то держаться до конца XVIII и начала XIX веков, а где-то и сложилось окончательно, как во многих частях Германии к эпохе крестьянских войн. Не послужила на пользу эмансипации гражданской свободы и реформация. Лютер открыто клеймил «неразумие крестьян», рвавшихся на свободу и не отступавших в виду этого перед мыслью о массовом восстании, как полутора столетиями ранее осуждал их однохарактерное поведение в Англии первый из провозвестников церковного раскола англичанин Виклиф¹.

Это равнодушие владетельных классов и церкви к делу освобождения, не остановило его, конечно, но оно сделалось причиной тому, что воля была приобретена крестьянскими массами только под условием разрыва с землей. Когда под влиянием густоты населения и расширения обменов рента на землю начала расти, в интересах самих помещиков стало выдавать крестьянам вольные под условием воссоединения с поместьями их наделов. Последние поступали или в личное заведывание собственников или сдавались ими в краткосрочную аренду народившемуся классу съемщиков или фермеров, обладающих нужными капиталами для интенсификации хозяйства. Поэтому наиболее обычными средствами к приобретению свободы всюду на Западе явился тайный или явный уход крепостного, сопровождающийся подразумеваемым или открыто выраженным отказом от земли. Пребывание ушедшего в течение года и дня в пределах свободного городского поселения считалось достаточным для приобретения им воли. В Германии сложилась даже поговорка, гласившая «воздух городской сообщает свободу, как воздух поместья – неволю» (*Die Luft macht frei, die Luft macht Eigen*²). Но наиболее

¹ Уиклиф (Виклиф) Джон (1320/1324–1384) – английский философ, богослов, переводчик Библии, писатель, священник и профессор семинарии в Оксфордском университете, один из провозвестников Реформации в Англии.

² *Die Luft macht frei, die Luft macht Eigen* (нем.) – буквально «Воздух делает свободным, воздух делает своим».

распространенным и, так сказать, нормальным порядком эмансипации был повсюду на западе так наз[ываемый] *Délaisser*¹, т. е. отказ крестьян от дальнейшего пользования наделом, после чего даром или за деньги ему позволялся уход из поместья.

По мере роста промышленности, колонизации и мировой торговли этот уход принимал все более и более массовые формы. Но где-то он начался раньше, как в Англии, где крепостное право благодаря ему окончательно вымерло уже к пятнадцатому веку. Место барщины надельного крестьянина занял вольнонаемный договор собственника-фермера с сельским батраком.

Прежний возделыватель почвы или сделался городским обывателем, или переселился в колонии, или остался по-прежнему в пределах поселения, но под условием не владеть в нем более землей и зарабатывать себе пропитание продажей труда своих рук. Нигде обезземеливание крестьянства не проведено так далека[о], как в Англии, и нигде поэтому не существует такого многочисленного сельского пролетариата, как в этой стране.

Если во Франции не в пример Англии крестьяне удержали землю, то под условием нести барщину вплоть до начала Французской революции.

Таким образом, там, где гражданская свобода обогнана была, как в Англии, свободой политической – крестьянство вышло на волю под условием потери земли. Там же, где крепостная неволя пала одновременно с абсолютизмом и сословными привилегиями, возникли условия, благоприятные сохранению вековым тружеником оплодотворенной его работою почвы.

Пример Англии и Швеции, ранее других вышедших на путь развития конституционных и в то же время аристократических учреждений, уже с 18[-]го века стал волновать умы дворян-реформаторов и в России наряду с другими государствами континента Европы.

И у нас стали задаваться мыслью о возможности по крайней мере для высшей знати сбросить с себя вековые оковы политического рабства, не подымая в то же время вопроса о крестьянской

¹ *Délaisser* (фр.) – 1) оставлять, покидать, забрасывать; 2) прекратить дело (юрид.); 3) отказаться от имущества (юрид.).

воле. Со времен Анны Иоанновны и верховников стали раздаваться у нас голоса в пользу создания представительных порядков, при которых к ограничению власти монархов были бы призваны те самые общественные слои,

(Далее половина страницы пустая.)

Пример Англии не раз служил им в этом отношении предохраняющим уроком. Русские освободители могли расходиться между собою во взглядах по вопросу о том, сохранить ли за крестьянами общинное, мирское пользование их наделами или обратить их в мелких собственников. Но никто из освободителей не желал пролетаризации сельского люда в России, даже ценою безвозмездного отпущения на свободу. Этим объясняется их несочувствие *(вместо ранее написанного: «несочувственное отношение»)* тем порядкам, которыми положен был конец крестьянской неволи в Остзейском крае, где латвийское население при эмансипации обделено было землею немецкими помещиками.

Как резко ни разошлись в царствование Николая I течения русской общественной и политической... *(Мысль не окончена.)*

В этом мы видим исполнение завета, оставленного нам ~~перед~~ ~~уходом в могилу~~ великими деятелями реформы 19[-]го февраля, память которых мы собрались почтить сегодня.

Максим Ковалевский¹

Источник: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 103. Оп. 1. Д. 481. Тетрадь. 1901. Л. 1–10. Авторская рукопись черными чернилами с правкой автора.

¹ К началу XX века М. М. Ковалевский был автором ряда серьезных исследований по обычному праву («Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», 1886; «Закон и обычай на Кавказе», 1890), истории института крестьянской общины у разных народов («Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», 1879), государству и праву Средневековой Европы (докторская диссертация «Общественный строй Англии в конце средних веков», 1880), эволюции институтов демократии («Происхождение современной демократии», 1895–1897) и др. См.: Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2020. С. 72–74.

Речь при открытии первого Съезда народных университетов в России (1908 год)¹

Редкий выбор способен был бы доставить мне большее удовольствие. Часть сознательной жизни затрачена была мною на популяризацию общественных наук, между прочим, в форме публичных лекций, нередко сопровождаемых беседами. Я занимался этим и в Москве занимая кафедру в ее университете как профессор университета. Но особенно со времени моей вынужденной отставки².

Моя преподавательская деятельность за границей началась с чтения в Стокгольме публичного курса, устроенного на средства, оставленные шведским патриотом, экономистом Лореном³. Эти средства были значительны – 200 тыс. крон. Завещатель предназначал их для распространения в народе здравых экономических и социологических понятий – в форме цельных курсов и общественных сочинений. В это время в соседней и связанной со Швецией в то время еще общими политическими судьбами Норвегии уже сделан был весьма удачный опыт устройства летних временных курсов, на которые съезжались по преимуществу учителя народных школ для оживления и пополнения своих знаний. Наша известная соотечественница Софья Васильевна Ковалевская, бывший профессор математики в Стокгольме, весьма близко стала к делу устройства таких же

¹ В архивном шифре как год создания документа указан 1905-й, но более точной датировкой является 1908 год, когда состоялся Первый Съезд народных университетов в России.

² В 1887 году М. М. Ковалевский был отстранен от преподавания, уволен из Московского университета с мотивировкой «за отрицательное отношение к государственному строю» и уехал на несколько лет за границу, где занимался наукой, писал книги и преподавал в столичных университетах Англии, Франции, Швеции, Балканских стран.

³ Видимо, имеется в виду Фонд Лорана в Швеции, по приглашению которого Ковалевский читал курс лекций в Стокгольме в начале 1888 года. Слушательницей этого курса была С. В. Ковалевская, с которой спустя два года он планировал бракосочетание, но безвременная кончина Софьи Васильевны 10 февраля 1891 года помешала их семейному союзу. См. о С. В. Ковалевской подробнее: Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. С. 66–68; Цифровая коллекция, посвященная С. В. Ковалевской // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/section/686752>.

курсов в Швеции. Она пропагандировала их и в России своими статьями в Северном Вестнике. Ей я обязан и моим участием в этом тогда еще («еще» вставлено) новом деле (речь идет о 1888 и 1889-м годах, когда вынужденный досуг позволил мне перекочевать для продолжения моей научной и преподавательской деятельности за границу). С этого времени и до начала русского освободительного движения я отрывался от литературной работы только для чтения общедоступных курсов и лекций. В Брюсселе и Париже мне не раз приходилось встречаться в этом деле с первым из сегодняшних докладчиков, нашим известным экономистом проф. Исаевым. И я вероятно выражу передам общее нам обоим настроение, сказав, что каждый раз, когда я сходил с кафедры народного университета или высшей свободной школы общественных наук¹, я уносил с собою радостное чувство исполненного долга. Мою преподавательскую деятельность мне пришлось затем перенести и в Оксфорд и в Соединенные Штаты на берега обоих океанов – Атлантического и Тихого. Последние лекции, читанные мною за границей, состоялись в народном университете Сан-Франциско (в Беркли) перед аудиторией в пятьсот человек, допускаемой в его стены бесплатно, а предметом моих сообщений был экономический быт русского крестьянства и, в частности, старорусской сельской общины.

Вы видите, что у меня есть достаточные основания к тому, чтобы приветствовать открытие первого съезда русских народных университетов не только как одно из самых счастливых событий в моей жизни, но и как важный исторический факт, как исходный момент великого дела внесения светоча знания в широкие круги русского народа. Быть может, не будет бесполезно передать Вам, мои дорогие товарищи, некоторые наблюдения, сделанные на Западе и касающиеся условий, в которых деятельность народных университетов становится особенно плодотворной.

Народ идет в них всего охотнее, когда рассчитывает приобрести систематическое знание и притом только в таких науках, знакомство с которыми может пригодиться ему в его ежедневном быту.

¹ Высшая свободная школа общественных наук (или Русская вольная школа общественных наук) была основана М. М. Ковалевским в Париже вместе с французским ученым А. Роберти в 1901 году. В ней он вел занятия до 1905 года.

Этим объясняется успех подвижных кафедр агрономии в Италии. По сообщению, сделанным мне одним из инициаторов в их создании римским («римским» *вставлено позднее*) профессором и бывшим министром Луццати¹, а также по данным, опечатанным моим другом и товарищем по преподаванию, русским ученым А. И. Чупровым², лица, занимающие эти кафедры, обыкновенно читают не отдельные лекции, а небольшие курсы по земледелию, знакомя с новейшими приемами сельскохозяйственной техники. Каждое свое сообщение они иллюстрируют наглядно, показывая и способ обращения с тем или другим земледельческим орудием, и результаты, полученные от употребления тех или других удобрений и выразившиеся в высшем качестве и большем обилии продуктов.

Большое место отводится также преподаванию сельскохозяйственной техники в тех сокращенных курсах, которые читаются лучшими специалистами в народных университетах Норвегии, обыкновенно открываемых летом на два, три месяца.

Заслуживает также внимания тот интерес, какой вызывают в слушателях народных университетов Парижа и Брюсселя короткие курсы по геометрии и геодезии, по механике и технологии, а также по физике, филологии («филологии» *вставлено позднее*) и гигиене. Городские рабочие и ремесленники ходят на лекции, чтобы обучиться многому из того, что может оказать им пользу в домашних и крестьянских промыслах. Ведь не следует терять из виду, что Париж менее фабричный город, чем город мануфактуристов и кустарей. Вспомните только о знаменитом *article de Paris*³, который еще далеко не весь производится в Германии.

И так, заграничный ответ, мне кажется, указывает на пользу, во-первых, систематических, хотя и сокращенных курсов, во-вторых, курсов, посвященных передаче точных и практически

¹ Луццатти Луиджи (1841–1927) – государственный деятель Италии, премьер-министр (1910–1911).

² Чупров Александр Иванович (1842–1908) – российский ученый-экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент Императорской Академии наук.

³ Очевидно, имеется в виду *Articles de Paris* (*фр.*) – модные товары, предметы роскоши, связанные своим происхождением со столицей Франции.

(«практически» вставлено позднее) полезных знаний и, в-третьих, курсов, читаемых наглядно и сопровождающихся демонстрациями. Я мог бы прибавить, что такой же успех, как последние, имеют и собеседования, устраиваемые по окончании лекций. Сельский производитель и городской рабочий желают дать себе отчет в том, что они поняли и усвоили ~~главную~~ ^{главную} мысль лектора. Вопросы, которые они задают ему, обыкновенно и клонятся к более точному выяснению ~~деталей~~ технических подробностей и практических применений, какие может иметь защищаемое им положение.

Я, может быть, поражу некоторых из вас, сказавши, что митинговый характер лекций мало ценился слушателями, по крайней мере, больших центров, для которых красноречивые партийные ораторы далеко не являются новинкой. Жители сельских округов, как я сам имел возможность убедиться, не прочь прослушать и очень дельное, обставленное цифрами и графическими чертежами сообщение об успехах кооперативных предприятий, земледельческих синдикатов, народных банков, и о средствах борьбы с заразительными болезнями или пьянством. Однажды я на дрожках поехал с депутатом Вандервельдом¹ из Ла Юльп², места его постоянного пребывания, на двадцать верст в округности. В один и тот же день Вандервельде должен был произнести в трех различных местах три речи и все три – о вреде алкоголя. Народу собралось так много, что оратору в одном селении пришлось несмотря на крапавший дождь говорить с публикой с подоконника. Слушатели толпились и в зале, и на улице. Когда оратор кончил, приветствиям не было конца. Они завершились, к немалому его удивлению, выпивкой за его здоровье.

Я думаю, что при выборе предметов своих чтений будущим профессорам народных университетов не раз придется считаться с тем, в каких именно знаниях всего более нуждается их аудитория. Или не мешает принять во внимание, что рабочий народ не любит

¹ Вандервельде Эмиль (1866–1938) – государственный и политический деятель Бельгии, в разные годы (1918–1937) возглавлял министерства юстиции, иностранных дел, здравоохранения; один из лидеров международного социалистического движения.

² Ла-Юльп (La Hulpe, фр.) – коммуна в Валлонии (провинция Валлонский Брабант, округ Нивель).

бывать в гостях, положим в здании государственного или частного университета, а предпочитает принимать лектора у себя в народном доме.

Одни и те же лекции привлекали не двойное, а можно сказать удесятеренное, слушателей, когда из такого даже демократического по духу учреждения, как новый университет в Брюсселе, они переносились в народный дом.

Не сомневаюсь, что обмен мыслями между Вами и лицами, заведующими делом народных университетов за границей, обогатил бы вас новыми полезными и чисто практическими сведениями о том, как вести возможно успешно это новое у нас дело. Поэтому я бы от души приветствовал расширение в будущем работы наших съездов и придание им не только общерусского, а и международного характера.

В великом деле внесения в массы добытых уже результатов научного и художественного творчества самая широкая («самая широкая» *вставлено позднее*) конкуренция не ~~носит~~ способна приобрести («способна приобрести» *вставлено позднее*) характер вредного соперничества, она может сделаться только новым стимулом для напряжения всей нашей энергии, всей нашей доброй воли. Она может оказать нам и другую услугу – указывая нам наикратчайшие пути для внесения в народ того знания, без которого не мыслим не поверхностный, разумеется, а глубоко задевающий??? прогресс. Наш обновленный политический строй не пустит корней в почву ранее как после обобществления того главного орудия производства, каким является наука и основанная на ней техника. Да ~~здравств~~ процветают поэтому народные университеты в России и их благородное соперничество на пользу знания и всем дорогой нам Родине.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 483. Тетрадь. 1905. 12 л.

**Речь, произнесенная на заседании,
посвященном памяти Ф. М. Достоевского
(1914 год)¹**

Я принял на себя председательствование не без некоторых опасений и вопреки, можно сказать, внутреннему убеждению. Оно всегда подсказывало мне ту мысль, что на литературных поминках, каковы настоящие, нам, людям определенной профессии, далеко отстоящей от всякого художественного творчества, подобает более скромная роль слушателей, а не участников и тем более руководителей.

Но так как устроителям этого торжества угодно было поручить мне исполнение председательских функций, то позвольте мне оправдать мое присутствие здесь в рядах президиума хотя бы тем соображением, что по возрасту я принадлежу к числу немногих, имевших счастье присутствовать на одном из самых успешных выступлений Ф. М. Достоевского, на его, *так сказать*, литературном триумфе¹. Это было в незабвенные дни постановки в Москве памятника, первого памятника, предназначенного к увековечиванию славы не царя, не воина, не государственного деятеля, а *стихотворца-поэта*. Я не *считаю принимаю* в расчет памятников, поставленных в Летнем Саду Крылову, а в Казани – *Карамзину*. Первый продолжает привлекать к себе детей, устраивающих вокруг него свои игры. Второй вызывает недоумение местных обывателей, не вполне ясно сознающих то, что сделано было Карамзиным. Есть еще памятник в Москве Ломоносову, но *он* – столь скромный, что его легко и не заметить.

Постановка Пушкинского памятника вызвала энтузиазм всей России и прежде всего ее литературной семьи. Она далеко тогда не была столь *полной многочисленна*, как теперь, и собралась почти

¹ Текст, по-видимому написан под диктовку М. М. Ковалевского, вычитан им и исправлен. Исправления, внесенные автором, в настоящей публикации выделены полужирным курсивом.

² Памятник А. С. Пушкину был торжественно открыт в Москве 6 июня 1880 года в день рождения поэта. Общество любителей российской словесности единогласно избрало Ф. М. Достоевского своим почетным членом и увенчало его огромным лавровым венком, который он той же ночью возложил к подножию памятника. Речь, произнесенная Ф. М. Достоевским, была опубликована 1 августа того же года в «Дневнике писателя».

во всем *своем* составе. Я *прибавляю* *говору* «почти», т. к. несмотря на все утверждения Тургенева, Л. Н. Толстой, впоследствии отказавшийся от собственного юбилея, не пожелал принять участия в манифестации, казавшейся ему праздным времяпрепровождением.

С покойным С. А. Юрьевым¹ и Н. Г. Рубинштейном² я был в числе членов комитета, которому поручено было устройство трехдневных торжеств по случаю постановки памятника. Они посвящены были чествованию Пушкина, чтению его стихов, постановке его драматических сцен, пению сочиненных им романсов, исполнению *внушенных* его произведениями кантат и опер. На двух банкетах, отделявших утренние заседания от вечерних, произносились речи, посвященные оценке различных сторон деятельности Пушкина и произносились тосты, посвященные его памяти, обширной литературной семье, им оставленной, наиболее выдающимся из его современников.

На одном из этих банкетов Достоевский провозгласил тост за Николая Павловича, «умнейшего, *как он выразился*, в России человека» с оговоркой «после Пушкина». Это признание заслуг человека, которому сам Достоевский обязан был долгими годами ссылки, а мы – появлением «Записок из мертвого дома», (*какие-то слова пропущены*) произвело на одних ошеломляющее, на других восторженное впечатление.

На литературных поминках комитет предоставил слово Тургеневу, Достоевскому, Полонскому, Аксакову, Калачеву,

¹ Юрьев Сергей Андреевич (1821–1889) – литературный деятель, писатель, переводчик, преподаватель. Председатель Общества русских драматических писателей, Общества любителей российской словесности, член ряда других обществ. Преподавал в Московском Николаевском институте, на Высших женских курсах в Москве. В своем родовом имении основал народное училище, ставшее прототипом земских и других народных училищ, а также крестьянский театр. Издатель журнала «Беседа». Редактор журнала «Русская мысль» (с 1880 года).

² Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881) – пианист, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета (1855). Основатель Московской консерватории и ее первый директор. Организатор концертов русской музыки на Всемирной выставке в Париже. Младший брат композитора и пианиста А. Г. Рубинштейна.

Ключевскому, Юрьеву и Чаеву. Это позволило рассмотреть деятельность Пушкина со всех сторон, воздать ему должное и как лирику, и как драматургу, и как автору «Пугачевского бунта» и «Капитанской дочки», и как творцу исторических поэм, какова «Полтава». Ф. М. Достоевский выступил не столько с общей характеристикой Пушкина, сколько воспользовался его творениями для раскрытия в них типа того всечеловека, которым в его главах является человек русский.

Я далек от мысли повторить Вам содержание его электризовавшего все собрание слова. Я хочу только отметить ту глубокую убежденность, тот необыкновенный подъем, с которыми он произносил такие слова своей речи, как «Смирись, гордый человек», указывая будущим Алеко их обязанность проникнуться народным сознанием и подчинить ему свое собственное «Я».

Убежденность легко сообщается от оратора публике. Как пестро *не ни* составлена была аудитория Достоевского, сколько бы в ней не было Западников, все мы встали и приветствовали в конце его речи вдохновившего, как нам казалось, трибуна. Подошел к нему и Тургенев с выражением своего восторга. Сам Достоевский был потрясен всем им сказанным. Ораторы, которым приходилось говорить после него, в числе их и И. С. Аксаков, отказывались от слова.

Позднее при чтении речь Достоевского далеко не производила того же чарующего впечатления. Она вызывала толки и разномыслия. Тургенев одно время собирался написать ее критику, но в моем присутствии в Париже отклонен был от этой мысли М. Е. Салтыковым: «Вот этого не надо делать, – сказал ему наш бессмертный сатирик. – Для этого имеется Н. К. Михайловский». У Тургенева были старые счеты с Достоевским, и ни для кого не было тайной, что в «Бесах» Достоевский изобразил его в карикатурном виде в роли усталого писателя, читающего публике свое «Мерси» (Тургеневское «Довольно!»).

Все это и было принято в расчет Салтыковым, когда, прослушав часть уже наполовину написанной статьи, он открыто сказал Тургеневу, что не одобряет его намерения. Теперь, на расстоянии чуть не 35-ти лет со времени произнесения Достоевским его слова

о Пушкине¹, с трудом даешь себе отчет в глубине произведенного им впечатления. Но надо перенестись в ту эпоху и помнить, что в это время приходилось прибегать к «Эзоповскому слогу», как **выражался выразился** Щедрин, чтобы поднимать вопросы, касающиеся злобы дня. Достоевского поняли, одни как славянофилы, другие – как сторонники трех устоев, на которых, по мнению Шевырева, стоит русская государственность, третьи – как христианского социалиста. В действительности он не был ни тем, ни другим, ни третьим, по крайней мере, в своей речи о Пушкине. Она запечаталась в моей памяти как попытка показать, что русский человек унаследовал вековую культуру всего мира, но что это не избавляет его от необходимости самостоятельного творчества, а это возможно лишь при глубоком проникновении народным духом, слиянии собственных вождедений с народными запросами. Всечеловек – не космополит и не националист в узком смысле *слова*.

Это нечто возвышающееся над обоими. Это сочетание вечного и всемирного с временным и туземным. И в таком идеале есть много положительного, много такого, что способно волновать не одно старое поколение, к которому принадлежу я, но и тех, кто идет нам на смену. Если русский народ призван к выдающейся исторической роли, то эта роль не должна быть ограничена одним руководством славянскими интересами или интересами православия. Наследник сокровищ, накопленных одинаково романскими и германскими народностями, присоединил к ним высокие нравственные качества, привитые ему его многострадальной историей. **Он-Русский народ** должен смело вступить на путь упрочения, расширения и восполнения общечеловеческой культуры и гражданственности.

Только в этом случае он будет тем «всечеловеком», каким желал видеть его Достоевский.

Максим Ковалевский.

¹ По этому замечанию Ковалевского можно датировать документ 1915 годом, поскольку Ф. М. Достоевский произнес свою речь 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности в зале Московского Благородного собрания (ныне Колонный зал Дома Союзов, расположен по адресу: Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 1).

На обороте рукой М. М. Ковалевского указаны:
Павел Никитич Сакулин
Валентин Никол[аевич] Сперанский
Пр[офессор] Семен Афанасьевич Венгеров¹.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 466. Тетрадь. 1914. 10 л.
Почерком переписчика светло-черными чернилами. С правкой автора черными чернилами.

¹ Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – историк и теоретик литературы, доктор русского языка и словесности, профессор (1913), педагог, литературовед («Русская литература и социализм», 1922; «Социологический метод в литературоведении», 1925; «Русская литература», 1928–1929; и др.). Академик (1929). Директор Пушкинского Дома АН СССР в 1929–1930 годах.

Сперанский Валентин Николаевич (1877–1957) – философ-социолог, юрист, педагог, публицист, литературовед и общественный деятель. Автор работ по избирательному праву, философии, истории политических учений, политэкономии (до 1917 года). С 1922 года в эмиграции, сотрудник Русского народного университета, Русского научного института, Института славянских исследований. Лектор на русском факультете Парижского университета, сотрудник ряда газет, член литературных кружков.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, библиограф, редактор. Создатель пушкинского семинария при Петербургском университете. Доктор русского языка и словесности Харьковского университета (1909), профессор. Редактор отдела литературы «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, а также «Библиотеки великих писателей» этого издательства. С 1911 года издавалось собрание сочинений С. А. Венгерова. Председатель Литфонда (1916–1919). Создатель и первый директор Российской книжной палаты (1917).

**Решение Министерства народного просвещения
от 4 ноября 1914 года об утверждении М. М. Ковалевского
ординарным академиком**

Министерство народного просвещения

Для справок (без герба)

Департамент общих дел

Инспект[орский] раз[ряд]

5-е делопр[оизводство]

4 ноября 1914 г.

№ 14346

В Правление ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии наук

Департамент Общих дел имеет честь уведомить Правление Императорской Академии наук, что ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 20 октября сего года, за № 71, сверхштатный ординарный профессор ИМПЕРАТОРСКОГО Петроградского университета, ординарный профессор Петроградского Политехнического института ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, доктор государственного права, статский советник Ковалевский (*фамилия подчеркнута пунктиром*) утвержден ординарным академиком ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии наук, по государственному праву, согласно избранию, с 29 марта, с оставлением в занимаемых должностях.

Вице-Директор (подписал)

Делопроизводитель (подписал)

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 279: Ковалевский Максим Максимович, академик Академии наук. Личное дело. 29 окт. 1914 г. – 5 окт. 1916 г. Л. 3–3 об. Оригинал. Печатный/машинопись.

Идеолог и практик «гражданской солидарности»

Обширный историографический обзор научной литературы посвящен выдающемуся представителю социальных наук М. М. Ковалевскому. Высокий интерес к наследию и личности ученого в современной науке – исторической, правовой, социологической – объясняется органическим синтезом многогранной творческой и общественной деятельности основоположника отечественной социологии, системностью его мировоззрения, научной и общественной работы. Создание им собственной социологической доктрины и последовательная защита идеалов гражданского равенства и гражданской солидарности стали следствием глубоких исторических и историко-юридических изысканий первого российского академика по государственному праву.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, историография, социология, Санкт-Петербургский университет, служение, гражданское равенство, гражданская солидарность.

Evgeny A. Rostovtsev

Ideologist and practitioner of “civic solidarity”

An extensive historiographical review of scientific literature is dedicated to the outstanding representative of the social sciences M. M. Kovalevskiy. The high interest in the heritage and personality of this scientist in modern science – History, Law, Sociology – is explained by the organic synthesis of the multifaceted creative and social activities of the founder of Russian sociology, the consistency of his worldview, scientific and social work. Creation of his own sociological doctrine and consistent defense of the ideals of civil equality and civil solidarity were the results of the deep historical and historical-legal researches by the first Russian academician on State law.

Keywords: M. M. Kovalevskiy, historiography, sociology, St. Petersburg University, ministry, civil equality, civil solidarity.

¹ *Ростовцев Евгений Анатольевич* – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, профессор, доктор исторических наук.

Evgeny A. Rostovtsev – St. Petersburg State University, Institute of History, Professor, Dr. (History).

e.rostovtsev@spbu.ru

© Е. А. Ростовцев, 2024

Феномен М. М. Ковалевского, на наш взгляд, следует рассматривать в контексте деятельности так называемых русских мандаринов рубежа XIX–XX веков, к коим в литературе относят представителей академической/научной элиты, претендовавшей в этот период на ведущие позиции не только в науке, но и в обществе. Она стремилась к влиянию на политические и социальные процессы и, несомненно, хотела играть роль «властителя дум»¹.

Эта тенденция, набиравшая силу в российской университетской среде начиная с эпохи великих реформ, привела в царствование Александра III и Николая II к перманентному кризису в отношениях между университетами и властью, в частности к противостоянию ведущих университетских коллегий Министерству народного просвещения. Как известно, жертвами этого противоборства были ученые самых разных специальностей, вынужденные покинуть университеты. Были среди них представители естественных и точных наук – достаточно назвать имена И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева.

Однако, разумеется, намного активнее в конфликте участвовали представители гуманитарного и социального знания, список «прегрешений» которых тщательно фиксировался чиновниками охранного отделения. Среди уволенных / вынужденных покинуть университеты в этот период такие блестящие ученые как П. Г. Виноградов, В. С. Соловьев, Н. И. Кареев, И. М. Гревс, В. И. Семевский, М. И. Свешников и многие другие. Некоторых из них (наиболее яркий пример – П. Н. Милюков) «выдавливание» из университетов подтолкнуло к переходу к активной политической борьбе, для большинства же увольнение скорее способствовало бóльшей общественно-политической заостренности дальнейшей творческой деятельности, лишь спорадически перерастающей в политическое противостояние с самодержавием. Сохранилась любопытная министерская переписка по поводу увольнения из Московского университета М. М. Ковалевского с должности профессора юридического факультета в 1887 году. Позиция власти выражена здесь с предельной откровенностью: «Лучше иметь

¹ См., например: Александров Д. А. Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 90–104; Ростовцев Е. А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающе»¹.

О Максиме Максимовиче Ковалевском (1851–1916) написано чрезвычайно много. Примечательно, что изучение творчества ученого не прерывалось и в советское время, в условиях жесткого идеологического заказа². Причина такого внимания, в частности, заключалась как в личном знакомстве М. М. Ковалевского с К. Марксом и Ф. Энгельсом, так и в той «высокой оценке», которую получил ряд трудов ученого у «основоположников марксизма», что подчеркивали советские энциклопедические издания³.

Однако настоящий бум исследований о М. М. Ковалевском мы наблюдаем в постсоветской историографии, которая уже несколько десятилетий системно и последовательно изучает различные стороны деятельности и наследия ученого. С известной долей условности можно выделить направления таких штудий, связанные с рассмотрением М. М. Ковалевского как историка, социолога, юриста, политика и общественного деятеля, литературного критика, академического и университетского деятеля. Объем литературы о М. М. Ковалевском настолько масштабен, что вполне может стать предметом отдельного изучения. Укажем лишь на некоторые из этих исследований.

¹ Цит. по: *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Нестор, 2005. С. 24. См. также: *Осипова Н. М.* «Трудно принести пользу России, не вводя в нее новых мыслей и новых знаний». Документы М. М. Ковалевского в Архиве Российской академии наук // Исторический архив. 2011. № 3. С. 7–25. – *Примеч. ред.*

² См.: *Лукичев С. С.* Политические и методологические позиции М. М. Ковалевского // Ученые записки Томского университета. 1957. № 33: юридические науки. С. 195–222; *Сафронов Б. Г.* М. М. Ковалевский как социолог. М.: Изд-во МГУ, 1960; Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1960. Т. 2. 1960. С. 351–370; 645–646. Т. 3. 1963. С. 414–418, 449–463; История философии в СССР. М.: Наука, 1971. С. 122–126; *Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 98–128; *Лиоренцевич И. Г.* Плуралистическая теория М. М. Ковалевского // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / под ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 1978. С. 214–226, и др.

³ См., например: *Вебер Б. Г., Сафронов Б. Г.* Ковалевский Максим Максимович // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 7. 1965. Стб. 454.

О М. М. Ковалевском как социологе в новейшей литературе писали в основном представители этой науки¹. К исследованиям Ковалевского-социолога примыкают изыскания в области изучения другой его ипостаси – юриста и теоретика права².

¹ См.: *Асеев С. Ю.* Развитие теории демократии в концепции М. М. Ковалевского: дис. ... канд. ист. наук / Алтайский государственный университет. Барнаул, 2000; *Гнатюк О. Л.* Н. С. Тимашев о социологии М. М. Ковалевского // М. М. Ковалевский и российская общественная мысль. К 150-летию со дня рождения / СПбГУ, факультет социологии, Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. СПб.: Социол. о-во, 2003. С. 159–168; *Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). [2-е изд.]. СПб.: Астерион, 2006; *Наумов А. А.* Проблема эволюции государственной власти в социологии М. М. Ковалевского: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2007; *Подоль Р. Я.* Экономический детерминизм в русской социологии начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. С. 211–219; *Бороноев А. О., Глотов М. Б.* М. М. Ковалевский и русская школа социологии // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 97–105; *Их же.* М. М. Ковалевский в истории русской социологии Н. И. Кареева // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2 (23). С. 68–72; *Бороноев А. О.* М. М. Ковалевский как социолог политики // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 3 (28). С. 128–132, и др.; *Василенко В. В.* Многофакторный подход к истории в российском позитивизме и неокантианстве (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 1. С. 5–8.

² См.: *Зоць С. А.* Общественно-политическая деятельность и государственно-политические взгляды М. М. Ковалевского: дис. ... канд. ист. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2007; *Бочаров В. В.* Максим Ковалевский: антропология права и правовой плюрализм в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 3. С. 50–72; *Богданова Н. А., Швердяев С. Н.* Наука государственного права и ее преподавание на юридическом факультете императорского Московского университета (к 250-летию Московского университета) // История, теория, практика российского права. 2005. № 1. С. 4–33; *Игнатьева М. В.* Роль М. М. Ковалевского в изучении обычного права народов Кавказа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 2, № 19. С. 31–37; *Комнатная Ю. А.* Политико-правовые воззрения М. М. Ковалевского: дис. ... канд. юрид. наук / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2002; *Грязнова Т. Е.* Концепция демократического конституционного типа государства в российской либеральной юридической науке конца XIX – начала XX вв. // Государство и право. 2011. № 2. С. 72–80; *Ее же.* Античная демократия в интерпретации российской юридической науки второй половины XIX – начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 2 (41). С. 53–57; *Ее же.* Теория происхождения государства в российской социологической юриспруденции конца XIX – начала XX в. // Российский юридический журнал. 2009. № 6 (69). С. 24–32; *Ее же.* Английская демократия в интерпретации российской либеральной юридической науки второй половины XIX – начала XX века //

Собственно историки доминировали в группе исследователей, которые писали о М. М. Ковалевском прежде всего как о представителе так называемой школы русских историков¹.

Философия права. 2010. № 6 (43). С. 31–34 и др.; *Туманова А. С.* Теория прав человека М. М. Ковалевского // *История государства и права*. 2009. № 21. С. 12–16; *Шаляпин С. О.* Правовая компаративистика М. М. Ковалевского: теоретическое обоснование историко-сравнительного метода // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014. № 10. С. 97–112; *Его же.* Правовая компаративистика М. М. Ковалевского: становление научной концепции // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014. № 7. С. 137–156; *Берлявский Л. Г.* Вклад М. М. Ковалевского в развитие юридического образования и науки // *Юридическое образование и наука*. 2018. № 11. С. 31–35.

¹ См.: *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 26–321; *Его же.* Максим Максимович Ковалевский; *Его же.* Очерки русской историографии. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 332–472; *Мяжков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во КГУ, 2000. С. 156–293; *Бодров О. В.* Профессор М. М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань: Изд-во КГУ, 2006; *Ушаков В. А. Б.* Франклин и реформа британской империи в описании М. М. Ковалевского // *Империи и Империализм нового и новейшего времени: сборник статей*. 2009. С. 63–66; *Афонюшкина А. В.* Изучение французского крестьянства предреволюционной эпохи XVIII в. в трудах М. М. Ковалевского // *Вопросы истории славян: сборник научных трудов*. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 198–209; *Никифоров Ю. С.* Историки «русской школы» о методологии и культуре исторического исследования // *Ярославский педагогический вестник*. 2012. Т. 1, № 4. С. 40–43; *Его же.* Педагогическая деятельность историков «русской школы» // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. Т. 1, № 2. С. 38–42; *Талья А. Ю., Ушаков В. А.* Томас Джефферсон и американская тематика в освещении М. М. Ковалевского // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2013. № 11. С. 191–208; *Гордиенко Д. О.* Особенности изучения английской революции в русской исторической традиции второй половины XIX – начала XX в. // *Национальное культурное наследие России: региональный аспект. VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко*. 2018. С. 219–227; *Дыго М.* Максим Максимович Ковалевский как историк экономики Средних веков и раннего Нового времени // *Средние века*. 2020. Т. 81, № 2. С. 10–45; *Кутузова А. А.* Английская революция XVII века в интерпретации представителей двух поколений «русской исторической школы» // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 166, № 2. С. 184–197; *Васильев Ю. А.* «Русская школа» («Ecole Russe») как прецедент международного признания в исторической науке на рубеже XIX–XX вв. // *Российская наука: прошлое, настоящее, будущее: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук*. Москва, 13 мая 2024 года. М., 2024. С. 77–85.

Среди специалистов-историков, занимающихся изучением социально-политического контекста Российской империи эпохи заката, также популярно изучение политической деятельности М. М. Ковалевского¹.

Особое внимание уделяется роли М. М. Ковалевского как деятеля с международной известностью в знаменитой «войне профессоров», которая развернулась в среде европейских интеллектуалов в годы Первой мировой войны², и его позиции по проблеме формирования доктрины «внутреннего мира» в лагере российских либералов³.

¹ См.: Мичурин А. Н. М. М. Ковалевский и его роль в политической борьбе в Государственном совете в 1915 году по вопросу создания «Прогрессивного блока» // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования: сборник материалов Международной научно-теоретической конференции / Федеральное агентство по образованию, Санкт-Петербургский гос. политехн. ун-т; [науч. ред. А. И. Рудской]. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. С. 74–89; Хайлова Н. Б. «Порядок нельзя насаждать в бесправии»: М. М. Ковалевский против П. А. Столыпина // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 13–22; Ее же. «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною». Воспоминания М. М. Ковалевского о встречах с С. Ю. Витте накануне роспуска II Государственной думы. 1907 г. // Исторический архив. 2010. № 5. С. 123–153, и др.; Утяшев М. М., Коновалова С. В. Идеи прав и свобод человека и гражданина в Первой Государственной думе Российской империи // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 4. С. 1449–1454; Савин С. Д. Максим Ковалевский о балканском вопросе накануне Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 186–197; Смирнова Е. А. Профессора высшей школы Санкт-Петербурга (Петрограда) в Государственной думе Российской империи // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2019. С. 96–103; Матюхин А. В. Идея парламента в русской либеральной мысли начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 120–129.

² Никифоров Ю. С. Происхождение и характер Первой мировой войны в либерально-патриотическом дискурсе историков «русской школы» (1914–1916 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 3. С. 45–52; Агапов В. Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 1 (31). С. 33–47.

³ Агапов В. Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915–1916 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 20–36.

Разумеется, фигура М. М. Ковалевского затрагивается в работах как по социальной истории науки¹, так и по российской эмиграции², в фокусе внимания современных исследователей находится его деятельность как литератора и литературного критика³; отдельная тема историографических штудий – рассмотрение вклада М. М. Ковалевского в кавказоведение⁴. Несмотря на то, что собственно сюжеты истории России в профессиональном наследии М. М. Ковалевского периферийны, в литературе уделено внимание и этой стороне его творчества⁵.

Пытаясь объяснить такой интерес к М. М. Ковалевскому в современной науке, можно и нужно указать на то, что по масштабам своей научной и педагогической деятельности он вполне может быть поставлен в один ряд с такими великими учеными-современниками в области гуманитарных и социальных наук, как В. О. Ключевский, И. М. Гревс, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов. На политическом поприще М. М. Ковалевский стал одним из признанных лидеров оппозиции, наряду с такими коллегами-политиками из числа либеральной профессуры, как С. А. Муромцев, В. И. Вернадский, П. Н. Милюков, С. Ф. Ольденбург.

¹ См., например: *Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Нестор-история, 2018.*

² См., например: *Любина Г. И. Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. Т. 23, № 2. С. 281–299; Болатов В. Т. Зарубежный педагогический и научно-исследовательский опыт М. М. Ковалевского // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 4. С. 71–76.*

³ *Бочкарева В. И. М. М. Ковалевский и литература // Наследие. 2016. № 2 (9). С. 93–100.*

⁴ См., например: *Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979; Афаунова Д. Ф. Изучение общественных институтов горцев Северного Кавказа в творчестве М. М. Ковалевского // Проблемы исторической регионалистики в источниковедении, историографии, теоретической истории: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2018. С. 5–10.*

⁵ *Хайлова Н. Б. «Смотря на поход двенадцатого года глазами историка»: А. А. Корнилов и М. М. Ковалевский о войне 1812 года // Россия XXI. 2012. № 6. С. 88–99.*

Однако уникальная особенность личности М. М. Ковалевского, обеспечившая ему несомненное место в пантеоне деятелей российской интеллектуальной элиты как в научной/историографической традиции, так и в культурной памяти, видится именно в органическом синтезе его творческой и общественной деятельности. В этой связи следует согласиться с выдвигавшейся в литературе точкой зрения, согласно которой ключевой темой научного творчества М. М. Ковалевского были проблемы развития и становления гражданского общества как в Европе, так в России, хотя именно этот термин ученый в своих работах не использовал¹.

Эта исследовательская перспектива лежала в основе его политической и социальной активности. Как известно, другие деятели «русской школы» историков также считали своим долгом не только исследовать социальные процессы в истории, но и принимать непосредственное участие в работе «на общество»², перенося западные формы социальной организации на российскую почву. Между тем вряд ли в этом отношении кто-то из современников мог конкурировать с М. М. Ковалевским. Дело, вероятно, заключается в исключительной системности его мировоззрения, научной и общественной работы. Исторические и историко-юридические изыскания подвели его к формулированию собственной социологической доктрины.

Разработка своей системы социологии, в свою очередь, убедила ученого в том, что прогресс «раскрывает законы, управляющие ростом человеческой солидарности»³. В этом контексте М. М. Ковалевский полагал, что основой мирного поступательного общественного развития в современную ему эпоху является «гражданское равенство», обеспечивающее усиление процессов солидарности граждан и социальную эволюцию без революционных потрясений. Свою общественную и политическую деятельность М. М. Ковалевский рассматривал как служение, направленное на обеспечение гражданской солидарности.

¹ Уденко Е. И. Особенности формирования гражданского общества в России: идеи М. М. Ковалевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 163–168.

² Никифоров Ю. С. Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве российской империи конца XIX – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2. С. 33–38.

³ Ковалевский М. М. Социология. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. С. 57.

В этой позиции он прочно утвердился к началу XX века, получив обширный опыт жизни и работы в Европе и Америке.

Действительно, после упомянутого увольнения из Московского университета начинается период «скитальничества» ученого, в ходе которого он успел поработать в ряде университетов по всему миру (Стокгольм, Оксфорд, Париж, Брюссель, Чикаго), что, без сомнения, способствовало как творческому развитию самого М. М. Ковалевского, так и укреплению его международной ученой репутации. Существенным импульсом для исследований российских ученых в области социальных наук стало создание во главе с М. М. Ковалевским в 1901 году в Париже Русской высшей школы общественных наук.

Оппозиционная направленность общественной деятельности М. М. Ковалевского нисколько не мешала росту его авторитета в российской ученой среде. Демонстративный характер носило его избрание в годы опалы со стороны властей в члены-корреспонденты Академии наук (1899). Вообще, как отмечается в историографии, избрание М. М. Ковалевского в почетные члены какого-либо учреждения в последние десятилетия его жизни даже не требовало особой аргументации. Так, например, при избрании его почетным членом Казанского университета (1915) отмечалось, что «имя проф. М. М. Ковалевского как социолога и политического историка пользуется общей европейской известностью, вследствие чего не требуется никакой особой рекомендации»¹. Избрание его академиком в начале 1914 года в условиях жесткого противостояния министра народного просвещения Л. А. Кассо юридическому факультету Санкт-Петербургского университета (одним из самых видных и оппозиционно активных профессоров которого являлся М. М. Ковалевский), выглядело хотя и закономерным с точки зрения признания заслуг ученого, но очевидным вызовом по отношению к власти.

Напомним, что возможность возобновить научную деятельность на родине у М. М. Ковалевского появилась в период Первой русской революции. Вернувшись в Россию, он сразу же погрузился в общественно-политическую и образовательную работу в столице.

¹ Цит. по: *Мяжков Г. П.* Максим Максимович Ковалевский – почетный член Казанского университета // *Ученые записки Казанского университета.* 2011. Т. 153, № 3. С. 76.

По возвращении первым местом службы стал Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого.

Как известно, профессора, представляющие непосредственно связанные с изучением общества юридические, экономические и исторические науки, составили основу так называемой партии народной свободы (кадетов)¹, которая стала главной легальной (вернее, полуправильной) оппозиционной силой в эпоху революции 1905–1907 годов и думской монархии. М. М. Ковалевский, однако, не разделял радикализм кадетов, заняв собственную последовательную либерально-центристскую позицию, нашедшую отражение в программе организованной им Партии демократических реформ. В 1906 году он был избран в Государственную думу I созыва от Харьковской губернии, откуда был родом.

Следующим местом ученого служения М. М. Ковалевского стал Санкт-Петербургский университет. 18 мая 1906 года Совет Санкт-Петербургского университета избрал его сверхштатным профессором по кафедре государственного права согласно соответствующему представлению юридического факультета². Отметим, что подобное избрание на сверхштатную профессорскую позицию Советом столичного университета – случай очень редкий, почти исключительный, свидетельствующий о беспорной научной и общественной репутации кандидата в глазах столичной профессуры. Обычно при отсутствии профессорских вакансий выдающиеся ученые, в том числе академики, допускались к преподаванию в должностях приват-доцентов, т. е. в профессорскую коллегия не включались.

Здесь нужно отметить, что избрание М. М. Ковалевского в число профессоров столичного университета существенно укрепило и позиции группы «левой» университетской профессуры, о деятельности которой вспоминал другой ее участник и коллега М. М. Ковалевского по университету, профессор всеобщей истории Н. И. Кареев. По его словам, эта группа «собиралась довольно часто по вопросам о выборах

¹ См., например: *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: материалы Международного научного colloквиума.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212.

² Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. № 62. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1907. С. 67–68.

ректора, выборщиков в государственный совет и т. п., а также по поводу вопросов, возникших в связи с политикой министерства или со студенческим движением»¹.

Солидарное голосование членов группы обеспечивало успех ее предложений и кандидатов в Университетском совете. Например, в сентябре 1906 года профессорский совет с подачи «левой» группы принял участие в явно оппозиционной акции – подготовке приема делегации английских парламентских и общественных деятелей, устраиваемой членами распушенной Государственной думы (во главе распорядительной комиссии по организации приема стоял лидер кадетов П. Н. Милюков)². Представителями университета на приеме английской делегации были избраны бывшие члены Думы и профессора юридического факультета Л. И. Петражицкий и М. М. Ковалевский³.

Более важным для политической карьеры последнего стало другое голосование, организованное «левой» группой в январе 1907 года, когда в коллегию выборщиков помимо ректора университета И. И. Боргмана были избраны профессора Д. Д. Гримм и М. М. Ковалевский⁴. Это позволило М. М. Ковалевскому затем занять место в Государственном совете, будучи избранным в его состав от представителей Академии наук и университетов.

Санкт-Петербургский университет этого периода стал важной площадкой и для институализации российской социологии, в которой непосредственное и ключевое участие принимал М. М. Ковалевский. В конце 1912 года в Историческом обществе при университете была открыта возглавляемая им «Секция теории истории и социологии».

¹ Кареев Н. И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина, В. А. Ежова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет: 1805–1917. С. 102.

² См.: Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. С. 133–135.

³ Там же. С. 127–128. Правда, ввиду протестов не только ряда «правых», но и «умеренно-либеральных» российских политических организаций и учреждений сама поездка английской делегации была отменена, так что и прием ее не состоялся (см., например: *Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. СПб.: Феникс, 1992. Т. 2. С. 369*).

⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. № 63. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1908. С. 16–17, 26–28.

Ее учредителями помимо председателя выступили видные члены университетской корпорации – Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Л. И. Петражицкий, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, П. Б. Струве, Е. В. Тарле, Е. В. Де Роберти, А. А. Чупров и др. Как отмечается в литературе, ее создание было одной из попыток институционализации социологической науки в России, предшествовавшей образованию в 1916 году Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского во главе с академиком А. С. Лаппо-Данилевским при секретарях П. А. Сорокине и Н. Д. Кондратьеве¹. Интересно, что двух последних молодых ученых объединяло не только то, что впоследствии они получили без преувеличения мировую известность как классики социологической и экономической науки, но и то, что оба работали секретарями и являлись непосредственными учениками М. М. Ковалевского.

Отметим, что собственно академическая нагрузка М. М. Ковалевского в университете была невелика. Куда больше сил отнимала у него политическая работа, участие в многочисленных общественных проектах, что, кстати, для самого ученого казалось в этот период важнее других видов деятельности. М. М. Ковалевский неустанно сотрудничал с различными либеральными периодическими изданиями. Он – активный участник «Нового энциклопедического словаря», автор многочисленных публикаций в «Русских ведомостях» и «Биржевых ведомостях», издатель и один из редакторов «Вестника Европы»².

Среди обществ, в которых председательствовал М. М. Ковалевский, – Вольное экономическое, Юридическое, Русское отделение Международного общества мира, кружки имени Л. Н. Толстого и А. И. Герцена. М. М. Ковалевский также являлся одним из органи-

¹ См. об этом: *Ермакович Ю. М.* Социология в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / науч. ред. Л. А. Вербицкая, сост. Г. А. Тишкин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 330–331; *Долгова Е. А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67–70; *Малинов А. В.* А. С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 8–16.

² На этом посту М. М. Ковалевский сменил в 1909 году М. М. Стасюлевича, тоже, кстати, бывшего профессора Петербургского университета. См.: *Арсеньев К. К.* М. М. Ковалевский // Максим Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг.: Артист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917 [1918]. С. 57–58.

затов и сотрудником частного Психоневрологического института, лектором Петербургского общества народных университетов, курсов Лесгафта, Высших женских (Бестужевских) курсов, активным членом Санкт-Петербургского литературного общества и многих других¹.

Активно включился М. М. Ковалевский и в городскую жизнь столицы, будучи избранным в 1913 году в гласные городской думы. Что касается университета, то здесь он дополнительно брал на себя бремя председателя Комитета общества вспомоществования студентам. На этом посту М. М. Ковалевский пробыл пять лет – с 11 февраля 1907 года по 12 марта 1912 года². Председательство пришлось на непростое для университета время политических бурь, обострения отношений администрации с советом студенческих старост, студенческих забастовок, «кризисом Кассо». Председателю приходилось координировать деятельность общества, минимизируя конфликтные ситуации.

Несмотря на свое весьма скептическое отношение к новому поколению российских студентов второй половины 1900-х – начала 1910-х годов, которые удивляли его тем, что «причисляли профессоров к предпринимателям» и могли «устроить забастовку при посещении их лекций»³, М. М. Ковалевскому удавалось сохранять с большинством молодежи добрые отношения и оставаться в их глазах культовой фигурой. Интересна зарисовка Н. П. Анциферова, бывшего студентом Санкт-Петербургского университета в начале 1910-х годов: «...медленно идет грузный М. М. Ковалевский („друг Карла Маркса“, как он себя называл), профессор международного права. Довольный миром и собой, он, улыбаясь чуть снисходительно, беседует с вольнослушательницей, которая робко задает ему какие-то вопросы»⁴. Другое характерное воспоминание принадлежит П. А. Сорокину, который, будучи студентом,

¹ Ковалевский Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича Ковалевского по семейным и личным воспоминаниям // Там же. С. 39; Арсеньев К. К. М. М. Ковалевский // Там же. С. 58; Кауфман А. Е. Писательские общества и кружки // Ш. Манфред Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг. Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 284.

² Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского Университета. Основано 4 ноября 1873 года. Отчет за 1907 год. СПб., 1908. С. 67; Отчет за 1912 год. СПб., 1913. С. 54.

³ Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. С. 235.

⁴ Анциферов Н. П. Из дум о былом // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках. Кн. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. С. 336.

устроился секретарем к М. М. Ковалевскому и писал, что профессор знал о принадлежности своего секретаря «к эсерам, о прошлой и настоящей „подрывной деятельности“», но даже скорее одобрял его политические взгляды «как нечто свойственное» для юноши с таким, как у П. А. Сорокина происхождением, и когда того арестовала полиция, добился его освобождения¹.

В конце жизни М. М. Ковалевский стал одной из центральных фигур среди либеральных общественных деятелей – внимание российской и международной печати было буквально приковано к нему. Начало «великой войны» застало профессора на знаменитом курорте Карлсбад в Австро-Венгрии (ныне – чешские Карловы Вары)². Освобождение из австрийского плена бурно обсуждалось в российской либеральной прессе. 23 февраля 1915 года освобожденного узника приветствовал юридический факультет³, а 25 февраля в ресторане «Донон» было устроено грандиозное чествование вернувшегося академика, в котором приняли совместное участие ведущие представители левого крыла политической элиты империи и университетской профессуры⁴. М. М. Ковалевский прожил после возвращения из плена чуть больше года, уйдя из жизни 23 марта 1916 года.

Приведем свидетельство о прощании с М. М. Ковалевским: «В день похорон 26 марта 1916 г. с самого раннего утра на Моховой улице, где жил покойный, начал прибывать народ и к моменту выноса тела, к 10 часам утра, улица представляла собой море человеческих голов. (...) Преобладало студенчество. Прибыло несколько делегаций от различных учебных заведений и учреждений. В 10 часов гроб был вынесен на руках членом Г[осударственной] Д[умы] Е. П. Ковалевским, проф. Д. Д. Гриммом, ректором Петроградского Университета Э. Д. Гриммом, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовским, проф. А. С. Постниковым и др., и на руках же его понесли в церковь св. Симеония и Анны (на Моховой). Здесь было совершено отпевание

¹ Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках... Кн. 2. С. 370, 373.

² См.: Хайлова Н. Б. Люди из примечаний. Максим Максимович Ковалевский – австрийский пленник // Россия XXI. 2015. № 6. С. 172–188.

³ Приветствие М. М. Ковалевскому // Биржевые ведомости. 1915. 24 февр. (9 марта). Утренний выпуск. № 14690. С. 4.

⁴ Чествование М. М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 1915. 26 февр. (11 марта). Утренний выпуск. № 14692. С. 4.

ректором Академии епископом Анастасием... ⟨...⟩ ...грандиозная траурная процессия двинулась с Моховой по Фонтанке к Невскому проспекту. Гроб несли на руках студенты. Студенты же для поддержания порядка образовали живую цепь вокруг гроба и многочисленных колесниц с венками. Пел студенческий хор. ⟨...⟩ По улицам, где двигалась процессия, пришлось приостановить движение трамваев и экипажей: улицы были запружены народом. Люди толпились на балконах и в окнах домов...»¹. Надпись на памятнике, сооруженном на могиле М. М. Ковалевского в Александро-Невской лавре, гласит: «Историку и учителю права, борцу за свободу, равенство и прогресс»². Так русское гражданское общество отблагодарило одного из первых своих активных созидателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Долгова Е. А. Документы о деятельности Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67–70.
- Ермакович Ю. М. Социология в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / науч. ред. Л. А. Вербицкая, сост. Г. А. Тишкин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Иванов А. Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212.
- История философии в СССР: в 5 т. М.: Наука, 1968–.
- Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
- Кареев Н. И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина, В. А. Ежова.

¹ Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // Максим Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 259–260. Ср.: *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. С. 56.

² *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков... С. 269.

Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет: 1805–1917. С. 101–106.

М. М. Ковалевский и российская общественная мысль. К 150-летию со дня рождения: сборник / Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. СПб.: Социол. о-во, 2003. 238 с.

Максим Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сборник статей / К. К. Арсеньев и др. Пг.: Артист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917 [1918]. 274 с.

Малинов А. В. А. С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 8–16.

Мягков Г. П. Максим Максимович Ковалевский – почетный член Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 74–79.

Никифоров Ю. С. Происхождение и характер Первой мировой войны в либерально-патриотическом дискурсе историков «русской школы» (1914–1916 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 3. С. 45–52.

Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1966. Т. 2. 1960. 863 с. Т. 3. 1963. 830 с.

Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 378 с.

Погодин С. Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Нестор, 2005. 155 с.

Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. № 62. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1907. 325 с.

Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. № 63. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1908. 348 с.

Ростовцев Е. А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

Ростовцев Е. А. Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках: в 3 т. Т. 2. 1862–1916: в 2 кн. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. Кн. 1. 640 с. Кн. 2. 536 с.

Уденко Е. И. Особенности формирования гражданского общества в России: идеи М. М. Ковалевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 163–168.

Хайлова Н. Б. Люди из примечаний. Максим Максимович Ковалевский – австрийский пленник // Россия XXI. 2015. № 6. С. 172–188.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕНЕДИКТОВ
(30 июня 1887 года – 9 августа 1959 года)



Действительный член Академии наук СССР
(с 20 июня 1958 года) –
отделение экономических, философских и правовых наук (право)

А. В. Венедиктов в Коммунистической академии

*(Подготовка документов к публикации и комментарии
Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой)*

Путь в науку А. В. Венедиктова начался до 1917 года, его становление как ученого происходило на фоне формирования методологии и организационных структур советской науки – в университетах, институтах, в том числе в Институте советского строительства и права Коммунистической академии¹.

Фундамент научных работ Анатолия Васильевича составили экономические знания, полученные им в столичном Политехническом институте в 1905–1910 годах, и правовые компетенции, приобретенные во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1910–1912 годах. Этот синтез экономико-правовых знаний молодого ученого укреплялся в зарубежных научных командировках, в которых он побывал в рамках подготовки к профессорскому званию (в Германии он провел три месяца в 1912 году и почти 12 месяцев в 1913–1914 годах, в Швейцарии – месяц в 1914 году), а также в процессе преподавательской деятельности в Ярославле (профессор университета), Петрограде/Ленинграде (преподаватель, профессор Торгово-

¹ О реорганизации академической науки в советском государстве довоенного периода см. подробнее: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, 1922–1991 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Архив Президента Росс. Федерации. 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000; *Козлов Б. И., Савина Г. А.* Коммунистическая академия ЦИК СССР. (1918–1936). М.: Слово, 2008. 492 с. (Материалы к социальной истории; Вып. 1); *Метель О. В.* Социалистическая академия общественных наук: Очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. 2017. № 1 (13). С. 184–191; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов / под ред. К. В. Островитянова и др. Л.: Наука, 1968. 419 с.; *Покровский М. Н.* Десять лет Коммунистической академии. Вступительное слово М. Н. Покровского на юбилейном заседании Пленума Комакадемии 25 мая 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 7–20; *Соколова Н. Ю.* Библиотека Коммунистической академии: этапы формирования и развития (1918–1936 гг.) // Научные и технические библиотеки. 2011. № 7. С. 82–94; *Удальцов А. Д.* Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 гг.) // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 13–37; *Худобородов А. Л., Заровнятных В. А.* Реорганизация Академии наук в советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 13, № 2. С. 74–76.

промышленного и Политехнического институтов, факультета советского права и правового института Петроградского/Ленинградского университета, Военно-морской академии).

В советском правоведении Анатолий Васильевич занял место ведущего эксперта, специалиста в области хозяйственного права, организации промышленности, теории государственной собственности.

До 1917 года в списке своих трудов он указывал три работы: книгу «Слияние акционерных компаний», изданную в 1914 году Санкт-Петербургским Политехническим институтом¹, и статьи «Картели и синдикаты»² и «Война, рост цен и старые контракты»³.

После революции 1917 года прежняя научная методология в экономической науке и правоведении (ее основным недостатком, помимо «буржуазной классовой сущности», был объявлен юридическо-догматический, или формально-юридический, подход к социальным процессам и явлениям) не сразу уступила место новым установкам. Многие ее положения были востребованы и в период НЭПа при разработке нормативных правовых актов советской власти, в первую очередь – Гражданского кодекса РСФСР 1922 года. Соответствующие переходные тенденции отмечались и в трудах А. В. Венедиктова, относящихся к 1920-м годам. Так, в отзыве, составленном директором Института советского строительства и права Ленинградского отделения Коммунистической академии (ИССП ЛОКА) Вацлавом Станиславовичем Ундревичем⁴, отмечалось, в частности, что «работы т. Венедиктова до 1928 г. были посвящены вопросам промышленного

¹ Венедиктов А. В., Гусаков А. Г. Слияние акционерных компаний. Пг.: Петрогр. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1914. (Труды студентов Экономического отделения Политехнического института императора Петра Великого; № 15). URL: <https://www.prlib.ru/item/959075>.

² См.: Винавер М. М. и др. Вестник гражданского права. СПб., 1913–1917. Г. 3 1915, № 4. С. 117–145. URL: <https://www.prlib.ru/item/323280>; Г. 3 1915, № 5. С. 113–140. URL: <https://www.prlib.ru/item/323281>.

³ Венедиктов А. В. Война, рост цен и старые контракты. Пг.: тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1917 (Очередные вопросы финансовой политики; Вып. 2). URL: <https://www.prlib.ru/item/324861>.

⁴ Ундревич Вацлав Станиславович (1895–1937) – советский ученый-юрист, государственный и общественный деятель, декан факультета права и местного хозяйства Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, директор ИССП ЛОКА (1931–1937). 27 марта 1937 года арестован, 30 ноября того же года приговорен выездной сессией Верховного Суда СССР в Ленинграде к высшей мере наказания (по п. 8–11 ст. 58 УК РСФСР) и в тот же день расстрелян.

права и представляли собою научную постановку ряда отдельных вопросов, не выходя, однако, за пределы юридическо-догматических исследований»¹.

Основы советской науки хозяйственного права, как и ряда других отраслей правоведения и государственоведения, после образования Союза ССР в 1920-х – первой половине 1930-х годов разрабатывались за рамками системы учреждений Академии наук. Высшим всесоюзным научным учреждением по изучению и разработке вопросов обществоведения, естествознания, а также социалистического строительства на основе идей марксизма-ленинизма являлась согласно Уставу, утвержденному ЦИК СССР 26 ноября 1926 года, Коммунистическая академия². Центральные учреждения Комакадемии располагались в Москве, в том числе ИССП КА, в Ленинграде действовали

¹ СПбФ АРАН. Ф. 225 (Ленинградское отделение Коммунистической академии при ЦИК СССР). Оп. 4а. Д. 171. Л. 14. Полный текст документа см. на с. 181–183 наст. изд.

² Коммунистическая академия (в 1918–1919 годах – Социалистическая академия общественных наук при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК); в 1919–1924 годах – Социалистическая академия при ВЦИК) при ЦИК СССР – высшее учебное, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР. Включала научные институты философии, истории, литературы, искусства и языка, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, естествознания, аграрный, общества биологов-марксистов, врачей-марксистов-ленинцев, математиков-марксистов и проч.

Институт права и советского строительства (ИПСС) Комакадемии возник на базе Института советского строительства и Секции права и государства Комакадемии, эта реорганизация была утверждена Постановлением президиумов ЦИК СССР и ВЦИК от 5 июля 1929 года, новое наименование (ИПСС) – Постановлением президиума ЦИК СССР от 30 августа 1929 года. С 11 июля 1930 года в обновленной структуре Комакадемии учреждение названо Институтом советского строительства и права (в его состав были включены Женская секция Комакадемии и Комиссия по изучению национального вопроса).

Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) № 214, опубликованным в печати 8 февраля 1936 года, Комакадемия ликвидировалась, а ее учреждения, институты и основные кадры передавались в Академию наук СССР (АН СССР). Параллельное существование двух академий признавалось нецелесообразным. Институты советского строительства и права в Москве и Ленинграде были переданы в Академию наук СССР Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 215, приказом по Комакадемии от 16 февраля 1936 года срок полномочий ее президиума был прекращен.

ее отделения (в том числе ИССП ЛОКА по адресу: набережная 9-го Января, д. 18¹).

В ИССП ЛОКА, в частности, была создана бригада хозяйственно-административного и трудового права, которая вела научную теоретическую разработку ряда вопросов этих отраслей права. Примечательно, что одним из таких вопросов являлась разработка самого института хозрасчетной бригады. В фондах СПбФ АРАН сохранилась копия тезисов «Труд в хозрасчетной бригаде», составленных не позднее 1931 года, где, в частности, отмечалось:

7. Хозрасчетная бригада не является самостоятельной административно-хозяйственной единицей. Хозрасчетная бригада работает методами хозяйственного расчета. Однако хозрасчет бригады качественно отличается от хозрасчета цеха-завода.

Хозрасчет в бригаде заключается в том, что в бригаде периодически (ежедекадно, ежемесячно) выявляются развернутые результативные данные по всем без исключения элементам плана-задания (производительность труда, простои, невыходы, брак, инструменты, материалы, отходы и т. п.), выраженные в ценностном, натуральном виде, в норм. часах (трудочасы). На этой основе рабочие хозрасчетной бригады получают реальную возможность оперативной борьбы за преодоление узких мест и ликвидацию прорывов в работе.

8. Хозрасчетная бригада не знает:

- а) наделения оборотными средствами;
- б) договорных отношений хозяйственного порядка с кооперированными в производстве бригадами (поставщик-заказчик),
- в) контроля рублем².

¹ Так в 1923–1944 годах называлась Дворцовая набережная. В доме 18 (Новомихайловский дворец, арх. А. И. Штакеншнейдер) ныне располагаются Институт восточных рукописей Российской академии наук (РАН), Институт истории материальной культуры РАН, Институт электрофизики и электроэнергетики РАН.

² СПбФ АРАН. Ф. 229 (Институт советского строительства и права ЛО Ком-академии при ЦИК СССР (1930–1936); Ленинградское отделение Института государственного права АН СССР (1936–1937)). Оп. 1. Д. 66. Л. 18–19.

При этом «левыми загибами» объявлялись пренебрежение добровольным согласием рабочих при формировании таких бригад и излишнее администрирование, а «правыми» («правооппортунистическими») – пропаганда «теории стадийности, ступенчатости хозрасчета (сперва завод, потом цеха, потом бригады)», в чем усматривалось «отрицание решающего значения развертывания социалистических форм организации труда и энтузиазма рабочих в деле социалистического строительства и пренебрежительно-бюрократическое к ним отношение»¹.

В бригаде хозяйственно-административного и трудового права ИССП ЛОКА происходила естественная специализация по предмету регулирования изучаемых правоотношений. В частности, группа, в составе которой работал и Анатолий Васильевич, занималась исключительно вопросами хозяйственного права, получив соответствующее наименование. Члены бригады проводили исследования на промышленных предприятиях Ленинграда, готовили доклады, выступали на регулярных заседаниях бригады, участвовали в дискуссиях (прениях), готовили научные труды, в том числе коллективные. Эта деятельность носила плановый характер. Один из примеров годового производственного плана бригады хозяйственного права публикуется далее².

Рост государственной промышленности стал ключевой задачей развития СССР в 1930-е годы. Ранняя советская цивилистика разрабатывала правовые средства, способствующие эффективному функционированию советской экономики, прежде всего, в государственном индустриальном секторе. Одним из таких средств оставался хозрасчет во всех его формах и во всех отраслях промышленности.

Члены бригады хозяйственного права ИССП ЛОКА в это время много внимания уделяли теме хозяйственного расчета на государственных предприятиях. Неслучайно первое заседание бригады в 1932 году, основным докладчиком на котором выступил А. В. Венедиктов, открыло большую дискуссию по этой острой теме. Тезисы его доклада, подписанные автором 1 января 1932 года, публикуются далее³.

В это время и в ИССП Комакадемии, и в его Ленинградском отделении много внимания уделялось актуальным проблемам советского

¹ Там же. Л. 19.

² См. с. 168–169 наст. изд.

³ См. с. 169–172 наст. изд.

строительства и права (в частности, предпринимались попытки обосновать хозяйственное право как самостоятельную отрасль, научную и учебную дисциплину), злободневным конкретно-социологическим исследованиям¹. Научные сотрудники ИССП Комакадемии и ИССП ЛОКА так же, как и все граждане советского государства, были вовлечены в механизм социалистического соревнования. Основные параметры соревнования советских учреждений закреплялись в специальном договоре, а их организацией занимались профессиональные союзы. Институт договора соцсоревнования просуществовал в советском праве несколько десятилетий, обретая все более формальный характер. Далее публикуется договор между двумя научными учреждениями Комакадемии в Москве и Ленинграде на 1934 год, а также копия протокола производственного совещания в ИССП ЛОКА, на котором проходило обсуждение проекта².

С января 1934 года в СССР началось реформирование систем подготовки научных кадров, научных учреждений, управления научными исследованиями.

Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 года № 79 «Об ученых степенях и званиях» началась унификация соответствующих положений и процедур в научных и высших учебных учреждениях СССР. В частности, п. 13 Постановления устанавливал перечень организаций, где может проводиться публичная защита диссертаций на соискание ученых степеней. В их числе значились и Академия наук СССР, и Коммунистическая академия.

При этом в целях поощрения научной работы и повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров постановлением устанавливалось, что степень доктора наук могла присваиваться без защиты диссертации лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями (примеч. 2 п. 6 Постановления)³.

¹ См., например: Вопросы хозяйственного права / под ред. Л. Я. Гинцбурга, И. А. Суворова. М.: Сов. законодательство, 1933; Реконструкция госаппарата и борьба с бюрократизмом / под ред. А. Алымова и др. (по материалам научной сессии в ИССП Комакадемии). М.: Власть Советов, 1935.

² См. с. 173–178 наст. изд.

³ См.: Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 14 января 1934 года, № 12.

Решением вопроса об оформлении своей научной квалификации доктора наук на основании указанного постановления СНК СССР А. В. Венедиктов занимался в Комакадемии в 1935–1936 годах, и эта процедура заняла около пяти месяцев.

16 июня 1935 года он обратился с соответствующим заявлением, 15 сентября того же года президиум аттестационной комиссии Комакадемии принял положительное решение, а 3 ноября 1935 года искомая степень была присвоена ему на пленарном заседании аттестационной комиссии президиума Комакадемии.

Однако в конце месяца Венедиктов получил из секретариата Комакадемии указание о принятии мер к ускорению решения вопроса о присуждении ему ученой степени, коллеги даже предположили, «что вопрос о присуждении Ком. Академией докторских степеней без защиты диссертаций вообще остается открытым»¹. В 1936 году, уже в процессе ликвидации Комакадемии, ученая степень доктора наук без защиты диссертации за большие заслуги в науке была присуждена Анатолию Васильевичу Венедиктову АН СССР².

Действительным членом АН СССР А. В. Венедиктов был избран 20 июня 1958 года. В фондах Архива РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, в библиотечных собраниях хранится немало научных трудов и документальных свидетельств жизни и деятельности этого уникального ученого. На юридическом факультете, деканом которого он являлся в 1944–1949 годах и где до 1954 года возглавлял кафедру гражданского права, сохранены некоторые мемориальные предметы, связанные с работой там Анатолия Васильевича³.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 21.

² См. с. 179–181 наст. изд.

³ См. с. 187 наст. изд.

**Производственный план
работы бригады хозадмин права и трудового права
Института советского строительства и права
Ленинградского отделения Коммунистической академии
на 1932 год**

I. ЯНВАРЬ – АПРЕЛЬ. – Работа по изучению хозрасчета.

Доклады о работе.

1. Хозрасчет госпредприятий.....7/I
Венедиктов, Андреев, Тямшанский
2. Организация внутрипромышленного снабжения,
хозрасчет и договор.....4/III
Ельевич, Шахназаров
3. Кредит и хозрасчет.....14/III
Воеводский, Лупкерт
4. Хозрасчет бригады.....24/III
Догадов, Давидович
5. Госарбитраж в борьбе за хозрасчет.....4/IV

АПРЕЛЬ. – Подготовка к изданию сборника о хозрасчете.

II. МАЙ, ИЮНЬ, СЕНТЯБРЬ. – Работа по вопросу о перестройке
зарплаты (борьба с уравниловкой и соответствующие измене-
ния в трудовом праве).

Догадов, Ельевич, Давидович, Минин К., Минин И., Пешекеров,
Зысин, Венедиктов, Донде, Альбицкий, Андреев:

- а) май – июнь – собрание и проработка материала;
- б) доклады 14 и 24/IX.

III. ОКТЯБРЬ – НОЯБРЬ. – Работа по изучению РКК и трудсесии
под углом зрения условий тов. СТАЛИНА.

Догадов, Давидович, Минин К., Минин И., Зысин, Альбицкий, Донде, Кочеров:

- а) октябрь и половина ноября – обследовательская работа и обработка материала;
- б) доклады 24/XI и 4/XII.

IV. ДЕКАБРЬ. – Работа по проверке выполнения колдоговоров под углом зрения условий тов. СТАЛИНА.

Догадов, Ельевич, Давидович, Минин К., Зысин, Кочеров, Донде, Пешекеров, Альбицкий, Тямшанский, Крылов, Андреев. Доклады 24/XII – 1932 г.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 66. Л. 38. Машинописная копия.

А. В. Венедиктов.
Хозрасчет в государственном
промышленном предприятии (тезисы)

I. Основным условием правильной постановки хозрасчета в теории и практике является признание неразрывной и непосредственной связи плана, хозрасчета и договора на данном этапе. Хозрасчет как важнейший метод управления хозяйственными организациями во всем общественном секторе является средством осуществления плана, усиления эффективности планирования, ускорения темпов совстроительства и повышения совнакопления во всех отраслях промышленности и, в первую очередь, в тяжелой индустрии. Всякие попытки разрыва диалектической связи между планом и хозрасчет[ом] (а вместе с тем и договором) ведут либо к правооппортунистическим тенденциям снижения темпов под предлогом «реального» проведения хозрасчета в работе госпромпредприятий, либо к левооппортунистической недооценке

хозрасчета и договора и признанию их «лишним формальным дополнением к плану». Взаимозависимость плана, хозрасчета в ленинградских предприятиях и цехах (неудовлетворительная постановка хозрасчета и внутризаводских договоров как результат недостатков заводского планирования; вскрытие и преодоление «узких мест» планирования путем укрепления хозрасчета и внутризаводской договорной дисциплины и т. д.).

II. Новая система кредитования и снабжения промышленного предприятия, последним звеном в развитии которой явилось наделение предприятия собственными оборотными средствами, создала все предпосылки действительного (а не формального) хозрасчета в предприятии как в его взаимоотношениях с объединением (трестом), поставщиками и заказчиками, так и внутри предприятия. «Главкистские пережитки» (так в тексте¹) во взаимоотношениях ряда предприятий с их объединениями, не всегда удовлетворительное планирование объединениями входивших в их состав предприятий, недооценка отдельными объединениями новых условий работы предприятий, отсутствие твердой договорной дисциплины во взаимоотношениях предприятий с их поставщиками и заказчиками нередко приводят, однако, к срыву хозрасчета и в предприятии (в целом), и в отдельных его цехах. Укрепление хозрасчета в отношениях предприятия с объединением, поставщиками и заказчиками является поэтому действительно необходимым условием последовательного проведения хозрасчета внутри предприятия и обратно: проведение хозрасчета в цехах и отделах снабжения и сбыта заводууправления создает новые стимулы к укреплению хозрасчета в отношениях предприятий с объединением, поставщиками и заказчиками.

III. Утв. 12/XI – 1931 г. Положение о цехе правильно разрешило вопрос о необходимости одновременного перевода на хозрасчет цехов и отделов снабжения и сбыта. Обязательный перевод на хозрасчет отделов снабжения и сбыта и заключение ими (а не заводууправлением в целом) договоров с цехами не только дают правильное сочетание системы внутризаводских договоров с принципом единоначалия, что и обеспечивает действительное проведение

¹ Здесь и далее курсивом в скобках даются текстологические примечания.

хозрасчета в цехах, а вместе с тем создают необходимые предпосылки и для укрепления хозрасчета в сбыто-снабженческих отношениях предприятия с его поставщиками и заказчиками. Это необходимо с тем большей решительностью, что до настоящего времени перевод отделов снабжения и сбыта на хозрасчет остается наиболее «уязвимым местом» в практике большинства предприятий.

IV. Единство плана, хозрасчета и договора не устраняет различия в тех методах, при помощи которых проводится план в предприятии и цехе. Новая система сбыта, снабжения и кредитования требует соответствующих изменений в прежней системе «нарядов-заказов», даваемых объединениями предприятий, с перенесением на них обязательств по снабжению предприятия по сдаче им продукции в особые договоры с поставщиками и заказчиками (в том числе со «снабом» и «сбытом» своего объединения). Аналогичных изменений требует и прежняя система цеховых «нарядов-заказов» при переходе цехов на договорные отношения с заводскими отделами снабжения и сбыта. Необходимо отвергнуть поэтому попытки отдельных заводоуправлений подменить четкую систему цеховых договоров, основанных на цеховом «наряде-заказе», «нарядом-заказом» прежнего типа.

V. Проведение плана и хозрасчета внутри предприятия неразрывно связано на данном этапе с неуклонным осуществлением договорной дисциплины как одного из основных средств плановой дисциплины. Предусмотренная Положением о цехе 12/XI-1931 г. система мер обеспечения (санкций) цеховых договоров должна быть конкретизирована каждым предприятием применительно к общим условиям его производства и к специфическим условиям производственной связи между его отдельными цехами. Особое внимание должно быть уделено: 1) максимально быстрому и твердому применению санкций и 2) устранению тех недостатков в планировании и организации производства, которые вскрываются при разрешении договорных конфликтов.

VI. Являясь наряду с встречным планированием одной из основных форм пролетарской демократии, хозрасчет может оказаться вполне эффективным средством осуществления плана лишь при условии широкого вовлечения в дело его проведения рабочих

масс. Партийные и профессиональные организации и депутатские группы должны максимально активизировать свою работу в этом направлении, тесно основывая борьбу за внедрение и укрепление хозрасчета с выполнением остальных условий т. Сталина и неуклонно выявляя перед рабочими массами на конкретном опыте своего предприятия политическое и хозяйственное значение хозрасчета для выполнения гигантской программы последнего года пятилетки, для развертывания наступления социализма по всему фронту, для преодоления многочисленного еще проявления сопротивления классового врага.

VII. Основными мерами по углублению и расширению хозрасчета в предприятиях и цехах, необходимость проведения которых подтверждается практикой ряда ленинградских предприятий, должны быть приняты:

- 1) устранение искривлений в отношениях предприятий с их поставщиками и заказчиками с одной стороны и с объединениями (трестами), в состав которых они входят, с другой;
- 2) устранение недостатков планирования – в особенности своевременная сдача «наряда-заказа» объединением предприятию и самим предприятием цеху;
- 3) последовательное проведение хозрасчета в отделах снабжения и сбыта;
- 4) четкое разграничение между цеховым «нарядом-заказом» и цеховыми договорами и безусловное заключение договоров на каждый квартал;
- 5) гибкий подход к установлению санкций за нарушение цеховых договоров с одной стороны, твердое и максимально быстрое применение этих санкций – с другой;
- 6) правильное сочетание материальных санкций с мерами административного и общественного воздействия;
- 7) обращение в пользу предприятий не менее 75% сверхплановой прибыли (экономии) – с тем, чтобы большая ее часть поступала в распоряжение цехов;
- 8) усиление инструктирующей роли ВСНХ¹ в деле проведения хозрасчета в предприятиях;

¹ ВСНХ – Высший совет народного хозяйства. – *Здесь и далее примеч. ред.*

- 9) правильное распределение функций по переводу отделов заводууправления и цехов на хозрасчет между соответствующими частями общезаводского и цехового аппарата;
- 10) активное вовлечение рабочей общественности предприятий и цехов в дело проведения хозрасчета в цехах и отделах заводууправления;
- 11) активная борьба с тенденцией превращения дела проведения хозрасчета в цехах в «очередную» («временную») кампанию.

1/1 – 1932 г.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 66. Л. 35–38. Машинописная копия.

**Проект договора социалистического соревнования
Института советского строительства и права
Коммунистической академии
и Института советского строительства и права
Ленинградского отделения Коммунистической академии¹**

В целях дальнейшего укрепления своей работы на основе указаний XVII съезда и ЦК партии ИССП КА и ИССП ЛОКА вступают между собою в соцсоревнование.

Последовательно проводя ген[.] линию комм[.] партии во всей своей работе, ведя непримиримую борьбу за чистоту марксо-

¹ Первый вариант проекта договора был составлен в Москве и направлен в Ленинград 3 мая 1934 года с сопроводительным письмом на официальном бланке ИССП на имя зам. директора ИССП ЛОКА [?] Шейндлина, подписанном секретарем месткома ИССП В. Кузятиной. Обсуждение этого проекта в ИССП ЛОКА было назначено на 13 мая 1934 года, на него были приглашены представители ИССП из Москвы (СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 2, 3). В архивном деле отложились несколько машинописных копий проекта договора, в том числе с внесенными поправками (Л. 5–7). Финальное обсуждение и утверждение проекта состоялось в ИССП ЛОКА на производственном совещании 20 июня 1934 года (копия протокола публикуется).

ленинской (*так в тексте*) теории в области учения о государстве и праве, пронизывая эту борьбу воинствующей партийностью и неуклонно повышая качество научно-исследовательской продукции путем укрепления научно-исследовательской и научно-вспомогательной работы на основе исторических указаний тов. Сталина, Институты обязуются:

I. Сосредоточить основное внимание научно-исследовательской и научно-вспомогательной части на разработке проблем укрепления пролетарской диктатуры и усиления революционной роли советского государства и права в борьбе за построение бесклассового социалистического общества, на разработке проблем классовой борьбы в новых условиях и задач укрепления революционной законности, на разработке марксо-ленинского (*так в тексте*) наследства и трудов тов. Сталина в области государства и права, а также на разработке проблем буржуазного государства в условиях перехода ко второму туру революций и войн.

II. Своевременно и в полном объеме на достаточно высоком теоретическом уровне выполнить соответствующие планы научно-исследовательских работ на 1934 год по обеим (*так в тексте*) Институтам, и все внеплановые задания высших партийных и советских органов.

Практиковать широкое обсуждение выпускаемых работ, рецензирование, развернув серьезную борьбу за повышение качества продукции.

а) В целях укрепления руководства и связи с периферией ИССП обязуется в течение 1934 года провести в Ленинграде доклады:

1. Пашуканис [Е. Б.]¹ (сентябрь) – «Укрепление госаппарата и борьбы с бюрократизмом».
2. Вольский [?] – «Город в эпоху империализма».
3. Амфитеатров [Г. Н.] – «Законопроект о договорах».

¹ Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937), с 1927 года – действительный член Комакадемии, затем член ее президиума и вице-президент, а с 1931 года – директор Института советского строительства и права.

4. Гришин [?] – «Функционалка в организации труда и ее теоретические корни»¹.

б) ИС[С]П ЛОКА обязуется обеспечить выступления на сессии ИССП в мае след[.] товарищей: Резунова и Ундревича, а также доклады в Москве т.т. Венедиктова, Резунова, Ундревича, Каревой и обеспечить участие ленинградских т.т. Ошерова, Каревой, Венедиктова, Карташова, Славина, Ундревича, Шейндлина в выполнении плана в ИССП.

Организовать систематический обмен в трех экземплярах выходящей литературы между институтами в Москве и периферии, а также тезисами, решениями дирекций, научных совещаний и т. п.

III. При проведении научно-исследовательских работ использовать первоисточники как русские, так и иностранные, а также иностранную литературу.

IV. Обеспечивая своевременную разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и правительства, оказывать систематическое содействие и помощь в работе – по ИССП – центральным советским органам, местным советам и периферийным научно-исследовательским учреждениям, в частности:

¹ В последующих редакциях проекта этот список был расширен и уточнен:

1. Пашуканис (сентябрь) – «Укрепление госаппарата и борьбы с бюрократизмом» – Минск, Харьков, Ленинград.
2. Аржанов (апрель, май) – «Идеологический аппарат германского фашизма» – Харьков, Тифлис, Баку, Казань.
3. Челябинов (июнь) – «О равенстве (подлежит уточнению)» – Минск, Ленинград.
4. Алымов (июнь) – «Вопросы государства переходного периода» – Харьков, Саратов.
5. Вольский – «Город в эпоху империализма» – Минск, Ленинград.
6. Амфитеатров – «Законопроект о договорах» – Ленинград.
7. Волков (октябрь) – «Преступление и формы классовой борьбы» – Минск.
8. Берман (октябрь) – «Оргвопросы на данном этапе» – Харьков.
9. Булатов (ноябрь) – «Исправление тюрьмой в буржуазной уголовной политике» – Казань. См.: СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 66. Л. 15 об.

Оргкомиссии ЦИК СССР, Орготделу ВЦИК, Отделу национальностей, НКТП, НКЮ¹, Гос. Арбитражу и др. и периферийным научно-исследовательским институтам совстроительства и права. По Ленинграду: Ленсовету, облику², Госарбитражу (*написание различается в оригинале*), учебным институтам права и совстроительства, облпрокуратуре и облсуду³.

V. Укрепить кадры научных сотрудников и работников НВЧ⁴ ИССП путем:

- а) усиления штатного состава политически выдержанными и теоретически подготовленными работниками;
- б) повышения квалификации работников путем создания семинара научных работников на основе икапистской⁵ программы путем систематической проработки материала по общеполитическим и специальным теоретическим вопросам и путем обязательного изучения научными сотрудниками и работниками НВЧ одного иностранного языка;
- в) улучшения материально-бытовых условий основных кадров института;
- г) привлечения к участию в научно-исследовательских работах института слушателей ИКП и вузов и работников-практиков;
- д) максимального использования метода прикрепления молодых научных сотрудников к более квалифицированным работникам институтов;

VI. Развернуть массовую работу институтов, организовав:

- а) массовые популярные доклады, б) циклы лекций для преподавателей и практических работников, в) выпуск популярных брошюр и т. д.

¹ НКТП – Народный комиссариат танковой промышленности СССР; НКЮ – Народный комиссариат юстиции РСФСР (Наркомат юстиции, Наркомюст).

² Облик – областной исполнительный комитет.

³ Облпрокуратура – областная прокуратура; облсуд – областной суд.

⁴ НВЧ – научно-вспомогательная часть.

⁵ ИКП – Института красной профессуры.

VII. Систематически устраивать научные и популярные доклады на актуальные темы:

- а) устраивать общеинститутские доклады не реже 1 раза в 2 месяца по ИССП ЛОКА и 2 раза в месяц по ИССП;
- б) обеспечить тщательную подготовку к сессиям институтов по линии постановки докладов и организации прений на высоком теоретическом уровне.

VIII. Добиться подлинно социалистического отношения к труду, практикуя коллективное обсуждение и взаимопомощь в работе. В частности: установить систематический обмен переводами иностранной литературы, рефератами, стенограммами докладов и др. пособий, содействующих углублению и поднятию качества научной работы. Охватить соцсоревнованием и ударничеством все секции и бригады институтов и добиться поголовного индивидуального охвата ударничеством и социалистическим соревнованием сотрудников.

IX. В целях стимулирования ударничества отмечать периодически работу лучших ударников и премировать их, используя для этого премиальный фонд, научные командировки и т. д., придавая делу премирования широкий общественный характер.

X. Добиться полного осуществления принципов единоначалия во всех звеньях институтов, практикуя живой повседневный учет, контроль и руководство работой. Систематически заслушивать по линии директората и обществ организаций отчеты отдельных секций и отдельных работников.

XI. Добиться активного участия каждого научного сотрудника в журналах своих институтов и в других центральных журналах по специальности.

XII. Систематически проводить проверку договора и к концу года подвести итоги соцсоревнования, придав проверке массовый мобилизующий характер.

ТРЕУГОЛЬНИК ИССП КА
ДИРЕКТОР
СЕКРЕТАРЬ ЯЧЕЙКИ ПРЕДМЕСТКОМА

ТРЕУГОЛЬНИК ИССП ЛОКА
ДИРЕКТОР
СЕКРЕТАРЬ ЯЧЕЙКИ ПРЕДМЕСТКОМА

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 6–6 об., 7–7 об., 8. Машинописная копия (первая редакция проекта).

**Протокол производственного совещания
Института советского строительства и права
Ленинградского отделения Коммунистической академии
от 20 июня 1934 года**

Присутствуют:

Т.т. Ундревич, Шейндлин, Славин, Ошеров, Бихдрикер, Давыдов, Ревунов, Гликин

Повестка дня:

1. Обсуждение плана работы т. Славина «Переделка людей в свете опыта Беломорстроя».
2. Обсуждение и утверждение проекта договора соцсоревнования с ИССП Комакадемии.
3. Разное.

Постановили:

Проект договора принять со следующими изменениями:

1) По п. а § II – постановили: поручить т.т. Ундревичу и Шейндлину выбрать из планов ИССП Комакадемии доклады, которые желательно поставить в Ленинграде.

2) П. б § V – сформулировать т[аким] о[бразом]: «повышение квалификации работников обязательного изучения одного иностранного языка (занятия начать с I/IX)».

3) П. в § V – исключить¹.

4) Включить в договор следующий пункт: «На основные доклады ИССП Комакадемии приглашать работников ЛОКА соответствующей специальности, заблаговременно извещая об этом и снабжая тезисами».

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 4, 5. Машинописная копия.

¹ Этот подпункт в проекте был сформулирован так: «в) Улучшение материально-бытовых условий основных кадров института». СПбФ АРАН. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 7.

**Документы о присуждении А. В. Венедиктову
ученой степени доктора наук**

Заявление А. В. Венедиктова от 11 июня 1935 года

В КОМИССИЮ
ПО ПРИСУЖДЕНИЮ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Представляя:

- 1/ Автобиографию,
 - 2/ перечень научных работ и указатель рецензий на отдельные работы,
 - 3/ отзыв о научных работах, и
 - 4/ отзыв об общественной работе,
- прошу Комиссию присудить мне ученую степень.

Анатолий Васильевич Венедиктов

16 июня 1935 г.
Ленинград, 2
Б. Московская
д. № 8, кв. 51.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 10. Подпись-автограф синими чернилами. ¼ листа.

**Справка об утверждении А. В. Венедиктова
в ученой степени доктора наук
Президиумом Атт[естационной] комиссии
Коммунистической академии 15 сентября 1935 года
(секретно)**

Секретно.
Утвержден в ученой степени д-ра наук
Президиумом Атт[естационной] комиссии КА
15 сентября 1935 г.

Справка.

ВЕНЕДИКТОВ А. В. – год рожд[ения] 1887, беспартийный.

Перечень научных трудов, книг и очерков монограф[ий] характера:

- 1) Слияние акционерных компаний – 1914 г.
- 2) Права учреждения и защита банковской практики СССР – 1925 г.
- 3) Организация железной и угольной промышленности – 1926 г.
- 4) Правовая природа государственных предприятий – 1928 г.
- 5) Хозрасчет предприятия и цеха – 1933 г.
- 6) Хозрасчет цеха и бригады – 1935 г.
- 7) Договорная дисциплина в промышленности – 1935 г. и статьи в журналах.

Имеются положительные отзывы директора ИССП ЛОКА, дир[ектора] Ин-та ЛИИ¹, секр[етаря] парткома Новоселова, Ундревича, предс[едателя] месткома Дембо².

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 11. Без даты, без подписи. Машинопись. ¼ листа.

**Выписка из протокола № 7
пленарного заседания Аттестационной комиссии
президиума Коммунистической Академии
от 3 ноября 1935 года**

Слушали: § 6 – О присвоении т. Венедиктову А. В. ученой степени доктора госуд[арственных] и прав[овых] наук без защиты диссертации.

¹ ЛИИ – Ленинградский индустриальный институт.

² Эти отзывы отложились в том же архивном деле (Л. 13, 14–14 об.). В прилагаемом к заявлению перечне научных трудов А. В. Венедиктова в том числе указаны рецензии на его работы. Так, монографию «Правовая природа государственных предприятий» рецензировали профессор П. И. Стучка (в журнале Комакадемии «Революция права» (1928, № 6)), С. Н. Братусь (в журнале «Книга и революция» (1929, № 15–16)), а также некто А. Б. (в газете «Рабочий суд» (1928, № 21–22)); монографию «Хозрасчет предприятия и цеха» – З. И. Шкундин (в журнале «Организация управления» (1934, № 3)). СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 15–15 об.

Постановили § 6 – Присвоить т. Венедиктову А. В. ученую степень доктора госуд[арственных] и прав[овых] наук без защиты диссертации, учитывая его фундаментальные работы в области сов[етского] строительства и права, в частности, его работу «Договорная дисциплина в промышленности» и ряд других трудов.
Верно: /подпись/

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 12. Рукопись фиолетовыми чернилами. ¼ листа

**Черновик отзыва
директора Ленинградского отделения
Института советского строительства и права
Коммунистической Академии
В. С. Ундревича о работах А. В. Венедиктова**

Отзыв о работах А. В. Венедиктова

Т. ВЕНЕДИКТОВ является высококвалифицированным специалистом, имеющим ряд работ по вопросам хозяйственного права. Необходимо подчеркнуть, что большинство работ т. Венедиктова представляет собой результат самостоятельного научного исследования, основанного на тщательном и добросовестном изучении большого литературного, законодательного и фактического материала – в том числе практики работы социалистической промышленности.

Работы т. Венедиктова до 1928 г. были посвящены вопросам промышленного права и представляли собою научную постановку ряда отдельных вопросов, не выходя, однако, за пределы юридическо-догматических исследований.

Одной из основных работ т. Венедиктова является напечатанная в 1928 г. книга «Правовая природа государственных предприятий», встретившая в свое время весьма положительную ее оценку в печати со стороны работников в ИССП Комакадемии. Представляя собою совершенно самостоятельную разработку темы, эта работа была

построена на противопоставлении двух организационных начал в деятельности трестов: треста как государственного хозоргана и треста как юридического лица гражданского права. Под таким углом зрения автором решалась проблема разграничения организационно-технических и правовых отношений в социалистическом хозяйстве. В разрезе такой теории была дана исчерпывающая правовая характеристика госпредприятий и критика ряда буржуазных теорий. Являясь одной из лучших в тот период работ по этому вопросу, книга т. Венедиктова представляла собою результат ряда методологически неверных положений, связанных с неверным пониманием гражданского права как нейтральной формы в цикле товарооборота. Хотя автор и исходил из единства социалистической собственности, он дал неверную концепцию, так как в основе его работы лежало механистическое противопоставление плана и права. Отсюда следовало ошибочное утверждение, что вне товарооборота нет базы для правовых отношений в социалистическом секторе, ведущее к буржуазному пониманию советского хозяйственного права.

Дальнейшие работы т. Венедиктова пошли по пути преодоления этих методологических ошибок. В этой связи необходимо упомянуть о работе «Хозрасчет предприятия и цеха», дающей много материала для правильного понимания хозрасчета, и особенно – о работе «Хозрасчет цеха и бригады» / Сб. «Социалистическая промышленность и хоз. право. Л., 1935», в которой дан исчерпывающий анализ практики внутризаводского хозрасчета и критика ошибок работы «Правовая природа государственных предприятий».

Наиболее значительной из последних работ т. Венедиктова является недавно вышедшая монография «Договорная дисциплина в промышленности» /Л., 1935/. Представляя собою единственную в современной литературе монографическую разработку этой темы, работа эта основана на исчерпывающем изучении литературного и практического материала и содержит постановку и научно-исследовательскую разработку ряда теоретических и практических актуальных проблем. Четко противопоставляя советский хозяйственный договор буржуазному и критикуя ошибочные теории в этой области (в том числе и свои собственные ошибки), раскрывая

конкретное содержание договора как способа выполнения права и договорной дисциплины как формы революционной законности, т. Венедиктов сосредоточивает свое внимание в этой работе на исследовании проблемы договорных санкций и ответственности за невыполнение договора в социалистическом хозяйстве. В этой работе т. Венедиктов не только обобщает и систематизирует материал по теме, но и поднимает и дает свое разрешение ряду дискуссионных вопросов теории и практики советского договора.

Кроме этих основных работ т. Венедиктов дал также ряд более мелких работ и докладов по организационно-правовым вопросам работы социалистической промышленности, а также по вопросам хозяйственного законодательства в капиталистических странах.

По всем этим основаниям и учитывая, что т. Венедиктов является первым из буржуазии юристом, вставшим на марксистские позиции[,] ИССП (*ИССП вписано фиолетовыми чернилами поверх напечатанного и зачеркнутого «президиум»*) ЛОКА считает необходимым присвоение т. ВЕНЕДИКТОВУ степени доктора государственных наук без защиты диссертации как одному из виднейших научных работников по вопросам хозяйственного права.

Директор ИССП ЛОКА (Ундревич)
(*вписано от руки фиолетовыми чернилами*)

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 14–14 об. Машинопись.

**Письмо А. В. Венедиктова
от 11 декабря 1935 года
председателю президиума Коммунистической Академии,
действительному члену Академии наук СССР
М. А. Савельеву¹**

К делу Венедиктова. 14.XII.35

Подпись (*неразборчиво верху слева синим карандашом*)

11 декабря 1935 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович!

Секретариат Ком. Академии прислал мне выписку из протокола Бюро Президиума от 27/28 ноября о принятии мер к ускорению решения вопроса о присуждении мне ученой степени. После ряда сообщений о состоявшемся уже присуждении мне степени, полученных мною от ленинградских и московских товарищей, эта выписка привела меня в полное недоумение. К сожалению, В. С. Ундревич, к которому я обратился за разъяснениями, не мог сказать мне ничего определенного, заявив лишь, что вопрос о присуждении Ком. Академией докторских степеней без защиты диссертаций вообще остается открытым.

Создавшаяся неопределенность ставит меня в крайне затруднительное положение. Имея за собой 25-летний научный стаж и ряд работ исследовательского характера, я считаю для себя совершенно невозможным оказаться в неоформленном положении после установленного правительством общего («общего» *напечатано с разрядкой*) срока для оформления ученых званий и степеней (1 января). Поэтому я позволяю себе просить Вас в возможно короткий срок окончательно разрешить вопрос о моей степени либо протелеграфировать президиуму ЛОКА или мне лично о необходимости

¹ Савельев Максимилиан Александрович (1884–1939) получил высшее образование на юридическом факультете Московского университета (1902–1903) и в Лейпцигском университете (1907–1910). С 29 марта 1932 года – академик АН СССР по отделению социально-экономических наук, в 1931 году – заместитель председателя президиума Комакадемии, с 1932 года – председатель.

защиты диссертации. В последнем случае я буду просить о постановке на диспут – в один из ближайших же дней и, во всяком случае, до 1 января – моей работы «Договорная дисциплина в промышленности».

С товарищеским приветом А. Венедиктов
(подпись-автограф фиолетовыми чернилами)

Внизу слева:
Ленинград, 2
Б. Московская, 8, кв. 51.

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 21. Машинопись. (Буква «е» во всех словах по тексту вставлена рукой А. В. Венедиктова фиолетовыми чернилами.)

**Выписка из протокола заседания
президиума Академии наук СССР
от 15 июня 1936 года**

**АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

Москва, 49, Большая Калужская ул., № 24

29 июня 1936 года

Выписка из протокола заседания
Президиума Академии Наук СССР
от 15 июня 1936 года.

О присуждении ученой степени доктора наук без защиты
Диссертации Анатолию Васильевичу ВЕНЕДИКТОВУ.

Присвоить Анатолию Васильевичу ВЕНЕДИКТОВУ ученую
степень доктора государственных и правовых наук, без защиты

диссертации, учитывая его фундаментальные работы в области советского строительства, в частности, его работу «Договорная дисциплина в промышленности».

Непременный Секретарь
Академии Наук СССР – П. П. Горбунов

Зав. Секретариатом
Академии Наук СССР – А. Х. Петросян

С подлинным верно: (подпись)

/м.п./

Печать Академии Наук СССР (по кругу: И-т Советского
строит[ельства] и Права. Ленинградское отделение)

В е р н о:
Секретарь ЛО ИГП Ак[адемии] Наук СССР (подпись)

Источник: СПбФ АРАН. Ф. 225. Оп. 4а. Д. 171. Л. 22. Машинопись. Печать ЛО ИССП АН СССР.



*Мемориальная доска А. В. Венедиктову
на здании юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета
(фотография предоставлена
юридическим факультетом
Санкт-Петербургского государственного
университета)*

*Мемориальная экспозиция,
посвященная
А. В. Венедиктову,
в библиотеке юридического
факультета Санкт-
Петербургского
государственного
университета
(фотография предоставлена
юридическим факультетом
Санкт-Петербургского
государственного
университета)*



*А. В. Венедиктов
на научной конференции.
1940-е годы
(из фондов музея
Санкт-Петербургского
государственного
университета)*



*А. В. Венедиктов в учебной
работе. 1950-е годы
(из фондов музея
Санкт-Петербургского
государственного
университета)*



НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ



*Избранные труды Анатолия Васильевича Венедиктова
(фотографии предоставлены юридическим отраслевым отделом
имени Н. Г. Мацневой Научной библиотеки имени М. Горького)*

ИЛЬЯ ПАВЛОВИЧ ТРАЙНИН
(26 декабря 1886 года – 27 июня 1949 года)



Действительный член Академии наук СССР по отделению общественных наук
(с 28 января 1939 года)

Академик И. П. Трайнин в историографии и архивных документах

На основе научной литературы и архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот, представлены ключевые моменты академической карьеры И. П. Трайнина (1886–1949). Его деятельность как ученого и организатора науки до настоящего времени не нашла должного освещения в историко-правовой науке.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Институт права Академии наук СССР, И. П. Трайнин, история науки, Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Nadezda S. Niznik, Natalya V. Dunaeva

Academician I. P. Trainin in historiography and archival documents

On the basis of scientific literature and archival materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the key moments of I. P. Trainin's (1886–1949) academic career are presented. His activities as a scientist and organizer of science haven't found proper coverage in historical and legal science yet.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR, I. P. Trainin, history of science, Extraordinary State Commission

¹ *Нижник Надежда Степановна* – Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

Nadezda S. Niznik – Internal Affairs Ministry of Russia, Saint Petersburg State University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Dr. (Law), Professor.
n.nishnik@bk.ru

Дунаева Наталья Викторовна – Президентская библиотека, главный научный сотрудник отдела экспертизы фонда, доктор юридических наук, доцент.

Natalya V. Dunaeva – Presidential Library, Chief Researcher of the Foundation's Expertise Department, Dr. (Law), Associate Professor.
dunaevanv@prlib.ru

© Н. С. Нижник, Н. В. Дунаева, 2024

for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi invaders and their accomplices and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR.

Деятельность и научное творчество академика И. П. Трайнина до последнего времени не становились предметом научных исследований, хотя его карьера, стартовавшая до 1917 года участием в революционных организациях и продолжившаяся в эмиграции, при советской власти развивалась весьма стремительно, что отвечало характеру эпохальных перемен в обществе как в нашей стране, так и на международной арене.

За год до кончины академика в серии книг «Материалы к биобиблиографии ученых СССР» Академия наук СССР (АН СССР) выпустила небольшую брошюру, где кратко была представлена информация об основных вехах жизни и карьеры И. П. Трайнина, в сжатом виде охарактеризована его научная, общественно-политическая и педагогическая деятельность, собрана библиография его трудов по правовым вопросам (опубликованных в 1919–1948 годах), вопросам искусства и литературы, а также некоторые из опубликованных им газетных статей, общее число которых превышало три сотни¹.

Важный прорыв в историографии научного творчества академика И. П. Трайнина произошел в преддверии 300-летнего юбилея Российской академии наук (РАН) и 100-летия Института государства и права (ИГП) РАН, в котором И. П. Трайнин работал сначала заместителем директора (с 1939 года), затем директором (1942–1947) и где на закате жизни подвергся необоснованной критике в ходе кампании по борьбе с космополитизмом в СССР. В рамках научного проекта ИГП РАН «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век» (руководитель – член-корреспондент РАН А. Н. Савенков)

¹ Илья Павлович Трайнин / вступ. ст. В. П. Кириченко, А. А. Абуляка; сост. библиогр. В. Е. Кузяткина, Ф. М. Либова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия права, вып. 2, далее – Материалы к биобиблиографии).

Перечень работ академика И. П. Трайнина по вопросам права ограничен началом 1948 года. В него не вошли более поздние его статьи, в частности: *Трайнин И. П.* О программе курса советского государства и права (в порядке обсуждения) // Советское государство и право. 1948. № 11. С. 19–30; *Трайнин И. П.* Некоторые выводы для науки права из дискуссии по вопросам биологии // Советское государство и право. 1949. № 2. С. 1–16. – *Здесь и далее примеч. ред.*

выпущена первая монография, посвященная жизненному пути и таким важным аспектам научного наследия советского академика, как международное и государственное право¹.

С учетом указанного поворота в историографии в данной статье представлена информация о некоторых важных моментах академической карьеры И. П. Трайнина как ученого и организатора науки с использованием материалов из личного фонда академика в Архиве РАН.

Деятельности И. П. Трайнина в академических учреждениях, т. е. до 1931 года, предшествовал период, наполненный такими яркими этапами его жизни, как участие в нелегальных партийных организациях и эмиграция, партийно-просветительская работа, в том числе в годы Гражданской войны в Южной группе войск на Восточном фронте², служба в Наркомате по делам национальностей и Наркомате просвещения. В это время И. П. Трайнин проявил себя как лектор-просветитель, преподаватель, журналист, редактор. К концу 1920-х годов он уже был автором десятков статей не только по политико-правовым вопросам³, но и по вопросам, касающимся театра, кино, литературы⁴.

В 1931 году он стал сотрудником Института советского строительства Коммунистической Академии (ИССП Комакадемии), возникшего за два года до этого в результате слияния Института советского строительства и Секции права и государства Комакадемии. В 1930 году решением секретариата ЦИК ССР в состав института был включен Институт права Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Таким образом к началу 1930-х годов ИССП Комакадемии в Москве функционировал как центр развития фундаментальных основ советской юридической науки, проведения теоретических исследований в области советской государственности и социалистической законности. В то же время в институте уделялось

¹ И. П. Трайнин. Мир и право в период краха империй / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков; редакторы-составители: А. И. Александров, Ю. Л. Шульженко, И. Л. Данилевская-Урбанова. М.: ИГП РАН, 2024. Издание содержит не только очерк жизни и обзор основных научных исследований академика, но и ряд переизданных трудов по государственному и международному праву.

² Фотоколлаж с изображением М. В. Фрунзе, В. М. Куйбышева, Д. А. Фурманова, В. И. Чапаева, И. П. Трайнина и др. см. на с. 200 наст. изд.

³ См., например: Материалы к биобиблиографии. С. 15–18.

⁴ Там же. С. 32–35.

особое внимание и вопросам международного права, противодействия нарастающей в Европе угрозе фашизма¹.

В апреле 1935 года И. П. Трайнин без защиты диссертации был удостоен Президиумом Комакадемии ученого звания доктора наук². Таким образом были отмечены его заслуги в научной разработке актуальных вопросов государственного права и правоведения³.

В 1936 году на основании Постановления Президиума АН СССР от 5 октября 1936 года ИССП Комакадемии перешел в ведение АН СССР и был реорганизован в Институт государственного права АН СССР, а в марте 1938 года был переименован в Институт права (ИП) АН СССР в связи с необходимостью сконцентрировать внимание ученых на правовых вопросах.

Переименование института стало не просто формальным мероприятием, за ним стоял методологический поворот в развитии правовой науки. 16 июля 1938 года на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства была подвергнута критике деятельность ряда юридических научных учреждений во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов, в том числе и Института государственного права. Были объявлены не просто ошибочными, но и вредительскими некоторые концепции «отмирания права и государства», «выветривания» права, советского права как «права без справедливости» и пр., получившие распространение в 1920-е годы и построенные

¹ См., например: *Трайнин И. П.* Бесправие и произвол в фашистской Германии. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935 (переиздано в кн.: *И. П. Трайнин.* Мир и право в период краха империй... С. 26–63); то же на украинском языке.

² Выписка из протокола заседания аттестационной комиссии о присвоении И. П. Трайнину ученого звания доктора наук без защиты диссертации и вырезка из газеты «Правда» (см. на с. 201 наст. изд.). Тексты и копии всех документов, представленных в настоящей статье, – публикации авторов статьи.

³ Отметим лишь ряд книг И. П. Трайнина, выпущенных Партиздатом в 1932–1935 годах: *Империализм на Дальнем Востоке и СССР.* М., 1932; *Национальный вопрос за рубежом и в СССР.* М., 1932; *Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы.* М., 1933. В эти же годы были опубликованы десятки научных статей И. П. Трайнина в журналах «Советское государство и революция права» (так назывался в 1930–1931 годах издающийся по настоящее время авторитетный научный журнал «Государство и право»), «Советское государство» (название того же журнала в 1932–1938 годах), «Революция и национальности», «Партработник», «Новый мир», «Власть Советов», «На аграрном фронте», «Спутник мопровца» (печ. орган ЦК Международной организации помощи борцам революции; выходил в 1922–1933 годах) и др. См.: *Материалы к библиографии.* С. 18–20.

на вульгаризации марксизма. По замечанию А. Я. Вышинского, директора академического института в 1937–1941 годах, «весь этот бред не мог не ударить самым чувствительным образом и по практической работе органов юстиции в целом»¹.

Совещание подтвердило тезис о существовании социалистического права и одобрило новое общее определение права, которое впоследствии надолго утвердилось в советском теоретическом правоведении: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»².

В этих условиях перед ИП АН СССР были поставлены новые задачи, повлекшие изменения и в его руководстве: в 1939 году на должность заместителя директора был назначен И. П. Трайнин. В том же году он, как и директор института А. Я. Вышинский³, был избран в действительные члены АН СССР по отделению общественных наук⁴.

В годы Великой Отечественной войны И. П. Трайнин не только продолжал исследования по антифашистской тематике и вопросам военного противодействия агрессорам, но и руководил институтом, многие сотрудники которого были призваны в армию, ушли добровольцами в ополчение или находились в эвакуации в Ташкенте (до 1943 года).

В это время И. П. Трайнин много внимания уделял работе в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию

¹ *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права // Вопросы теории государства и права. М. Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. С. 83. Цит. по: сайт ИГП РАН; см. также издание материалов совещания: Основные задачи науки советского социалистического права. М.: Юриздат, 1938.

² См.: *Голунский С., Строгович М.* Теория государства и права. М., 1940. Цит. по: сайт ИГП РАН. URL: http://igpran.ru/about/history_of_the_institute/index.php#_18 (дата обращения: 27.11.2024).

³ А. Я. Вышинский с мая 1939 года по август 1944 года занимал пост заместителя председателя СНК СССР и курировал не только правоохранительные органы (Верховный Суд СССР, Прокуратуру СССР, наркоматы внутренних дел и юстиции), но и сферы культуры и образования.

⁴ Выписка из протокола об избрании И. П. Трайнина действит. членом АН СССР; Диплом академика И. П. Трайнина по отделению общественных наук АН СССР см. на с. 202 наст. изд.

злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – Комиссия)¹. Эта работа была связана в том числе с установлением конкретных фактов и свидетельств преступлений нацистов на территории СССР, требующим поездок по местам, освобожденным от фашистской оккупации². Собранные во время таких поездок документы, рассказы очевидцев, фотоматериалы обобщались в актах, подписанных уполномоченными членами Комиссии, а также использовались в выступлениях членов Комиссии в различных организациях в тылу и на фронте. Так, академик И. П. Трайнин на Общем собрании АН СССР, проходившем 25–30 сентября 1943 года, представил развернутый доклад «Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, нанесенный агрессией»³, а 12 октября 1943 года – в Колонном зале Дома Союзов в Москве выступил с публичной лекцией «Гитлеровский военный рабочий и законы войны»⁴.

В 1944 году в Москве были изданы документы, свидетельствующие о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии.

¹ Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР – государственный орган, образованный указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. Собранные им материалы использовались в качестве доказательств со стороны обвинения не только в Нюрнберге, но и в судебных процессах над военными преступниками, проходивших на освобожденной территории СССР, начиная с 1943 года в Харькове и Краснодаре, в 1945–1946 годах в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках и др.; См. также: Заметка И. П. Трайнина о функциях и составе Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Машинопись. АРАН. Ф. 586. Оп. 3. Д. 59; Записка И. П. Трайнина «Примерная схема и перечень для классификации материалов о преступлениях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в войне». Б/д. 8 л. // АРАН. Ф. 586. Оп. 3. Д. 58.

² Мандаты Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР см. на с. 204–205 наст. изд.

³ Опубликовано в кн.: Общее собрание АН СССР, 25–30 сентября 1943 года. М.; Л.: АН СССР, 1944. С. 163–182.

⁴ См.: Материалы к биобиблиографии. С. 26.

В сборник документов вошла статья И. П. Трайнина «Советский народ не забудет и не простит фашистских злодеяний»¹.

Документально оформленные материалы, собранные Комиссией, впоследствии предъявлялись судившему нацистов за преступления против человечности Международному военному трибуналу в Нюрнберге. Так, например, на акт, подписанный академиком И. П. Трайниным, в одной из своих речей на заседании трибунала ссылался Л. Н. Смирнов – помощник главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, когда слушался вопрос о преступлениях нацистов против мирного населения (заседания 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 года). В частности, был оглашен обширный фрагмент Акта Комиссии Дзержинского районного совета города Сталинграда, который значился как «документ под номером СССР-63» в перечне доказательств со стороны обвинения. Л. Н. Смирнов подчеркнул: «...достоверность сообщаемых в нем сведений была подтверждена. Свидетельство этому вы найдете в Акте Чрезвычайной Государственной Комиссии за подписью члена Комиссии академика Трайнина и других лиц. Я цитирую акт...»².

Накануне и в годы Великой Отечественной войны публикационная активность академика И. П. Трайнина была высока. Под его редакцией в 1940 году были изданы сборник документов «Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936)», указатель «Сталинская Конституция. Указатель литературы 1937–1940», книги «Государство и коммунизм»³, «Местные органы государственной власти в СССР

¹ Лагери смерти. Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. М.: Госполитиздат, 1944. С. 72–74.

² См.: Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 8 т. М.: Юридическая литература, 1987–1999. Т. 5. С. 128–129.

В именном указателе к 8-томному изданию академик И. П. Трайнин не упомянут, а страница 128 пятого тома поставлена в ряд ссылок к персоне «Трайнин А. Н.». По-видимому, это произошло из-за того, что в стенограмме на странице 128 пятого тома академик Трайнин был упомянут без инициалов.

Трайнин Арон Наумович (1883–1957) – профессор уголовного права МГУ, впоследствии член-корреспондент АН СССР, в годы войны написал монографию «Уголовная ответственность гитлеровцев» (под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юридиздат, 1944), был представителем СССР в Лондонской комиссии по разработке устава Нюрнбергского международного уголовного трибунала, а также консультантом советского обвинения на Нюрнбергском процессе.

³ См. переиздание в кн.: *Трайнин И. П.* Мир и право в период краха империй... С. 64–112.

и „самоуправление“ в капиталистических странах», «Советское социалистическое многонациональное государство» (то же на еврейском языке: М., 1941), «Национального и социальное освобождение на Западна Украина и Западна Белоруссия» (Киев, 1940; на болгарском языке), «Механизм немецко-фашистской диктатуры» (Ташкент, 1942)¹, «Глумление фашистской Германии над международным правом» (Ташкент, 1942), «Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности» (М., 1943), «Советская демократия в Великой Отечественной войне» (М., 1945), «Великое содружество народов СССР» (М., 1945; 2-е изд. 1946). Также были опубликованы десятки статей, подготовлено множество выступлений и лекций.

В послевоенное время в связи с глобальными изменениями в Европе и мире в целом в академической науке возросло внимание к исследованиям сущности, типов и форм демократии не только в ракурсе противостояния социалистической и капиталистической моделей общественного устройства (в этих аспектах проблемы демократии разрабатывались и в довоенный период), но и в контексте создания единого антифашистского фронта, прежде всего с участием государств, освобожденных по итогам Второй мировой войны от порабощения и обновлявших свое политическое устройство. Научная полемика затрагивала многие смежные вопросы государственоведения и правоведения.

И. П. Трайнин активно откликался на вызовы послевоенной эпохи. В 1945–1948 годах им были опубликованы труды по проблемам государственного суверенитета, организации территории государства, избирательного права, регулированию национальных отношений при социализме и капитализме, международно-правовым вопросам, состоялись его выступления на многих научных конференциях². В 1947 году вышла в свет одна из самых крупных его монографий, посвященная истории Австро-Венгерской империи³, а также две обширные статьи по вопросам общественно-политического устройства стран «народной

¹ Трайнин И. П. Мир и право в период краха империй... С. 113–260.

² Письмо и телеграмму декана юридического факультета ЛГУ А. В. Венедиктова И. П. Трайнину см. на с. 206 наст. изд.

³ Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.; Л.: АН СССР, 1947 (переиздание в кн.: Трайнин И. П. Мир и право в период краха империй... С. 263–471).

демократии» (статьи публиковались «в порядке обсуждения» как приглашение к дискуссии)¹.

Эти статьи вышли в свет в канун развернувшейся в СССР в 1948–1953 годах массовой политической кампании, проводившейся под лозунгами борьбы с космополитизмом, антипатриотизмом и «низкопоклонством перед Западом». Эта кампания затронула многие советские учреждения, в том числе и академические. Ряд сотрудников ИП АН СССР подвергся необоснованной критике. Характер предъявляемых им обвинений выходил за рамки этики научной дискуссии. Не избежал осуждения и академик И. П. Трайнин. На расширенном заседании Ученого совета ИП АН СССР (присутствовало более 200 ученых-юристов), проходившем 11–12 марта 1949 года, его имя не раз было упомянуто в основном докладе доктора юридических наук профессора Н. Д. Казанцева на тему «Борьба с буржуазным космополитизмом в советской юридической науке», а также в выступлениях других участников заседания.

В официальной стенограмме этого заседания, опубликованной в главном научном юридическом журнале², не содержится указаний на выступление в прениях самого академика И. П. Трайнина (возможно, это было сделано не без его решения как заместителя главного редактора журнала), но он готовился к выступлению, что подтверждается материалами, сохранившимися в личном фонде И. П. Трайнина в Архиве РАН³.

В заключение отметим, что для современных исследователей научное наследие и общественно-политическая деятельность академика И. П. Трайнина представляют несомненный интерес, а многие его идеи и положения научных работ сохраняют актуальность и в настоящее время. Дальнейшее изучение его трудов, а также последовательное

¹ Трайнин И. П. Демократия особого типа // Советское государство и право. 1947. № 1. С. 1–15; № 3. С. 1–14. См. также: Светлов Н. Народная демократия: происхождение идеи и ее реализация // Актуальные проблемы истории России (Материалы научной конференции РУСО, 12 окт. 2019 года). М.: АИРО-XXI, 2020. С. 187–206.

² Борьба с космополитизмом в советской юридической литературе (Заседание Ученого Совета) // Советское государство и право. 1949. № 4. С. 40–46.

³ Выступление И. П. Трайнина на ученом совете ИП АН СССР в связи с обвинением в неправильном толковании марксистско-ленинской теории в статьях о демократии особого типа. 1949. 25 л. // АРАН. Ф. 586. Оп. 3. Д. 14.

введение в научный оборот новых архивных материалов и малоизученных документов, связанных не только с его именем, но и с современным ему академическим окружением, внесет важный вклад в создание объективной объемной картины развития правовой науки в советский период ее истории.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба с космополитизмом в советской юридической литературе (Заседание Ученого Совета) // Советское государство и право. 1949. № 4. С. 40–46.

Илья Павлович Трайнин / вступ. ст. В. П. Кириченко, А. А. Абуляка; сост. Библиогр. В. Е. Кузятина, Ф. М. Либова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия права, вып. 2). 40 с.

Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1987–1999.

Основные задачи науки советского социалистического права. М.: Юриздат, 1938. 192 с.

Светлов Н. Народная демократия: происхождение идеи и ее реализация // Актуальные проблемы истории России (Материалы научной конференции РУСО, 12 окт. 2019 года). М.: АИРО-XXI, 2020. С. 187–206.



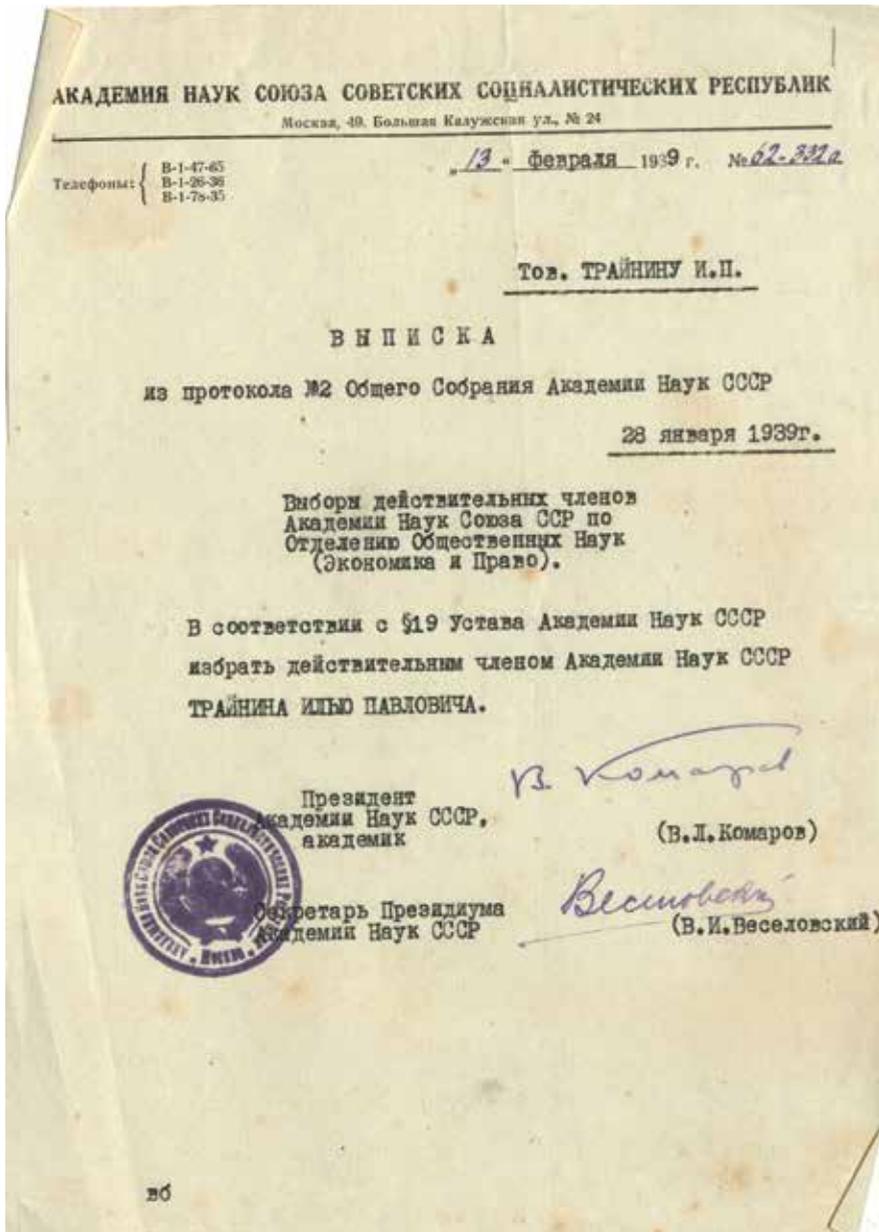
Фотоколлаж: М. В. Фрунзе, В. М. Куйбышев, Д. А. Фурманов, В. И. Чапаев,
И. П. Трайнин и др. (1920)

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 47. Фотоколлаж.



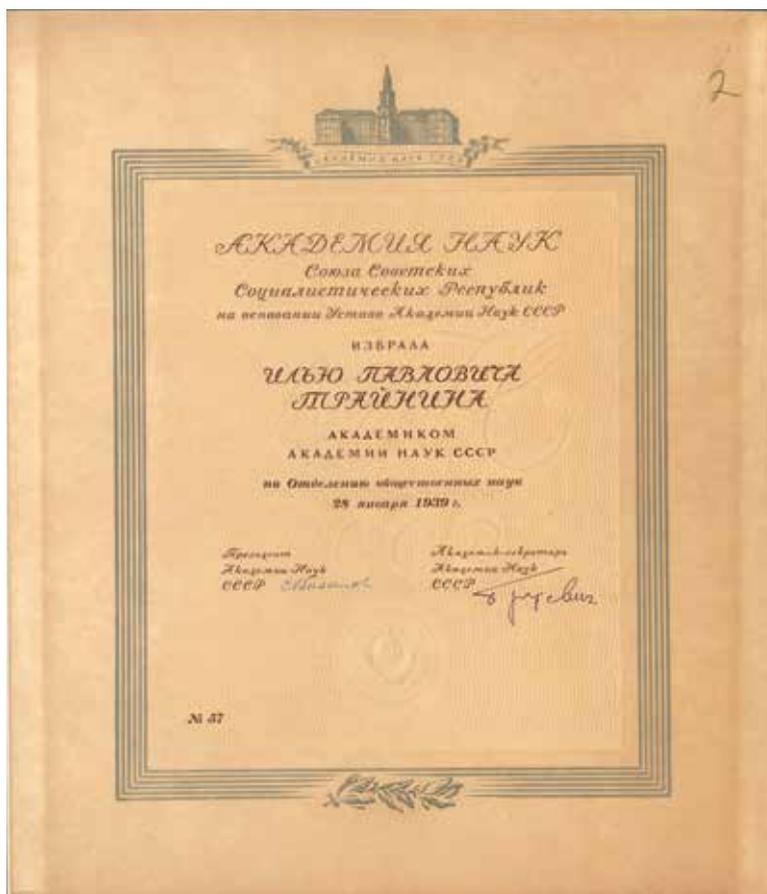
Выписка из протокола заседания Аттестационной комиссии Комкадемии о присвоении И. П. Трайнину ученого звания доктора государственных и правовых наук без защиты диссертации от 26 апреля 1936 года и вырезка из газеты «Правда» от 12 мая 1935 года

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 7.



Выписка из протокола об избрании И. П. Трайнина
действительным членом Академии наук СССР
от 28 января 1939 года

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 12.



Диплом академика И. П. Трайнина
по отделению общественных наук
Академии наук СССР

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 13.

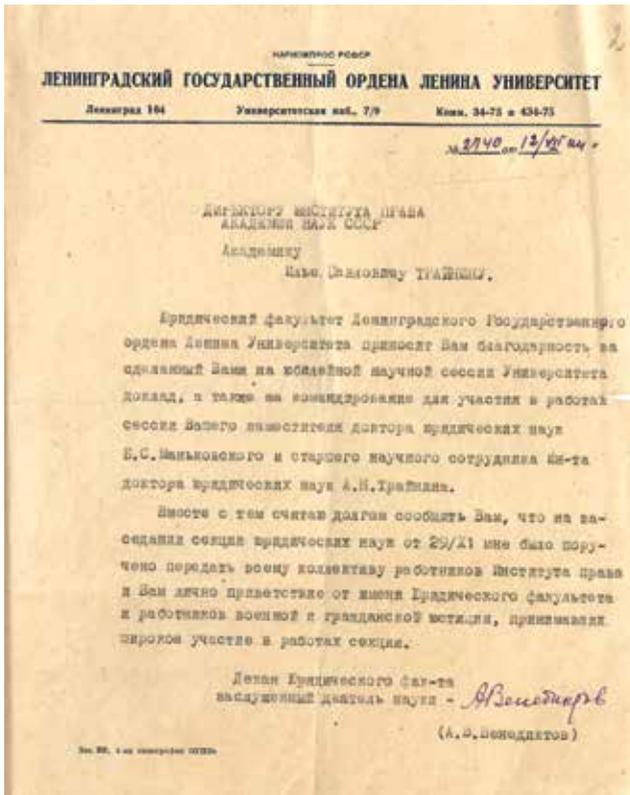




На развороте: мандаты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, выданные академику И. П. Трайнину с 13 июня 1943 года по 2 декабря 1944 года

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 3. Д. 55. Л. 1–6.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ



Письмо от 12 декабря 1944 года и телеграмма от 13 ноября 1945 года
декана юридического факультета Ленинградского государственного
университета А. В. Венедиктова академику И. П. Трайнину

Источник: АРАН. Ф. 586. Оп. 4. Д. 5. Машинопись.

**Борьба с космополитизмом
в советской юридической литературе
(Заседание Ученого совета
[Института права Академии наук СССР.
Стенографический отчет])¹**

В течение 11–12 марта 1949 г. происходило расширенное заседание Ученого совета Института права АН СССР, на котором присутствовало более двухсот работников правового фронта. На повестке дня стоял доклад доктора юридических наук профессора Н. Д. Казанцева на тему «Борьба с буржуазным космополитизмом в советской юридической науке».

Открывая заседание Ученого совета, директор Института чл.-корр. АН СССР Е. А. Коровин дал общую характеристику сущности буржуазного космополитизма на идеологическом фронте вообще и на правовом фронте в особенности. Именно в области советского права, сказал он, буржуазный космополитизм, даже в единичных его проявлениях у отдельных авторов, представляет особенно опасное явление, поскольку наше право по самой своей природе призвано воспитывать у граждан СССР чувство советского патриотизма, чувство глубокой преданности Родине.

Е. А. Коровин вскрыл лженаучность буржуазного космополитизма, в корне противоречащего марксистско-ленинскому научному мировоззрению и подлинному интернационализму. Давая политическую характеристику буржуазному космополитизму, т. Коровин квалифицировал его как идеологическое оружие в руках ведущей силы мировой реакции – англо-американского империализма, пытающегося при помощи этого оружия разлить национальное самосознание свободлюбивых народов, ликвидировать их суверенитет под разными вывесками всемирного правительства, всемирного парламента, всемирного языка, под которым, конечно, им понимается английский язык, превратить свободные народы

¹ Опубликовано в кн.: Общее собрание АН СССР, 25–30 сентября 1943 года. М.; Л.: АН СССР, 1944. С. 163–182.

в безгласных слуг современных претендентов на мировое господство. Именно это вызывает необходимость самой беспощадной борьбы с космополитизмом и другими проявлениями буржуазной идеологии на фронте науки права, ибо это – борьба за нашу Советскую Родину, за ее безопасность, за ее мощь, борьба за коммунизм, за светлое будущее народов нашей Родины и всего человечества.

Профессор Н. Д. Казанцев сделал развернутый доклад на указанную тему. После исторического постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране», сказал он, в юридической науке наметились заметные сдвиги. Вышло из печати несколько работ, удостоенных Сталинской премии. Однако в Институте права по исполнению указаний названного постановления ЦК ВКП(б) сделано далеко не все. Более того, у отдельных представителей советской юридической науки имеются совершенно недопустимые ошибки и извращения, в которых сказывается проявление буржуазного космополитизма. Из различных форм, в которых проявляется космополитизм в юридической науке, можно отметить:

- 1) низкопоклонство перед буржуазной наукой,
- 2) игнорирование советской юридической литературы,
- 3) попытки игнорирования роли русского народа при освещении вопросов советского многонационального государства.

На ряде конкретных примеров были показаны научная несостоятельность отдельных изданных Институтом права работ и приверженность их авторов к буржуазному космополитизму. Докладчик подверг резкой критике работы М. С. Строговича «Уголовный процесс» – учебник для юридических вузов (1946) и «Учение о материальной истине в уголовном процессе» (1947).

В работах Энгельса была вскрыта настоящая природа английского суда как суда буржуазного, эксплуататорского. Энгельс указывал, что английский суд «есть завершение юридической лжи и безнравственности», показал на конкретном материале, что применение закона в английском суде к неимущим еще более бесчеловечно, чем сам закон.

Казалось, М. С. Строговичу в своих работах нужно было бы обратиться к соответствующим трудам Энгельса, взять даваемую им оценку классового характера политической сущности английской судебной системы. М. С. Строгович же в «Уголовном процессе» повествует об английском суде совсем иначе: «Система английского уголовного процесса, – пишет он, – наиболее демократичная из всех процессуальных систем: гласность и состязательность на всех стадиях процесса, равноправие сторон – обвинения и защиты – проведены в английском уголовном процессе очень полно и последовательно».

Такого же рода извращения имеются и в книге «Учение о материальной истине в уголовном процессе», где проф. Строгович дает явно ошибочную характеристику английской псевдодемократии.

Серьезные извращения содержатся и в макете учебника «Теория государства и права», подготовленного коллективом авторов Института права АН СССР под редакцией М. А. Аржанова. Этот макет является иллюстрацией проявления космополитизма в советской юридической науке. В нем не уделено должного внимания вопросу происхождения русского государства, в нем обойдено сталинское положение о роли русского народа, которую он сыграл в деле разгрома гитлеровской Германии. Авторы макета пренебрежительно отнеслись к использованию обширной советской юридической литературы, на которой воспитываются сотни тысяч советских людей, литературы передовой, являющейся разящим орудием в борьбе Советского государства с реакционными силами империализма. Зато они угоднически, без достаточно серьезной и острой критики «внедряют» в советский учебник буржуазных авторов. Эти недостатки были вскрыты на Всесоюзном совещании в мае 1948 г. Казалось бы, М. А. Аржанов как редактор учебника первым должен был сделать отсюда необходимые выводы. Но он их не сделал.

Выступив в журнале «Советское государство и право» (№ 8 за 1948 г.) со статьей «Об очередных задачах в области теории государства и права», посвященной итогам дискуссии по учебникам теории государства и права, М. А. Аржанов не указал основного – чем должна в настоящее время заниматься наука советского права, а ограничился общими фразами об отставании науки теории

права, причем причин этого отставания не вскрыл. Дело в том, что корни этого отставания уходят в почву космополитического отношения некоторых советских ученых к замечательному наследию русской науки и к славным традициям великого русского народа. Именно это обстоятельство и привело к тому, что указанные ошибки макета не были устранены при его переработке.

Потребовалось специальное решение Ученого совета Института права, обязывающее М. А. Аржанова сосредоточить внимание на критике основных представителей буржуазной юридической науки. Лишь после решения Ученого совета М. А. Аржанов включил в учебник сталинское положение о роли русского народа в Великой Отечественной войне и частично использовал в учебнике советскую юридическую литературу.

Игнорирование и недооценка роли русского народа имеются также в учебнике «Основы советского государства и права», изданном Институтом права АН СССР в 1947 г. под редакцией И. Д. Левина и А. В. Карасса, и в учебнике «Советское государственное право», изданном в 1948 г. и составленном авторским коллективом под руководством академика И. П. Трайнина и проф. И. Д. Левина.

Так, в учебнике «Основы советского государства и права» в параграфе «Советский федерализм и национальный вопрос» главы IX, автором которой является И. Д. Левин, нет даже упоминания о русском народе.

Надо обладать изрядным политическим недомыслием, чтобы замалчивать в главах, посвященных многонациональному Советскому государству, сталинскую оценку роли русского народа в деле разгрома гитлеровской Германии.

В докладе, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин, указав на людоедскую программу гитлеровцев, говорил: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»

Почему же на страницах юридических учебников, в разделах, относящихся к многонациональному Советскому государству, для этой действительно великой нации не находится места? Этот вопрос, сказал Н. Д. Казанцев, я ставлю авторам в упор и очень прошу их сказать открыто, как и почему они дошли до жизни такой, кто и почему вдохновлял это дело, какими идейными соками выкармливалось это направление и какие цели при этом преследовались, кому это выгодно и почему.

Много вредной путаницы, указал Н. Д. Казанцев, внесено в несколько изданных Институтом права АН СССР книг по вопросу о суверенитете.

Так, в книге С. Я. Ошерова «Союзная республика в социалистической федерации», подписанной к печати в марте 1948 г., автор так определяет понятие суверенитета: «Под суверенитетом государства обычно понимают верховенство самого государства, юридическую и фактическую способность самостоятельного осуществления им высшей государственной власти, не ограниченной какой-либо другой властью внутри страны и независимой во внешних сношениях». Совершенно очевидно, что такое определение суверенитета С. Я. Ошеровым вполне приемлемо для англо-американских империалистов. Это определение Ошеров списал у И. Д. Левина.

В макете учебника «Теория государства и права» определение суверенитета по существу не отличается от определения С. Я. Ошерова, оно так же неправильно, ненаучно и объективно оправдывает стремление крупных англо-американских хищников проглотить мелкие суверенные государства.

Далее проф. Казанцев остановился на проявлениях буржуазного космополитизма в работах проф. М. Л. Шифмана. Так, проф. Шифман в работе «Защита по уголовным делам», изданной в 1948 г., явно принижает роль русского политического мыслителя и революционера А. Н. Радищева, протаскивая мысль о влиянии на него криминалиста Беккариа. В работах проф. Шифмана имеются и другие серьезные извращения такого же характера.

Особое внимание проф. Казанцев уделил политической ошибке, которая имела место в секторе государственного права Института права АН СССР и связана с вопросом о системе курса советского государства и права.

Сектор принял построение системы курса не в соответствии с системой Сталинской Конституции.

Тов. Казанцев привел данное товарищем Сталиным определение значения Конституции СССР как итога борьбы народов СССР, итога их побед на фронте освобождения человечества и подчеркнул политическую недопустимость самой постановки вопроса в том виде, как было принято сектором по предложению акад. Трайнина.

В заключение доклада Н. Д. Казанцев выразил уверенность в том, что представители подлинно советской науки права вместе со всем советским народом под водительством Ленина – Сталина, под руководством великого Сталина разгромят до конца буржуазный космополитизм и дадут стране произведения, достойные Сталинской эпохи.

В развернувшихся оживленных прениях выступили 22 человека. В подавляющем большинстве выступавшие подвергли резкой большевистской критике ошибки некоторых работников права. М. А. Аржанов, И. Д. Левин, С. Я. Ошеров и др., присутствовавшие на заседании Совета, пытались оправдать свои ошибки разного рода разглагольствованиями о субъективных и объективных ошибках, либо сводя эти попытки к чисто формальному покаянию, как И. Д. Левин, либо отводя политическую ответственность за свою «работу» отвлеченным толкованием космополитизма как явления, связанного с неизжитым формализмом в правовой науке, как М. А. Аржанов.

Кандидат юридических наук К. А. Багинян подверг резкой критике вышедшую в 1948 г. работу И. Д. Левина «Суверенитет».

И. Д. Левин не удосужился не только подробно рассказать читателю о сущности ленинско-сталинского учения о войнах справедливых и несправедливых, но даже хотя бы указать соответствующие труды и высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина, зато он подробно пережевывает гнилые, лженаучные концепции буржуазных «ученых» типа Кельзена, популяризируя множество мест из работ этого лжеученого, верноподданного служителя Сити и Уолл-Стрита. Тов. Багинян указал, что вся концепция книги «Суверенитет» в основе своей ненаучна и порочна.

Нам кажется, сказал т. Багинян, что вывод сам по себе ясен. Левинское определение суверенитета не отображает жизненной правды, но зато оно выгодно и удобно агентуре англо-американского империализма.

Тов. Багинян указал также на ряд ложных ненаучных положений в названной книге Левина. На стр. 127 автор пишет: «Суверенитет – не вечен, он возник значительно позже самого государства и, может быть, исчезнет еще до того, как отомрет само государство». Это глубоко антинаучное, вредное суждение, так как оно отвлекает от борьбы за суверенитет как неотъемлемый атрибут государства и тем самым помогает реакционным элементам обосновывать «правомерность» их грабительских действий по захвату чужих земель, их претензии на мировую гегемонию.

Проф. И. Д. Левин впадает также в ошибку, говоря на стр. 129 об организации вооруженных сил Объединенных Наций: «дело в характере принуждения, а не в его исполнителе и носителе». Известно, что англо-американские империалисты стремятся в империалистических целях сконцентрировать в своих руках основные силы ООН – наземные, военно-морские, воздушные.

Канд. юрид. наук Г. П. Задорожный отметил антисоветскую сущность космополитизма, представляющего собой реакционную идеологию, направленную на отказ от национальных традиций не только в области культуры, но и в области науки, в области государственности. Тов. Задорожный остановился на общей характеристике реакционной деятельности буржуазных космополитов за границей, направленной на опорочивание Советского государства, основ его государственности, на дискредитацию национальной культуры народов Советского Союза и, прежде всего, культуры великого русского народа.

Тов. Задорожный отметил, что Институт права АН СССР до сего времени не издал ни одной серьезной монографии, посвященной проблемам прошлого великого русского народа. Академик И. П. Трайнин и чл.-корр. АН СССР М. А. Аржанов, которые в течение многих лет обещали восполнить этот пробел, так и не выполнили этого обещания.

Борьба с космополитизмом, сказал канд. юрид. наук Радьков, есть борьба за честь нашего Советского государства, борьба за безопасность нашего Советского отечества. Квалифицируя проявления космополитизма как одну из форм борьбы на фронте идеологии, т. Радьков подверг серьезной критике выступление чл.-корр. АН СССР М. А. Аржанова. М. А. Аржанов, сказал он, пытается искать причины космополитизма в формализме, указывает, что в совершаемых космополитических ошибках допускается лишь якобы политическая неграмотность, что они представляют собой лишь формалистические ошибки. Причина проявления космополитизма, однако, не в этом, а в том, что отдельные наши ученые забывают требования партии об укреплении советского патриотизма.

Тов. Радьков подверг далее критическому анализу ряд выступлений в печати докт. юрид. наук М. Шифмана. Так, в статье «Предание суду должно стать функцией органов прокуратуры», опубликованной в № 10 журнала «Социалистическая законность» за 1946 год, М. Л. Шифман писал: «Существующие в различных странах формы предания суду могут быть сведены к трем основным системам»: судебной-ревизионной, обвинительной и смешанной, действующим в Англии, Франции, Шотландии, Австрии и Венгрии. Таким образом, М. Шифман относит социалистический институт предания суду к буржуазной правовой системе.

С острой критикой работы проф. И. Д. Левина «Суверенитет» выступил научный сотрудник Института права Е. П. Мелешко. Положив в основу своего выступления речь А. А. Жданова на философской дискуссии, т. Мелешко указал, что к авторам наших юридических учебников и монографий должны быть предъявлены требования основывать свои работы на фундаменте диалектического и исторического материализма, излагать их не схоластически, а творчески, действенно, связывая с задачами современности ясным, точным и убедительным стилем, исходя из великого учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, намечать перспективы дальнейшего развития нашего государства. Именно этим условиям и не соответствует книга И. Д. Левина «Суверенитет». Профессору Левину были предъявлены вполне конкретные обвинения

в лженаучности, аполитичности и вредности его книги «Суверенитет». Однако вместо того, чтобы признать ошибки своей книги в научно-дискуссионном порядке, он сделал попытку либо оправдываться, либо «обосновывать» ложные положения, содержащиеся в его книге.

Канд. юрид. наук А. А. Карп, характеризуя буржуазный космополитизм как враждебную нам идеологию реакционных элементов капиталистического общества, остро поставил вопрос о необходимости решительной борьбы с буржуазными пережитками в сознании людей. Тов. Карп остановился на конкретных проявлениях космополитизма в работах некоторых научных работников Института права АН СССР (М. А. Аржанова, И. П. Трайнина, М. С. Строговича).

Доктор юрид. наук И. С. Перетерский указал как на одну из форм космополитизма на проникновение в нашу литературу буржуазных влияний. Эти влияния проявляются, в частности, в том, что авторы приводят те или иные буржуазные установки без указания их происхождения, в результате чего такие установки принимают вид наших советских положений. Тем самым смазывается противоположность социалистического и эксплуататорского права, игнорируется самобытный характер советского права, а это ведет к идейному разоружению и ослаблению наших правовых позиций. Эти буржуазные влияния и порождают космополитизм в праве.

И. С. Перетерский отметил утонченность форм проникновения в советскую правовую науку буржуазного космополитического влияния, что требует большой и глубокой борьбы советских ученых за чистоту социалистической науки права. Происходящее обсуждение представляет собой плодотворное дело, потому что оно обостряет нашу бдительность, заставляет каждого из нас лишний раз посмотреть на свои и чужие работы.

Обсуждение вопроса о космополитизме в советской науке права – не эпизодическое явление и не кампания, не обычная итоговая дискуссия, а только начало большого и сложного дела, принять участие в котором обязан каждый из нас.

Я считаю, сказал т. Перетерский, что происходящее обсуждение ставит огромную задачу перед каждым из нас в отношении всей дальнейшей работы, что происходящий обмен мнений даст нам новый импульс в творческой работе.

Тов. Перетерский остановился затем на состоянии науки советского гражданского права. Бесспорно, теория советского гражданского права сделала за 30 лет своего существования очень много. Впервые в мире выработана доктрина социалистического гражданского права, совершенно по-новому поставлен ряд вопросов, показана наглядно и конкретно зависимость права от экономического базиса, и в этом отношении осуществлено одно из важнейших указаний Маркса. Вместе с тем показана творческая революционная, созидательная роль советского гражданского права.

Но было бы ошибочным успокаивать себя этим. Буржуазные влияния в области советского гражданского права еще велики и имеют определенную силу. Поэтому нам надо затратить много труда, чтобы ликвидировать основания космополитизма, корень которых находится в неумении отдельных советских ученых видеть полную противоположность двух антагонистических систем права – права социалистического и буржуазно-эксплуататорского, в не критическом восприятии ими формул эксплуататорского, в частности римского права, нормы которого в течение десятков лет прививались как готовые и единственно возможные.

Мы слишком мало изучаем великое наследие Маркса – Энгельса – Ленина и труды товарища Сталина, недооцениваем огромную советскую юридическую практику, мало занимаемся ее анализом, пассивно относимся к обнаруженным недостаткам и не помогаем авторам деловой критикой создавать произведения, достойные нашей эпохи.

Чл.-корр. АН СССР Е. А. Коровин остановился на ошибках академика И. П. Трайнина. Являются ли его ошибки случайными обмолвками или в них нашла отражение определенная система взглядов, идущих по линии буржуазного космополитизма, – так поставил вопрос Е. А. Коровин. На мой взгляд, ответил он, мы имеем в работах И. П. Трайнина даже за последний период времени (1947–1949 гг.) грубое отклонение от правильного научного марксистского пути. Так, в № 1 и 3 журнала «Советское государство и право» за 1947 г. И. П. Трайнин выступил со статьей «Демократия особого типа», посвященной исследованию государства и права народных демократий. В ней он писал: «Демократия особого типа

соответствует новым установившимся производственным отношениям, которые не являются капиталистическими, какими они являются в странах старой демократии, но не являются социалистическими». Ни капиталистические, ни социалистические! И. П. Трайнин говорил, что при капитализме имеется ряд противоречий, полной ликвидации которых нельзя достичь при существовании частной собственности. Поэтому страны демократии особого типа стремятся ослабить эти противоречия, но это «невозможно без того, чтобы не выйти за пределы традиционно-буржуазной политики». Следовательно, остается понимать, что демократии особого типа – это либо «лучший сорт» капиталистической демократии, либо «третий путь» развития государства – не капиталистический и не социалистический. Но ведь формула «третьего пути – это формула социалреформизма», и естественно, что такая «концепция» И. П. Трайнина выхолащивает ленинское учение о диктатуре пролетариата и разнообразии ее путей и форм. Последующее развитие государств народной демократии показало всю ошибочность взглядов Трайнина.

Е. А. Коровин привел и второй пример, свидетельствующий об ошибочном подходе акад. Трайнина к основным проблемам советского государственного права.

В 1948 г. одно из заседаний Ученого совета Института права было посвящено обсуждению плана долголетней и в проекте многотомной работы И. П. Трайнина – «Советское государство». Оказалось, что в представленном плане И. П. Трайнин «упустил из вида» разработку таких разделов и таких проблем, как Социалистическое отечество и его защита, как советский патриотизм, как роль русского народа и его революционных традиций в учении Ленина – Сталина, в образовании революционной партии рабочего класса, в строительстве советского государства, в создании и развитии советской культуры.

Е. А. Коровин подверг далее критике учебник «Советское государственное право», общая часть которого написана И. П. Трайниным, являвшимся и редактором учебника.

Сама система учебника «Советское государственное право» находится в противоречии с системой Сталинской Конституции.

Выходит, что И. П. Трайнин систему Сталинской Конституции считает неподходящей для построения системы учебника «Советское государственное право» и предлагает свою систему, ошибочно думая, что она более отвечает научно-преподавательским требованиям. Подобный подход к системе Сталинской Конституции недопустим и по существу сводится к ревизии этого величайшей ценности для всего передового человечества акта.

Можно ли признать при наличии таких моментов в научной работе И. П. Трайнина за последние три года, что мы имеем дело здесь со случайными обмолвками ученого? Правильнее думать, заключил т. Коровин, что мы имеем здесь определенную ошибочную линию и поэтому мы вправе ждать от академика Трайнина открытого признания своих ошибок, развернутой их критики и скорейшего исправления.

В прениях выступили также доктор истор. наук проф. С. В. Юшков, канд. юрид. наук И. Н. Ананов, канд. юрид. наук В. Ф. Коток, проф. Г. С. Михайлов, канд. юрид. наук В. С. Покровский, проф. С. М. Потапов, канд. юрид. наук И. В. Павлов, доктор юрид. наук И. Д. Левин, члены-корр. АН СССР М. С. Строгович и М. А. Аржанов, канд. юрид. наук С. Я. Ошеров и другие.

В заключительном слове Н. Д. Казанцев дал оценку выступлениям по его докладу И. Д. Левина, М. А. Аржанова, М. С. Строговича и С. Я. Ошерева.

Всем им, сказал т. Казанцев, на заседании Ученого совета Института права были предъявлены заслуженные обвинения в допущении космополитических ошибок. Однако вместо признания своих ошибок тт. Аржанов и Ошеров решили отвлечь внимание присутствующих от основного вопроса – о главных действующих лицах. М. А. Аржанов, сказал т. Казанцев, хотел увести нас от основного вопроса о космополитизме, подменить вопросы о конкретном проявлении космополитизма в нашей литературе общими рассуждениями о формализме. Он, видимо, неспособен по-настоящему включиться в борьбу с космополитами. Таковую же нетерпимую позицию занял и т. Ошеров, который вместо признания своих грубых космополитических ошибок решил обороняться и, избрав для этого тактику нападения, обвинял докладчика в том, что он

будто бы призывал в одной из своих работ «быть римлянами в юриспруденции». Ошеров этим еще раз продемонстрировал незнание великого наследия русской науки и русской общественной мысли. В № 9 журнала «Большевик» за 1945 г. была приведена цитата из произведения великого русского мыслителя и: патриота Белинского: «Мы будем, – писал Белинский, – и юристами, и римлянами в юриспруденции, но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом ученым, и народом воинственным, и народом промышленным, торговым, общественным...»

Это прозорливое предсказание Белинского блестяще осуществилось в последующем ходе развития России, которая породила великих ученых, изобретателей, писателей, поэтов, художников, композиторов, политических деятелей и мыслителей, оказавших неизгладимое влияние на культуру. Особенно это относится к эпохе, когда Россия стала Россией советской.

Не удовлетворило присутствующих на заседании Совета и двукратное выступление И. Д. Левина. Всемерно стремясь избежать острых мест в своих космополитических ошибках, он пытался академически «толковать» свои научные положения в отрыве от злободневных политических проблем советской науки права. И. Д. Левин не признал целого ряда предъявленных ему обвинений по существу его космополитических ошибок в книге «Суверенитет» и других. Провозгласив борьбу с космополитизмом как «кампанию», став на путь смазывания политической борьбы с космополитизмом как вреднейшим буржуазным влиянием, И. Д. Левин пытался увести Ученый совет в абстрактную научную дискуссию.

Более правильным было выступление М. С. Строговича, который подверг критике все допущенные им теоретические ошибки, признал их и дал заверение своей практической работой оправдать великое звание советского ученого.

В выступлениях Аржанова, Ошера и Левина, сказал т. Казанцев, не содержалось честной и принципиальной критики враждебной идеологии – космополитизма.

Вопрос, закончил т. Казанцев, сейчас может стоять только так: разгромить до конца буржуазный космополитизм и его конкретных носителей.

Директор Института права Е. А. Коровин, подводя итоги обсуждения, указал на его большое значение в научной и практической работе Института.

Наша двухдневная дискуссия, сказал он, глубоко оправдала себя. Она, несомненно, мобилизовала внимание работников Института права вокруг проблемы борьбы с безродным буржуазным космополитизмом в советской юридической науке. Нужно сделать вывод, что многие товарищи прониклись ответственностью, отчетливо представляя себе политическое значение этой борьбы для советской науки права. Это ярко прозвучало в выступлениях большинства участников обсуждения.

Далее Е. А. Коровин подверг критике выступление т. Ошерова, сделавшего попытку вопрос глубочайшей политической важности поставить в плоскость сведения личных счетов. С. Я. Ошеров не нашел в себе мужества признать свои теоретические ошибки.

Выступление И. Д. Левина являет собой образец формального признания, признания отписочного характера. И. Д. Левин не вскрыл корней своих космополитических ошибок и не подверг их надлежащей критике.

Совершенно неправильным и политически вредным было выступление М. А. Аржанова. Как руководитель в течение многих лет сектора теории и истории государства и права Института права АН СССР Аржанов должен был показать всю глубину и своих теоретических ошибок, и ошибок других работников, и в первую очередь работников сектора. Вместо этого он избрал такую тактику: мол, все грешны, все виноваты, все недооценивали роль русского народа и т. д.

Е. А. Коровин отметил далее неправильную позицию т. Котока по отношению к одной из допущенных И. П. Трайниным ошибок и неудовлетворительность выступления его по данному поводу на настоящем заседании.

Как заведующий сектором государственного права Института т. Коток обязан был не допустить «теоретическую» переработку И. П. Трайниным системы Сталинской Конституции. Когда же этот важный вопрос обсуждался на Ученом совете, т. Коток сослался на сложность вопроса, на то, что поспешно решать его

нельзя, надо обсудить, подумать, собрать рецензии и только тогда дать ответ.

Есть вопросы, сказал Коровин, которые, как указанный вопрос, приобретают настолько острое политическое значение, что требуют немедленного ответа.

В заключение Е. А. Коровин выразил уверенность, что весь коллектив научных работников Института в борьбе за чистоту, за партийность ленинско-сталинской науки права примет все меры к тому, чтобы последовательно и до конца очистить социалистическую науку от всякого рода буржуазных влияний и проявлений буржуазного космополитизма.

В принятом решении Ученый совет Института права АН СССР отметил значительные достижения в советской науке права, находящие свое подтверждение в том, что некоторые работы (А. Я. Вышинского, М. Н. Гернета) удостоены Сталинской премии и из печати вышли крупные монографические исследования по актуальным проблемам советского социалистического права.

Но наряду с этими достижениями, даже в новейшей советской юридической литературе, в том числе и в работах, вышедших под маркой Института права АН СССР, имеют место отдельные проявления буржуазного космополитизма, конкретно выражающиеся:

- а) в низкопоклонстве и преклонении перед буржуазной наукой, особенно видных в работах бывшего сотрудника Института права доцента Карадже-Искрова;
- б) в восхвалении буржуазного суда и буржуазного правосудия, например, в работах чл.-корр. АН СССР М. С. Строговича («Уголовный процесс», учебник для юридических вузов, изд. 1946 г., и «Учение о материальной истине в уголовном процессе», изд. 1947 г.);
- в) в игнорировании советской юридической науки, особенно заметном в макете учебника «Теория государства и права», составленном в 1948 г. под редакцией чл.-корр. АН СССР М. А. Аржанова;
- г) в попытках игнорирования роли русского народа при освещении вопросов советского многонационального государства, особенно проявившихся в некоторых разделах

учебника «Основы советского государства и права» (например, в параграфе «Советская федерация и национальный вопрос» главы IX, автор И. Д. Левин) и макета учебника «Теория государства и права» (редактор М. А. Аржанов); д) в умалении исторической роли русского народа, допущенном в вышедшем в конце 1948 г. учебнике «Советское государственное право» коллектива авторов Института права АН СССР под руководством академика И. П. Трайнина и доктора юрид. наук И. Д. Левина, где о роли русского народа говорится лишь мимоходом и где, в частности, не указаны причины, в силу которых русский народ заслужил в Великой Отечественной войне «общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».

В учебнике нет научного обоснования, почему «доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом».

Ученый совет осудил как антипатриотическое допущенное академиком Трайниным противопоставление системы курса советского государственного права системе Сталинской Конституции в статье «О программе курса советского государственного права» в № 11 журнала «Советское государство и право» за 1948 г., а также признал политически неправильным определение суверенитета, данное в отдельных работах Института (раздел макета учебника «Теория государства и права», автор И. Д. Левин, работа С. Я. Ошерова «Союзная республика в социалистической федерации» – 1948 г.).

Ученый совет предложил всем научным работникам Института, допустившим указанные извращения, выступить в печати с их развернутой критикой. Ученый совет указал также на обязанность работников Института вести последовательное разоблачение буржуазного космополитизма в правоведении.

На заведующих секторами Института права возложены критический пересмотр всей юридической литературы по соответствующим отраслям права, вышедшей под маркой Института права АН СССР, и соответствующая оценка ее под углом зрения борьбы с космополитизмом. Заведующие секторами обязаны также

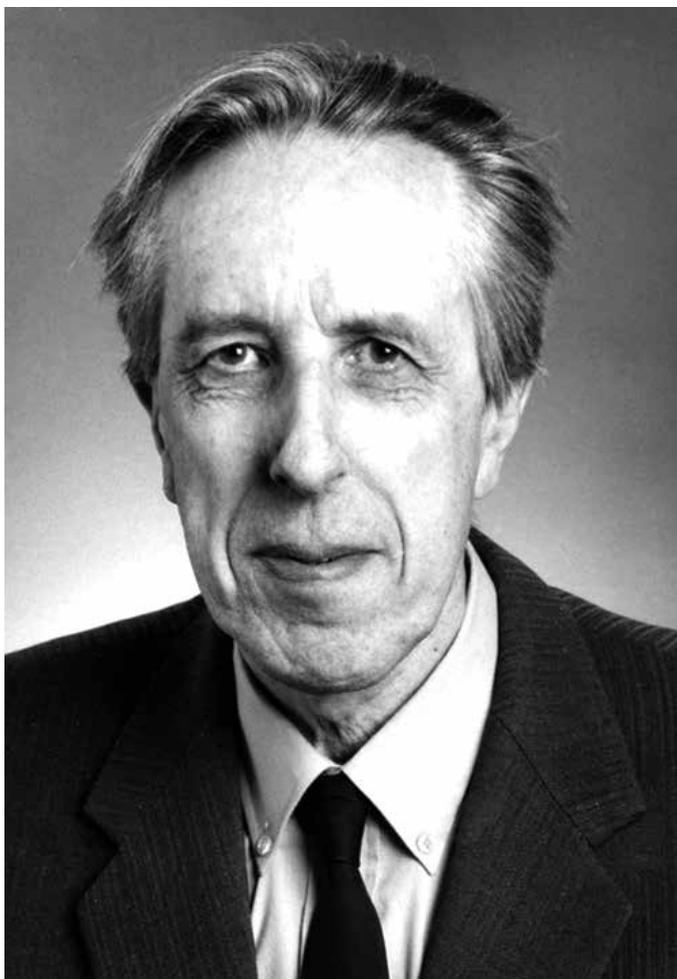
наметить новые темы, посвященные разоблачению космополитизма в отдельных отраслях правовой науки.

Зав. сектором государственного права В. Ф. Коток предложено при построении курса советского государственного права исходить из системы Сталинской Конституции.

В конце своего решения Ученый совет призвал всех сотрудников Института права к упорной и беспощадной борьбе со всеми и всяческими проявлениями буржуазного космополитизма в науке права и к проведению исследовательских работ на основе глубокого советского патриотизма и безграничной преданности великой Советской Родине.

М. Яковлев

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КУДРЯВЦЕВ
(10 апреля 1923 года – 5 октября 2007 года)



Член-корреспондент Академии наук СССР по отделению философии и права –
с 26 ноября 1974 года

Действительный член Академии наук СССР
(после 1991 года – Российской академии наук)
по отделению философии и права (специальность – право) –
с 26 декабря 1984 года

Владимир Николаевич Кудрявцев – человек науки

Владимир Николаевич Кудрявцев – пример общественного, государственного деятеля, юриста и ученого, посвятившего свою жизнь юриспруденции и отстаиванию ее идеалов на практике. В. Н. Кудрявцева по праву можно считать одним из основателей современной криминологии. Им опубликованы многочисленные работы (научные статьи, учебные пособия, монографии) по уголовному праву. Особое место в его научном наследии занимают общетеоретические вопросы, что подчеркивает многогранность творчества правоведа. В. Н. Кудрявцев оставил неизгладимый след в правовой науке, а его фундаментальные труды и по сей день оказывают плодотворное влияние на юридическую теорию и практику.

Ключевые слова: криминология, уголовное право, этика поведения, социология права, конфликтология, торжество права, ценность права, законность, правопорядок.

Genevra I. Lukovskaya, Maria S. Kulikova

Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev is a Man of Science

Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev is an example of a public figure, statesman, lawyer and scientist who devoted his life to jurisprudence and defending its ideals in practice. V. N. Kudryavtsev can rightfully be considered one of the founders of modern criminology.

¹ *Луковская Дженевра Игоревна* – Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования России, почетный профессор СПбГУ.

Genevra I. Lukovskaya – Saint Petersburg State University, Dr. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honorary Professor of St. Petersburg State University.

d.lukovskaya@spbu.ru

Куликова Мария Сергеевна – Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории государства и права, старший преподаватель, кандидат юридических наук.

Maria S. Kulikova – Saint Petersburg State University, Department of Theory and History of State and Law, Senior Lecturer, Ph.D. (Law).

kulikova@spbu.ru

© Д. И. Луковская, М. С. Куликова, 2024

He has published numerous works (scientific articles, textbooks, monographs) on criminal law. At the same time, general theoretical issues occupy a special place in his scientific heritage, which emphasizes the versatility of the jurist's work. V. N. Kudryavtsev left an indelible mark on legal science, and his fundamental works still have a fruitful influence on legal theory and practice.

Keywords: criminology, criminal law, ethics of behavior, sociology of law, conflictology, triumph of law, value of law, legality, law and order.

Владимир Николаевич Кудрявцев был выдающимся деятелем своего времени. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1973), удостоенный Государственной премии СССР (1984) за цикл трудов «Разработка теоретических основ советской криминологии», который был подготовлен в соавторстве с И. И. Карпецом, А. М. Яковлевым, Н. Ф. Кузнецовой и А. Б. Сахаровым, академик Академии наук СССР (АН СССР, 1984) и Российской академии наук (РАН, с 1991), ее вице-президент (1988–2001).

В. Н. Кудрявцев – лауреат многих престижных премий: высшей юридической премии «Фемида» (1999), премии имени М. Ковалевского РАН за работы по конфликтологии (2001), Демидовской премии РАН (2002) и премии «Триумф» в области науки. Был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами «Знак Почета», орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени и семнадцатью медалями.

На протяжении всей жизни В. Н. Кудрявцев активно занимался общественной работой. В течение ряда лет он консультировал отдел по борьбе с преступностью Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций¹, являлся вице-президентом Ассоциации российских юристов, вице-президентом Международного общества социальной защиты, Международной ассоциации уголовного права и Международной ассоциации юристов-демократов, с 1991 года был избран президентом Российского общества солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки², а в 1997 году стал членом Совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия.

¹ Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 2: Криминология, социология, конфликтология. М.: Наука, 2002. С. 281.

² Там же.

За весомый вклад в науку В. Н. Кудрявцев был избран членом пяти зарубежных академий наук и почетным доктором нескольких университетов и институтов.

Владимир Николаевич Кудрявцев родился 10 апреля 1923 года в Москве. С началом войны в 1941 году был эвакуирован вместе с матерью в г. Ташкент. Находясь в эвакуации, в октябре 1941 года поступил в Среднеазиатский индустриальный институт на энергетическое отделение, но в декабре был призван в армию и направлен на учебу в Ташкентское высшее общевойсковое командное училище имени В. И. Ленина. Окончив его в 1942 году, В. Н. Кудрявцев проходил военную службу в 182-м горно-стрелковом полку 68-й горно-стрелковой Туркестанской Краснознаменной дивизии, входившей в состав советских войск на территории Ирана.

В полку В. Н. Кудрявцев занимал должности командира минометного взвода, помощника начальника штаба полка. В 1942 году он был избран народным заседателем военного трибунала, исполнял обязанности военного дознавателя, расследовал уголовные дела, что в дальнейшем и определило профессиональный путь выдающегося правоведа.

Интерес В. Н. Кудрявцева к уголовному праву невозможно было не заметить, в связи с чем он был рекомендован военной прокуратурой в качестве слушателя Военно-юридической академии, которую окончил в 1949 году с золотой медалью и был оставлен в адъюнктуре по кафедре уголовного права, обучение в которой успешно завершил в 1952 году защитой кандидатской диссертации по теме «Причинная связь в уголовном праве»¹, после чего стал преподавать в Военно-юридической и Военно-политической академиях Советской Армии.

В 1960 году В. Н. Кудрявцеву была предложена работа в Верховном Суде СССР, а в июне 1963 года, после защиты докторской диссертации по теме «Теоретические основы квалификации преступлений»², он был направлен на работу в качестве заместителя директора во Всесоюзный

¹ См.: *Кудрявцев В. Н.* Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воен.-юрид. акад. Советской Армии. Кафедра уголовного права. М.: РИО ВЮА, 1952.

² См.: *Кудрявцев В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.00) / Всесоюз. ин-т юрид. наук. М., 1963; *Его же.* Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963.

институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при прокуратуре СССР, а в августе 1969 года возглавил этот институт.

Много лет профессиональная деятельность В. Н. Кудрявцева была связана с АН СССР. В 1973 году он стал директором Института государства и права АН СССР, а с 1990 года – почетным директором. В 1974 году АН СССР избрала В. Н. Кудрявцева своим членом-корреспондентом, в 1984 году – действительным членом, в 1988 году – вице-президентом АН СССР. С 2001 года В. Н. Кудрявцев как ученый с многолетним научным и управленческим опытом оказывал консультационную поддержку в качестве советника в аппарате руководства РАН.

Несмотря на столь яркую карьеру, отнимающую, несомненно, много сил и времени, В. Н. Кудрявцев вел активную просветительскую деятельность. Начиная с 1960-х годов он был лектором народного правового университета и Всесоюзного общества «Знание», а в 1979 году был избран заместителем председателя правления этого общества.

На протяжении всей жизни В. Н. Кудрявцеву были свойственны непредвзятость, принципиальность, справедливость, бескомпромиссность, приверженность идее торжества права – идее, сравнимой с романтической мечтой, которую, однако, по убеждению В. Н. Кудрявцева, невозможно было не отстаивать¹. Идее главенства права он следовал и в своей работе в нескольких законодательных комиссиях Верховного Совета СССР, в которые входил как депутат Моссовета и председатель Комиссии по законности и правопорядку; в научно-консультативных советах Министерства юстиции, Верховного Суда и Прокуратуры СССР, а также в Комиссии по подготовке проекта Конституции СССР 1977 года.

В 1989 году В. Н. Кудрявцев был избран народным депутатом СССР и членом Конституционной комиссии по внесению изменений в Конституции СССР и РСФСР, с 1991 по 1993 год работал над проектом Конституции Российской Федерации.

В обновленном российском государстве В. Н. Кудрявцев как государственный деятель и юрист-профессионал высочайшего класса оказался весьма востребован. В 1999 году он возглавил Комиссию по

¹ Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 3: Политология, идеология, этика. С. 5.

проблемам науки, образования и культуры Общественной палаты при Президенте Российской Федерации и стал членом Научного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, в 2000–2002 годах был членом Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования Российской Федерации, Общественного совета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации, Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов.

Активность при решении государственных вопросов, участие в просветительской работе, руководство научным коллективом – все это не могло отвлечь В. Н. Кудрявцева от дела его жизни – науки. Он утверждал, что каждый ученый нуждается в практическом опыте, однако данная сфера не должна заменять науку – и этот тезис В. Н. Кудрявцев доказывал собственным примером. Результатом служения науке, которое он не оставлял на протяжении всей жизни, стали почти 600 научных работ¹.

В. Н. Кудрявцев в первую очередь известен как специалист в области уголовного права и криминологии, которая приобрела новый вектор развития во второй половине XX века. В России в 1992 году вышло первое издание учебника по криминологии для юридических институтов и факультетов, подготовленное в Московском юридическом институте², а уже спустя три года с существенной доработкой того же коллектива авторов под руководством В. Н. Кудрявцева вышло в свет второе издание этого учебника, ставшее широко востребованным и впоследствии неоднократно переиздававшееся³.

¹ Полную библиографию работ В. Н. Кудрявцева за 1948–1996 годы см. в книге: Владимир Николаевич Кудрявцев / сост. И. Ф. Зенкевич; авт. вступ. ст. А. М. Яковлев; Рос. акад. наук. М.: Наука, 1996 (Материалы к биобиблиографии ученых. Серия права, вып. 3).

² [Алимов С. Б., Антонян Ю. М., Бузынова С. П. и др.] Криминология: учеб. для юрид. ин-тов и фак. / отв. ред. И. И. Карпец, В. Е. Эминов; Моск. юрид. ин-т. М.: Манускрипт, 1992.

³ [Алимов С. Б., Антонян Ю. М., Бузынова С. П. и др.] Криминология: учеб. для юрид. вузов / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова; [введ. И. И. Карпеца]. [2-е перераб. и доп. изд.]. М.: Юрист, 1995; см. также: Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юрист, 1999.

В посвященной криминологическим вопросам монографии под редакцией В. Н. Кудрявцева всесторонне освещались не только отдельные виды преступлений, такие как, например, преступность среди женщин и ее предупреждение (гл. 14), но также была дана и сравнительно-правовая характеристика преступности в зарубежных странах (гл. 8¹), что позволило по-новому взглянуть на ряд актуальных для отечественной криминологической науки вопросов (например, вопросов, связанных с экологическими преступлениями).

Вклад В. Н. Кудрявцева в развитие отечественной криминологии бесценен. Важно отметить, что за почти десятилетие (1963–1974) В. Н. Кудрявцев написал около 60 монографий и статей по криминологии.

Круг научных интересов В. Н. Кудрявцева не ограничивался исключительно вопросами криминологии и уголовно-правовой тематикой в целом. Особое место в его научном наследии занимают общетеоретические проблемы.

В завершающий период своей научной деятельности В. Н. Кудрявцев много внимания уделял теории и социологии права, деонтологической проблематике, юридической конфликтологии и политическим наукам. При деятельном участии и по инициативе В. Н. Кудрявцева была подготовлена монография «Юридическая конфликтология», где впервые изложена общая теория конфликтов, определены их сферы, типы, механика и динамика².

В. Н. Кудрявцев размышлял на темы достоинства человека, этики поведения, правового государства, социологии права. Он не допускал отказа в рамках государственной политики от этических основ человеческого поведения, тем самым делая вопросы этики одним из центральных предметов в своих исследованиях. Это позволяет говорить о глубокой и всесторонней проработке В. Н. Кудрявцевым, помимо

¹ [Алимов С. Б., Антонян Ю. М., Бузынова С. П. и др.] Криминология: Учебник / под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. [2-е перераб. и доп. изд.]. М.: Юрист, 1997.

² [Дубовик О. Л. и др.] Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев; РАН, Центр конфликтологических исслед. М.: [б. и.], [1993–]. Ч. 1: Введение в общую теорию конфликтов. Ч. 1 / А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев. 1993. 211 с.; Ч. 2: Юридический конфликт: сферы и механизмы. Ч. 2. 1994. 171 с.; Ч. 3: Юридический конфликт: процедуры разрешения. Ч. 3 / [О. В. Бойков и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев]. 1995. 158 с.

ранее освещенных вопросов, еще и деонтологической проблематики. Его работы были посвящены также таким темам, как соотношение роли права и государственной политики, нормативность поведения, природа правомерного поведения, предел социального контроля, соотношение понятий равенства и равноправия, идея свободы слова и др.

Острота мысли В. Н. Кудрявцева проявлялась в разных сферах его деятельности, неизменными в его работах были ясность слова и простота слога. Последовательно отстаивая гуманистические и демократические идеи, В. Н. Кудрявцев придерживался данных принципов и в своей преподавательской деятельности. Тексты, выходявшие из-под его пера, неизменно становились, с одной стороны, фундаментальными работами в своей области, и одновременно, с другой стороны, доступными источниками знаний для студентов и молодого поколения юристов.

Ученица В. Н. Кудрявцева О. Л. Дубовик отмечает, что Владимир Николаевич обладал «целеустремленным сильнеем характером... всегда показывал нам пример истинного служения науке. В. Н. Кудрявцев достиг высочайшего признания не только в профессиональном сообществе юристов, но и среди власть имущих. Это ничуть не мешало ему критически оценивать реалии правовой и политической жизни страны и проявлять присущее ему великолепное чувство юмора»¹.

Ученому принадлежит и ряд исторических работ². Однако идеи В. Н. Кудрявцева не относятся к какому-то конкретному историческому периоду, они пребывают вне времени. Их научно-правовой характер позволяет говорить об актуальности наследия выдающегося юриста и в наши дни, в том числе при выстраивании модели воспитания нового профессионального поколения юристов.

В. Н. Кудрявцев внес значительный вклад в становление и развитие современного права и правосудия. Отстаивая ценности права, законности и правопорядка, отмечая в качестве главной цели борьбы с преступностью создание равных условий жизни и развития для всех народов, реальное признание равенства конфессий и согласованное на международном уровне сотрудничество, недопущение

¹ Дубовик О. Л. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Кудрявцева // Право и политика. 2013. № 4 (160). С. 596.

² В частности, следует упомянуть такую работу В. Н. Кудрявцева, как «Политическая юстиция в СССР», включающую в себя фундаментальный анализ исторических нормативных актов и статистические данные. См.: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.

политического, военного или экономического диктата, с чьей бы стороны он ни проявлялся¹, В. Н. Кудрявцев обозначил ключевую задачу не только для криминологии, но, по сути, и для права в целом – гуманизация нравов и ювелирная гармонизация сложных двуединых задач – свободы и необходимости².

Право творится людьми, а будущее права создается выдающимися людьми. Отечественная правовая наука невозможна без В. Н. Кудрявцева, чье имя навсегда вписано золотыми буквами в историю российской юриспруденции, а множество его фундаментальных работ и по сей день оказывают плодотворное влияние на юридическую теорию и практику.

В 2023 году в Институте государства и права РАН, работе в котором В. Н. Кудрявцев отдал 19 лет жизни, стартовал научно-издательский проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век» (руководитель – член-корреспондент РАН А. Н. Савенков). Первым изданием серии стал сборник трудов и воспоминаний, посвященный академику В. Н. Кудрявцеву³. В книгу, помимо обзора основных вех жизни и деятельности академика и его избранной библиографии, вошли научные статьи о его вкладе в разработку проблем криминологического противодействия преступности, о развитии его научных идей в социальной практике, воспоминания коллег о встречах с академиком и работе с ним, а также три ранее не переиздававшиеся (одна из которых даже не публиковалась на родине) научные работы самого Владимира Николаевича⁴.

Идеи В. Н. Кудрявцева обладают вневременной ценностью, а сфера его научных интересов выходит за рамки какого-либо одного направления, и именно поэтому его научное наследие будет еще долго востребовано всеми, кто интересуется социальным знанием и развивает его.

¹ Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии: учебное пособие. М.: Юрид. изд-во Норма, 2024. С. 184.

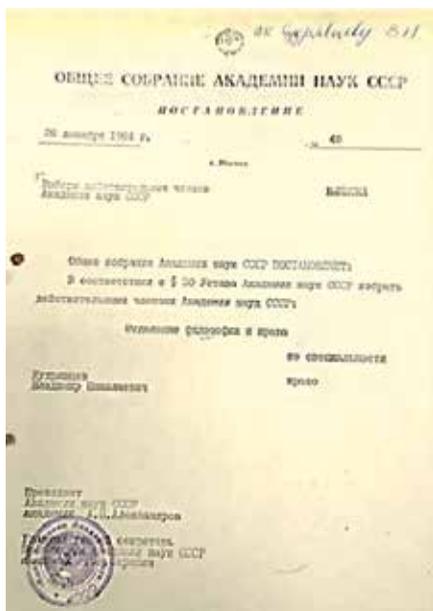
² Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18; Цит. по: Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии: учебное пособие. С. 185.

³ Академик В. Н. Кудрявцев. Опередивший свое время / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков; науч. ред. А. И. Чучаев. М.: ИГП РАН, 2023.

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления // Академик В. Н. Кудрявцев. Опередивший свое время. С. 50–240; *Его же*. Стратегии борьбы с преступностью // Там же. С. 242–558; *Его же*. Introduction the Nuremberg Trial and Problems of Strengthening the International Legal Order // Там же. P. 560–566.

ЛИТЕРАТУРА

- Академик В. Н. Кудрявцев. Опередивший свое время / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков; науч. ред. А. И. Чучаев. М.: ИГП РАН, 2023. 576 с.
- Владимир Николаевич Кудрявцев / сост. И. Ф. Зенкевич; авт. вступ. ст. А. М. Яковлев; Рос. акад. наук. М.: Наука, 1996 (Материалы к биобиблиографии ученых. Серия права, вып. 3). 121 с.
- Дубовик О. Л. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Кудрявцева // Право и политика. 2013. № 4 (160). С. 595–596.
- Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18.



*Постановление Общего собрания Академии наук СССР
от 26 декабря 1984 года об избрании В. Н. Кудрявцева
действительным членом по отделению философии и права
(специальность – право).*

Источник: сайт ИГП РАН. URL: <http://igpran.ru/news/9518/> (дата обращения: 29.10.2024).

ВЛАДИК СУМБАТОВИЧ НЕРСЕСЯНЦ
(2 октября 1938 года – 21 июля 2005 года)



Владик

Член-корреспондент Российской академии наук
(с 31 мая 1994 года)

Действительный член Российской академии наук
(с 26 мая 2000 года)

по отделению философии, социологии, психологии и права

Владик Сумбатович Нерсесянц – философ права, друг, учитель

Авторы, близко знавшие академика В. С. Нерсесянца, его коллеги по Институту государства и права Российской академии наук выделяют основные этапы его становления как выдающегося ученого, делятся воспоминаниями о нем.

Ключевые слова: В. С. Нерсесянц, правовая наука, философия права, право и закон, цивилизм, Институт государства и права РАН.

¹ *Лапаева Валентина Викторовна* – Институт государства и права Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, доктор юридических наук.

Valentina V. Lapaeva – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Chief Researcher, Dr. (Law).

lapaeva07@mail.ru

Лаптева Людмила Евгеньевна – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности, декан юридического факультета имени М. М. Сперанского, заведующий кафедрой истории государства и права, доктор юридических наук, профессор.

Ljudmila E. Lapteva – RANEPА under the President of the Russian Federation, Institute of Law and National Security, Dean of the M. M. Speransky Faculty of Law, Head of the Department of History of State and Law, Dr. (Law), Professor.

lapteva-le@ranepa.ru

Ефремова Надежда Николаевна – Московский городской педагогический университет, Институт экономики, управления и права, профессор департамента права; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Nadezda N. Efremova – Moscow City Pedagogical University, Institute of Economics, Management and Law, Professor of the Department of Law; RANEPА under the President of the Russian Federation, Ph.D. (Law), Professor.

EfremovaNN@mgpu.ru

© В. В. Лапаева, Л. Е. Лаптева, Н. Н. Ефремова, 2024

Valentina V. Lapaeva, Lyudmila E. Lapteva, Nadezda N. Efremova

Vladik Sumbatovich Nersesyants – philosopher of law, friend, teacher

The authors, who knew Academician V. S. Nersesyants intimately, his colleagues at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences identify the main stages of his formation as an outstanding scientist and share memories of him.

Keywords: V. S. Nersesyants, legal science, philosophy of law, right and law, civilizm, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Владик Сумбатович Нерсесянц – советский и российский ученый, специалист в области философии права, теории права и государства, истории политических и правовых учений. В энциклопедиях он справедливо назван основоположником *либертарно-юридического типа правопонимания* как самостоятельного направления в рамках философского осмысления права, автором *либертарно-юридической теории права* и основанной на ней концепции *цивилизма* как постсоциалистического общественного строя. Однако в энциклопедиях не написано о Владике Сумбатовиче как о друге, учителе, чутком руководителе, всегда готовом понять чью-то проблему и дать неизменно мудрый совет. К сожалению, прекрасная идея вспомнить о русских академиках возникла только сейчас, в связи со славным юбилеем Российской академии наук. Теперь, на третьем десятилетии XXI века, многих коллег, которые могли бы рассказать о нашем герое, уже нет с нами, как и его самого. Но мы постараемся проследить историю его становления как выдающегося ученого и, конечно, поделимся собственными воспоминаниями о нем.

В. С. Нерсесянц родился в г. Степанакерте Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в армянской семье. Он не успел узнать отца, который в 1941 году был арестован по ложному обвинению и умер через год (предположительно расстрелян). Всю жизнь В. С. Нерсесянц трепетно относился к маме, проявляя к ней искренние любовь, уважение и заботу (последние годы своей жизни она провела в его семье). Ее мудрости посвятил он известное коллегам четверостишие:

Не пиши. Скажи все устно,
Писанина – это яд...
Не писали Заратустра,
Моя мама и Сократ¹.

Судьба отца, несомненно, повлияла на выбор В. С. Нерсесянцем главного для него направления исследований – философско-правового – и наложила отпечаток на отношение к советскому строю и к коммунистической партии, членом которой он не был по принципиальным соображениям. При этом он всегда оставался пламенным патриотом России, искренне считая, что советский опыт открывает новые горизонты социально-экономического развития для всего мира. Именно этот важный, выстраданный страной опыт он рассматривал как экономическую основу цивилизма:

Мы диалектику учили и по Гегелю,
И, либертарно отрицая коммунизм,
Его тотально негативную энергию
Мы позитивно сняли в цивилизм².

Из-за ареста отца семья вынуждена была переехать в Ереван. В 1955 году В. С. Нерсесянц с золотой медалью окончил школу и предпринял попытку поступить на философский факультет Московского государственного университета (МГУ), но у сына врага народа документы не приняли. В том же году, скрыв, что его отец был репрессирован, В. С. Нерсесянц поступил на юридический факультет МГУ, который окончил в 1961 году с красным дипломом, после чего был распределен в адвокатуру Ивановской области. Несколько лет В. С. Нерсесянц работал адвокатом – сначала в областной, а затем в городской адвокатуре г. Иваново, а параллельно готовил под руководством С. Ф. Кечекьяна³ кандидатскую диссертацию в МГУ

¹ *Нерсесянц В. С.* Настроения. Стихи разных лет. М.: [Б. и.], 1996. С. 107.

² *Нерсесянц В. С.* Творемы. Стихи разных лет. М.: Норма, 2001. С. 142.

³ Кечекьян Степан Федорович (1890–1967) – советский ученый-правовед, специалист в области теории государства и права, истории политических и правовых учений, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. См. о нем: *Краковский К. П.* Три возраста С. Ф. Кечекьяна (дополнения к известной биографии известного ученого) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 1. С. 115–125.

по теме «Марксова критика гегелевской философии права в период перехода К. Маркса к материализму и коммунизму». Выбор такой темы позволил диссертанту, отдав дань изучению марксизма, уделить специальное внимание исследованию гегелевской философии права. Успешная защита работы состоялась в 1965 году¹.

После защиты диссертации карьера адвоката была оставлена. В. С. Нерсесянц несколько месяцев работал младшим научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте (ВНИИ) советского законодательства при Министерстве юстиции СССР, а затем перешел на работу в редакцию журнала «Советское государство и право», располагавшуюся во флигеле дома № 10 по улице Знаменке. По тому же адресу и по сей день расположен Институт государства и права (ИГП) АН СССР / РАН, в коллектив которого в 1970 году влился молодой ученый и где он трудился до самой смерти. Там же в 1975 году В. С. Нерсесянц защитил докторскую диссертацию на тему «Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации»². В 1980 году он стал заведующим сектором истории государства, права и политических учений, а в 1992 году – руководителем Центра теории и истории права и государства. В 1994 году В. С. Нерсесянц стал член-корреспондентом Академии наук СССР, а в 2000 году – академиком Российской академии наук (РАН). Здесь В. С. Нерсесянц черпал вдохновение для творчества: он является автором более 350 научных работ (включая 16 индивидуальных монографий и учебников), а также трех сборников стихов³.

Основные научные работы ученого выстраиваются в последовательный ряд. Книга «Гегелевская философия права: история и современность» (М., 1974) определяет базовый исследовательский метод. За этим следует воплощение метода в конкретных исследованиях:

¹ См.: *Нерсесянц В. С.* Марксова критика гегелевской философии права (в период перехода К. Маркса к материализму и коммунизму): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак-т. М., 1965.

² См.: *Нерсесянц В. С.* Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (120001) / АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1975; *Его же.* Гегелевская философия права: история и современность / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1974.

³ *Нерсесянц В. С.* На перекрестках безвременья: Стихи разных лет. М.: Юрид. лит., 1990; *Его же.* Настроения: Стихи разных лет. М.: Норма, 1996; *Его же.* Творемы: Стихи разных лет. М.: Норма, 2001.

«Сократ» (М., 1977); «Гегель: политические произведения» (М., 1978); «Политические учения Древней Греции» (М., 1979); «Гегель» (М., 1979); «Платон» (М., 1984). Выявлению и анализу общих закономерностей в развитии права посвящены работы «Право и закон. Из истории политических и правовых учений» (М., 1983)¹; «Наш путь к праву. От социализма к цивилизму» (М., 1992)²; «Право – математика свободы» (1996)³. Эти труды закономерно подводят к написанию обобщающих курсов: «Философия права: учебник для вузов» (М., 1997, 2-е изд.: 2006); «История политических и правовых учений: учебник для вузов» (М., 1997, 2-е изд.: 2005); «Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства» (М., 1998, 2-е изд.: 2002); «Философия права Гегеля» (М., 1998). В. С. Нерсеянц еще в начале XXI века представил свою версию цивилизационного кода нашей страны⁴.

Будучи заведующим сектором ИГП АН СССР, В. С. Нерсеянц стал инициатором, соавтором и ответственным редактором ряда крупных коллективных работ: «История буржуазного конституционализма» (в 2 т. М., 1983, 1986); «История права: Англия и Россия (М., 1990); «Всемирная история политико-правовой мысли / Научный курс» (в 5 т. М., 1985–1995); «История политических и правовых учений. XX в.» (М., 1997); «Проблемы общей теории права и государства» (М., 1999); «Политико-правовые ценности: история и современность» (М., 2000). К работе над ними привлекались лучшие научные кадры страны. Также он участвовал в подготовке и издании таких источников правовой мысли, как «Гегель. Политические произведения» (М., 1978); «Дигесты Юстиниана» (М., 1984); «Саксонское зеркало» (М., 1985); был соавтором «Новой философской энциклопедии» – первого и пока единственного

¹ См. переиздание в кн.: Академик В. С. Нерсеянц. Философско-правовое наследие / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2023. С. 40–122.

² *Нерсеянц В. С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992. См. переиздание предисловия и заключения в кн.: Академик В. С. Нерсеянц. Философско-правовое наследие. С. 140–148.

³ *Нерсеянц В. С.* Право – математика свободы: Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. Переиздано в кн.: Академик В. С. Нерсеянц. Философско-правовое наследие. С. 149–286.

⁴ См.: *Нерсеянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости: Манифест о цивилизме. М.: Норма, 2001. Частично переиздано в кн.: Академик В. С. Нерсеянц. Философско-правовое наследие. С. 608–647.

академического издания такого рода в постсоветской России (М., 2000–2001), здесь им опубликованы статьи «Право» и «Философия права».

В течение ряда лет В. С. Нерсисянц являлся председателем Российской секции Международной ассоциации социальной и правовой философии, членом Научно-координационного совета по общественным наукам при вице-президенте РАН, членом редколлегии серии «Философское наследие».

Ему удалось наладить плодотворное взаимодействие сектора с некоторыми выдающимися западными специалистами. Так, долгое время продолжалось сотрудничество с Норбером Руланом, признанным авторитетом в области юридической антропологии. В 1991 году В. С. Нерсисянц и Л. Е. Лаптева по приглашению Н. Рулана прочитали серию гостевых лекций в университете Экс-Марсель (Экс-ан-Прованс, Франция). В 1996 году в Париж для участия в первом международном конгрессе, посвященном антропологии права, была приглашена группа сотрудников сектора истории государства, права и политических учений (В. Г. Графский, Н. Н. Ефремова, А. И. Ковлер) во главе с В. С. Нерсисянцем. Созданный благодаря В. С. Нерсисянцу авторский коллектив под руководством А. И. Ковлера перевел книгу «Юридическая антропология», которая стала одним из первых исследований по соответствующей проблематике на русском языке¹.

Английский и американский ученый Уильям Эллиотт Батлер, один из ведущих специалистов в области права России, СССР и постсоветских стран, стал тесно сотрудничать с ИГП. В 1989 году с его участием сотрудники сектора истории государства и права В. Г. Графский, Н. Н. Ефремова, О. В. Мартышин, Е. А. Скрипилев провели два взаимосвязанных научных мероприятия: международную конференцию в Москве на тему «Источники права: Россия и Англия» и ответную конференцию в Лондоне – «Россия в XVIII веке» с участием большого числа зарубежных историков и юристов. По результатам конференций были опубликованы сборники статей. Душой всех мероприятий и генератором интереснейших дискуссий всегда был В. С. Нерсисянц, возглавлявший нашу делегацию в Лондоне. Российских ученых принимали с большим радушием и неподдельным интересом. Позднее, в 2001 году, У. Э. Батлер перевел на английский

¹ См.: Ковлер А. И. Антропология права: учеб. для вузов / Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. М.: Норма, 2002.

язык очень важную для В. С. Нерсисянца работу «Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме».

В руководимом Владиком Сумбатовичем коллективе всегда царил потрясающая творческая атмосфера. В 1980–1990-е годы вокруг него собрался уникальный коллектив: Е. А. Скрипилев по праву имел репутацию не только эрудита, но и златоуста; невозможно было не заслушаться речами П. С. Грацианского, О. В. Мартышина, Л. С. Мамута, С. И. Штамм, В. Г. Графского. Каждый являл собой независимую личность, и заслужить уважение таких людей было непросто. Академическая атмосфера, царившая в секторе, была очень привлекательной. Поиграть в шахматы и пообщаться часто захаживали гости из других секторов ИГПАНа и научно-образовательных заведений: Д. И. Луковская, Н. М. Золотухина, А. И. Экимов, Г. Н. Манов, Л. Р. Сюкияйнен и многие другие. Молодым ученым выпадало счастье услышать научные споры корифеев. Владик Сумбатович очень любил беседовать с молодежью. Разрабатывая новую концепцию правопонимания, часто просил аспиранта или практиканта уточнить, как он понимает право и его соотношение с государством. Заметим, что несогласные с позицией мэтра ученики репрессиям не подвергались, а тем, кто затруднялся дать ответ, читалась персональная лекция о различении права и закона. Никто не кичился научными званиями и чинами. Отношение к аспирантам всегда было доброжелательным.

Высокая квалификация сотрудников сектора предопределила их востребованность в рамках научной экспертизы, будь то Высшая аттестационная комиссия (ВАК), диссертационные советы юридических вузов или научные фонды (Российский государственный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский научный фонд и пр.). Созданный в 1995 году юридический факультет Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) продолжает работать и в наши дни, хотя и вне Института государства и права (с 2016 года). Базовые дисциплины на первом курсе обеспечивались кадрами сектора ИГП РАН: историко-правовые дисциплины читали Н. Н. Ефремова и Л. Е. Лаптева; академики РАН – юристы, работавшие в ИГП РАН (Б. Н. Топорнин, В. В. Лаптев, А. Г. Лисицын-Светланов и др.), вели учебные занятия на юридическом факультете, читали авторские курсы. Вместе с тем В. С. Нерсисянц с большим

вниманием относился к работе кафедры теории и истории государства и права, которой руководила Н. Н. Ефремова. В учебные планы подготовки специалистов, а потом и бакалавров, и магистров, кафедра включала такие дисциплины, как философия права, социология права и антропология права, что повышало место юридического факультета ГАУГН в рейтингах в сравнении с другими юридическими учебными заведениями. Названные курсы вели соответственно В. С. Нерсесянц, В. В. Лапаева, А. И. Ковлер. При всей своей занятости В. С. Нерсесянц не пренебрегал учебно-преподавательской деятельностью. Благодаря его усилиям и авторитету философия права – важнейшая, на наш взгляд, мировоззренческая дисциплина – вошла в учебные планы многих юридических факультетов России.

Владик Сумбатович подготовил немало кандидатов и докторов наук, среди которых М. С. Хайдарова, ныне профессор в Таджикистане, адвокат С. Б. Мирзоев, профессора Н. Н. Ефремова, С. В. Кодан, Л. Е. Лаптева¹. ИГП РАН и Высшая школа экономики ежегодно проводят «Философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца»².

Как руководитель сектора истории государства, права и политических учений ИГП РАН академик В. С. Нерсесянц обладал исключительными интеллектуальными, педагогическими, координационными и организационными способностями и замечательными личностными качествами, что позволило сектору стать признанным научным центром в соответствующей отрасли юридической науки не только в нацио-

¹ См.: Хайдарова М. С. Формирование и развитие мусульманского права в Арабском Халифате XII–XIII вв.: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.01) / Ин-т государства и права АН СССР. М., 1985; Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.01) / Ин-т государства и права АН СССР. М., 1983; Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства: 1800–1850-е гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.01) / Ин-т государства и права РАН. М., 2004; Лаптева Л. Е. Местное управление в пореформенной России, 1864–1905 гг.: Историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.01) / Ин-т государства и права РАН. М., 2001.

² См., например: Международная научная конференция «Философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца» на тему «Современное государство: мировоззренческие основы и перспективы развития» (Москва, 25 октября 2023 года); Всероссийская научная конференция с международным участием «Философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца» на тему «Правовое развитие России: прошлое, настоящее, будущее» (Москва, 28–29 октября 2022 года) и др.

нальных границах, но и в международной среде. Сектор обладал устойчивыми научными связями со многими российскими региональными и зарубежными («ближними» и «дальними») научными и образовательными учреждениями, многократно организуя или принимая коллективное участие в научных конгрессах, конференциях, совещаниях, круглых столах и иных собраниях ученых, например во Всемирном конгрессе политических наук (Москва) и многих других. Память о том времени сохраняют все участники этих высоконаучных, но удивительно теплых по атмосфере мероприятий.

* * *

Свою научную деятельность В. С. Нерсеянц начинал как специалист в области политических и правовых учений, глубокое знание которых позволило ему впоследствии предложить собственную философско-правовую теорию, основанную на самостоятельном подходе к пониманию права, отличном от иных типов правопонимания, разрабатываемых в рамках мировой философско-правовой мысли. Исходным пунктом в формировании этого подхода стала *концепция различения права и закона*. В середине 1970-х годов прошлого века постановка этой проблемы, имеющей давнюю традицию в мировой философско-правовой мысли, встретила резкую критику со стороны большинства советских теоретиков права, поскольку данный подход не просто шел вразрез с официальной правовой доктриной, отождествляющей право и закон, но и принципиально отличался от так называемого широкого понимания права, сторонники которого пытались смягчить легистский ригоризм официального правопонимания. Более того, В. С. Нерсеянц трактовал *право как форму свободы*, что делало его подход действительно уникальным.

Проблема разграничения права и закона была обозначена В. С. Нерсеянцем в качестве одного из важных аспектов философско-правовой проблематики еще в 1973 году¹, а после защиты докторской диссертации он начал более активно выражать свою научную позицию в публичных выступлениях. Однако ему долго не удалось опубликовать статью на такую тему в журнале «Советское государство и право». В 1977 году статья «Право и закон: их различение

¹ См.: Вопросы философии права / под ред. Д. А. Керимова. М.: Изд-во ЛГУ, 1973.

и соотношение» получила отрицательные рецензии от двух ведущих теоретиков права.

В 1979 году журнал «Советское государство и право» провел круглый стол по теме «О понимании советского права», который обозначил новую веху в развитии советского правоведения, связанную с открывшимися возможностями серьезных научных дискуссий по проблемам правопонимания. В своем выступлении В. С. Нерсесянц озвучил принципиально важные для его подхода тезисы о «взаимосоответствии свободы, права и закона», о праве как «форме, норме и мере свободы», о том, что «право обозначает сферу, границы и структуру свободы», о роли закона как формы выражения меры свободы и т. д.¹ При этом он не стал акцентировать внимание на отличии своей концепции от широкого правопонимания, отметив лишь (!) его логическую несостоятельность².

В 1983 году вышла книга В. С. Нерсесянца «Право и закон»³, в которой философско-правовая традиция различения права и закона рассматривается на базе огромного исторического материала. И только после выхода этой книги автору удалось опубликовать в журнале «Советское государство и право» свою программную статью «Право: многообразие определений и единство понятия»⁴, которая до этого в течение длительного времени «блокировалась» из-за поступивших на нее отрицательных рецензий.

В постсоветский период В. С. Нерсесянц дал развернутое философско-правовое обоснование своего подхода к пониманию права, обозначенного им как *либертарно-юридический тип правопонимания*. Данный термин, согласно позиции автора, прежде всего указывает на то, что право включает в себя (онтологически, гносеологически

¹ Выступление В. С. Нерсесянца на «Круглом столе» журнала «Советское государство и право» на тему «О понимании советского права» // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 70–71. Текст этого выступления переиздан в кн.: Академик В. С. Нерсесянц. Философско-правовое наследие. С. 35–39.

² Там же. С. 72.

³ См. переиздание в кн.: Академик В. С. Нерсесянц. Философско-правовое наследие. С. 40–122.

⁴ *Нерсесянц В. С. Право: многообразие определений и единство понятия* // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 26–35; переиздано в кн.: Академик В. С. Нерсесянц. Философско-правовое наследие. С. 123–135.

и аксиологически) свободу. Таким образом, «право – это не просто форма свободы, но единственно возможная форма бытия и выражения свободы в общественной жизни, а понимание права как формы свободы – это инструмент познания всего многообразия правовых (и, соответственно, неправовых и антиправовых явлений). Прилагательное „юридический“ означает, что свобода людей в их общественной жизни связана только с правом и возможна только в правовой форме. Данный термин подчеркивает то обстоятельство, что свобода, будучи имманентным признаком права, не является формой выражения морально-нравственных или религиозных начал»¹.

Главное отличие либертарно-юридического подхода от двух других типов правопонимания, занимающих ведущие позиции в современном правоведении (юридического позитивизма и естественно-правовой доктрины), связано с трактовкой проблемы соотношения сущности и явления в праве. Юридический позитивизм, отождествляющий право и закон, как известно, отрицает наличие у права какого-либо сущностного признака, выражающего специфику права как особого социального явления. Что же касается юснатурализма, то он рассматривает естественно-правовую сущность как нечто самодостаточное и не нуждающееся во внешних формах проявления. «Другими словами, – писал В. С. Нерсеянц, – *естественное право – это тождество сущности и явления, бытия и существования*»².

Именно признание наличия у права собственной сущности, отличающей его, с одной стороны, от властного произвола в форме закона, а с другой стороны – от норм общественной морали и религии, является своего рода визитной карточкой либертарно-юридической теории. При этом под сущностью права В. С. Нерсеянц понимает принцип формального равенства, выраженный через «единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости»³. Понятие свободы, пояснял автор, включает в себя равенство (люди свободны,

¹ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 125.

² Нерсеянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 60.

³ Нерсеянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 4; переиздание статьи см. в кн.: Академик В. С. Нерсеянц. Философско-правовое наследие. С. 648–665.

т. е. независимы друг от друга, лишь в той мере, в какой они равны другу другу), а это, в свою очередь, значит, что свобода имманентно связана со справедливостью, выражаемой через равенство. С позиций такого подхода справедливость есть результат применения равной меры к фактическому многообразию отношений с целью такого их упорядочивания, которое обеспечивает равенство в свободе. Право выражает свободу людей именно потому, что говорит и действует языком и мерами равенства (в этом смысле В. С. Нерсесянц определял право как «математику свободы»).

Диалектическое единство сущности и явления в праве представлено *правовым законом* (в широком смысле понятия «закон», включающем в себя прецедент и правовой обычай). Трактовка В. С. Нерсесянцем права как правового закона (т. е. явления, выражающего сущностный правовой принцип формального равенства) основана на признании *концептуального единства права и государства* как единства нормативной и институциональной форм свободы. Когда В. С. Нерсесянц говорит о государстве, которое устанавливает или санкционирует правовой закон и обеспечивает его реализацию мерами государственного принуждения, то под словом «государство» он имеет в виду не любую форму организации публичной власти, обладающую средствами принуждения, а именно правовую форму: понятием «государство» он обозначает систему власти, организованную на началах права, создающую право и подчиняющуюся праву в своих действиях¹.

Резюмируя, можно сказать, что с позиций либертарно-юридического подхода *право определяется как обеспеченная возможностью государственного (в более широком, охватывающем международное право, смысле – публично-властного) принуждения система норм позитивного права, соответствующая требованиям принципа формального равенства как равной меры свободы.*

Наиболее сложным аспектом либертарно-юридической теории является вопрос о соотношении понятий правовой справедливости

¹ Поэтому характерной чертой общей теории права и государства, развиваемой с позиций либертарно-юридического подхода, является то обстоятельство, что дихотомия объекта исследования этой дисциплины, включающего в себя одновременно право и государство, преодолевается в рамках ее предмета таким образом, что государство предстает здесь как правовое государство.

и социальной справедливости¹, ставший предметом дискуссии среди ее сторонников. Хотя в работах В. С. Нерсесянца данная проблематика упоминается лишь вскользь, однако этого вполне достаточно для понимания его позиции, согласно которой так называемая социальная справедливость «может как соответствовать праву, так и отрицать его»². Более того, он сформулировал критерий, с помощью которого можно определить, соответствует ли та или иная трактовка социальной справедливости правовому подходу. Этот критерий можно обозначить как *принцип компенсации*.

Для пояснения правовой сути этого принципа надо обратиться к следующему очень важному высказыванию автора, на которое обычно обращают мало внимания. «Восходящее к Пифагору, а затем к Платону, Аристотелю и вплоть до наших дней представление о двух видах равенства, – писал он, – является ложным. Такое понимание равенства возникло в условиях неразвитого права. Правовое равенство (в каждое данное время в своем объеме и смысле) всегда одно. Деление же равенства на демократическое и аристократическое, уравнивающее и распределяющее, строгое и пропорциональное и т. п. является формой выхода за рамки правового равенства в сторону привилегий. (...) Разные характеристики равенства (пропорциональное, распределяющее и т. п.) остаются равенством лишь в тех пределах, в которых они не выходят за рамки правовой компенсаторности»³. Таким образом, принцип компенсации в теории В. С. Нерсесянца – это и есть правовой принцип, позволяющий отличить государственную или частную благотворительность (которая, по словам И. Канта, «...не имеет под собой принципа... но сводится к доброй воле в ее материальном выражении»⁴) от социальной политики государства, осуществляемой в границах права.

Когда В. С. Нерсесянец говорит о том, что подобное деление справедливости на распределяющую и уравнивающую есть «форма выхода за рамки правового равенства в сторону привилегий»,

¹ См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. С. 376–442.

² Нерсесянец В. С. Философия права. С. 48.

³ Эта важная мысль сформулирована в сносках к основному тексту в последней редакции учебников «Философии права» (М.: Норма, 2006. С. 509, примеч. 1) и «История политических и правовых учений» (М.: Норма, 2005. С. 78, примеч. 1).

⁴ Цит. по: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 231.

то он имеет в виду распределяющую справедливость, которая носит у Аристотеля аристократический характер, поскольку предполагает, что «лучший получает больше». По смыслу позиции В. С. Нерсесянца, такой подход не выходит за рамки права только в том случае, когда мы имеем дело с компенсацией тех экстраординарных (превосходящих средний уровень) усилий, которые «лучшие» вкладывают в общее дело. В современном обществе подобное перераспределение социальных благ в пользу «лучших» имеет место в тех случаях, когда получаемые ими льготы являются компенсацией либо их личных усилий, затраченных на получение выдающегося результата (премии для победителей творческих и научных конкурсов, льготы для ветеранов или героев войны и т. п.), либо уязвимости их социально значимого статуса (депутатский иммунитет и т. п.). В остальных ситуациях предоставление подобных преференций нарушает правовой принцип формального равенства, следовательно, ведет к привилегиям одних и дискриминации других. В современных условиях, когда социальные государства во всем мире сдают свои позиции в результате перераспределения их властных ресурсов в пользу транснациональных корпораций, предложенный В. С. Нерсесянцем подход к осмыслению правовой природы социального государства позволяет раскрыть неправовой характер процессов подобного ослабления государства как института, защищающего общее благо граждан от давления частного интереса корпораций и могущественных семейных кланов.

На основе либертарно-юридической теории В. С. Нерсесянцем разработана концепция цивилизма¹ как нового постсоциалистического общественного строя, основанного на равносправедливой десоциализации прежней общенародной собственности. Этому новому типу собственности соответствует и новый тип прирожденного и неотчуждаемого права каждого гражданина страны с момента его рождения на определенную и равную с другими долю доходов от введения бывшей социалистической собственности в рыночный оборот.

Эта концепция была обоснована автором в русле такого историко-философского подхода, с позиции которого социализм рассматривается

¹ *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма, 2001. Частично переиздано в кн.: Академик В. С. Нерсесянц. Философско-правовое наследие. С. 608–647; от *лат.* *civis* – гражданин.

в качестве закономерного этапа диалектического развития всемирной истории от капитализма как общества, основанного на частной собственности, через социализм как полное отрицание частной собственности (антикапитализм) к новому общественному строю, основанному на новом типе собственности – индивидуальной, т. е. персонализированной, но при этом не частной, собственности каждого гражданина страны.

Независимо от того, будет ли концепция цивилизма когда-нибудь воспринята российским обществом в качестве идейного ориентира для социально-экономического и политико-правового развития, она является важным теоретическим критерием для правовой оценки происходящих в стране процессов, а также представляет собой существенный вклад российской философии права в современный всемирный дискурс о путях посткапиталистического развития человечества. В этой концепции нашло свое теоретическое выражение извечное стремление человечества к свободе и равенству, которые, как показал В. С. Нерсесянц, возможны лишь в своем диалектическом единстве и в правовой форме.

Ученики – последователи академика В. С. Нерсесянца – в своей профессиональной деятельности с благодарностью продолжают заложенные им традиции. История государства и права обогатилась предложенной им периодизацией, основанной на прогрессе идеи формального равенства свободных индивидов. В курсах теории права и государства студентам обязательно расскажут о либертарно-юридической теории. В золотом фонде отечественной юридической литературы навсегда останутся труды В. С. Нерсесянца в области истории правовых учений и философии права. Это лишний раз подтверждает старую истину: идеи не умирают, а рукописи – не горят. И завещанием всем нам звучат строки:

Век – наш рок, навечно нас связавший
Тайной рода, звездною судьбой,
Век – наш Бог, уверенно сказавший:
«Время – жить. Труба зовет вас в бой»¹.

¹ *Нерсесянц В. С. Творемы. С. 15.*

ЛИТЕРАТУРА

Академик В. С. Нерсесянц. Философско-правовое наследие / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2023.

Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012.

Хайек Ф. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Юристы – профессора
Санкт-Петербургского университета
в Российской академии наук:
300 лет на службе отечественной науке**

В статье представлен обзор научного творчества выдающихся российских ученых – членов Российской академии наук, в разные периоды связанных с юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Ключевые слова: Академия наук, Санкт-Петербургский государственный университет, юридическая научная школа СПбГУ, 300-летие Российской академии наук, 300-летие Санкт-Петербургского университета.

Ekaterina A. Yatsuk, Oleg V. Anisimov

**Lawyers – Professors of St. Petersburg University
at the Russian Academy of Sciences:
300 years in the service for national science**

The article presents an overview of the scientific work of outstanding Russian scientists – members of the Russian Academy of Sciences, associated with the Faculty of Law of St. Petersburg State University in different periods.

¹ *Яцук Екатерина Александровна* – Санкт-Петербургский государственный университет, Научная библиотека имени М. Горького, заведующий юридическим отраслевым отделом имени Н. Г. Мацневой.

Ekaterina A. Yatsuk – St. Petersburg State University, Scientific Library named after M. Gorky, Head of the Legal Branch named after N. G. Matsneva.
e.yatsuk@spbu.ru

Анисимов Олег Викторович – Санкт-Петербургский государственный университет, Научная библиотека имени М. Горького, заведующий сектором юридического отраслевого отдела имени Н. Г. Мацневой, кандидат исторических наук.

Oleg V. Anisimov – St. Petersburg State University, Scientific Library named after M. Gorky, Head of the Sector at the Legal Branch named after N. G. Matsneva, Ph.D. (History).

o.v.anisimov@spbu.ru

© Е. А. Яцук, О. В. Анисимов, 2024

Keywords: Academy of Sciences, St. Petersburg State University, Law scientific school of St. Petersburg University, 300th anniversary of Russian Academy of Sciences, 300th anniversary of St. Petersburg University.

За свои 300 лет Санкт-Петербургский университет взрастил многих известных выпускников: нобелевских лауреатов, олимпийских чемпионов, президентов и государственных деятелей высшего уровня, выдающихся общественных и политических деятелей, представителей культуры и искусства. Здесь, в оплоте образования и науки, работали и работают блистательные ученые, в том числе сотрудники Российской академии наук (РАН), также отмечающей свое 300-летие, – академики, члены-корреспонденты, почетные члены. В данной статье кратко представим сведения о деятельности тех из них, кто в тот или иной период был связан с юридическим факультетом университета-юбилера.

Санкт-Петербургский университет был образован как часть триединой системы, не имевшей аналогов в Европе: Академия наук – академический университет – академическая гимназия. Пройдя сложный путь преобразований, с 1819 года университет развивался как организация, которую мы знаем сегодня. Вторая половина XIX века стала временем расцвета научно-образовательных возможностей, взлета петербургской научной школы и ее широкого признания как в России, так и за рубежом. На юридическом факультете в этот период сложилось созвездие замечательных ученых: П. Г. Редкин, Н. М. Коркунов, А. С. Бершадский, Л. И. Петражицкий, Л. Б. Дорн, В. В. Ефимов, И. А. Покровский, Д. Д. Гримм, В. И. Сергеевич, В. Н. Латкин, М. А. Дьяконов, С. В. Пахман, К. И. Малышев, Н. Л. Дювернуа, А. Х. Гольмстен, П. П. Цитович, А. П. Чебышев-Дмитриев, И. Я. Фойницкий, Н. С. Таганцев, А. А. Жижиленко, И. Е. Андреевский, А. Д. Градовский, И. А. Ивановский, М. М. Ковалевский, Ф. Ф. Мартенс, М. А. Таубе, М. И. Горчаков, В. Н. Бенешевич, Э. Н. Берендтс, П. И. Георгиевский.

После революции 1917 года необходимость существования юридических факультетов стала предметом дискуссий, приведших к их закрытию и образованию факультетов общественных наук (ФОН)¹. В 1925 году было получено разрешение на открытие факультета советского права, который просуществовал в стенах университета

¹ Факультеты общественных наук были созданы в советских университетах взамен ликвидированных юридических и историко-филологических факультетов для

до 1930 года. В 1930-е годы университет вступил в полосу изнурительных реорганизаций. Факультет советского права выделился в самостоятельный Ленинградский институт советского строительства и права, который состоял из двух факультетов – судебного факультета и факультета советского строительства. Позднее они образовали отдельные институты¹, а в 1941 году вновь объединились в Ленинградский юридический институт, который просуществовал до 1954 года.

В течение почти 15 лет юридическое образование существовало вне стен Ленинградского университета (ЛГУ). Идея возрождения юридического факультета в составе ЛГУ была озвучена в апреле – мае 1941 года. Тогда попытка не увенчалась успехом², однако еще до окончания Великой Отечественной войны юридический факультет был возрожден (новый учебный год начался в 1944 году), а в начале 1950-х годов к нему был присоединен и институт. Постепенно сложился крупный научно-образовательный центр – один из лидеров в области юриспруденции в стране. Центром советской цивилистики стала кафедра гражданского права. Свои научные школы сформировались на основе кафедр уголовного права и уголовного процесса, кафедры трудового права. Преподаватели юридического факультета сегодня активно участвуют в практической работе по разработке новых законодательных актов как федерального уровня, так и российских регионов.

разработки и распространения идей научного социализма и ознакомления широких масс с переменами в общественно-политическом строе страны. Юридические факультеты упразднили постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР от 23 декабря 1918 года, 3 марта 1919 года было принято положение о создании факультетов общественных наук. – *Здесь и далее примеч. ред.*

¹ Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) РСФСР от 20 апреля 1931 года «О подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского университетов были выделены самостоятельные институты советского строительства и институты права. При этом институты советского строительства подчинялись ВЦИКу, а институты права – Наркомату юстиции.

² По заявлению председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанова, тогда открытие юридического факультета в ЛГУ было признано нецелесообразным. См.: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета, 1917–1965: обзор архив. док. / под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 131. Здесь же см. переписку в январе – феврале 1944 года ректора ЛГУ А. А. Вознесенского с директором Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина В. М. Догадовым о возможности реорганизации института в факультет ЛГУ.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) бережно хранит память о юристах-универсантах – членах академического российского сообщества (академиках, членах-корреспондентах, почетных членах)¹. Продолжается изучение их биографий и научных трудов, многие положения которых актуальны и сегодня. Далее в кратком обзоре, составленном на основе архивных материалов с привлечением официальных интернет-источников² и литературы из фондов Научной библиотеки имени М. Горького СПбГУ (НБ СПбГУ), вспомним их имена и отметим вклад в отечественную и мировую науку.

1800-е годы

- К. А. Неволин** – член-корреспондент Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности (с 1853 года).
- Р. М. Губе** – почетный член Императорской Академии наук (с 1857 года).
- П. Г. Редкин** – почетный член Императорской Академии наук (с 1890 года).
- Ю. Э. Янсон** – член-корреспондент Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, разряд историко-политических наук (с 1892 года).
- А. Ф. Кони** – почетный член Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности (с 1896 года), почетный академик по разряду изящной словесности, учрежденному в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина (с 1900 года).

¹ Санкт-Петербургский университет в течение многих лет организует международную конференцию «Мартеновские чтения».

В 2023 году в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Общественные науки и развитие высшего образования», посвященной 300-летию Российской академии наук, в СПбГУ состоялся круглый стол «Философия права – мир „идей“ и мир „предметов“ (к 100-летию со дня рождения Д. А. Керимова)», был открыт бюст Д. А. Керимова в галерее юристов – членов РАН (галерея академиков), расположенной в здании юридического факультета на 22-й линии В. О., д. 7.

В течение 2024 года СПбГУ провел серию мероприятий, посвященных 180-летию А. Ф. Кони.

² Российская академия наук: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://new.ras.ru/>; Биографика СПбГУ: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/>.



*Портрет декана К. А. Неволина
из зала Ученого совета
юридического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Титульный лист докторской
диссертации К. А. Неволина¹*

Первым членом Императорской Академии наук (ИАН) из среды юристов Императорского Санкт-Петербургского университета стал *Константин Алексеевич Неволин* (1806–1855), избранный членом-корреспондентом по отделению русского языка и словесности в 1853 году.

К. А. Неволин – основатель историко-правовой науки в России, первый доктор права университета (после защиты диссертации «Рассуждение о философии законодательства у древних»). С 1843 года и почти до самой смерти он преподавал в университете на кафедре гражданских законов, общих, особенных и местных, а в 1847–1855 годах занимал должность декана юридического факультета. На юридическом,

¹ Здесь и далее, если не указано иное, иллюстрации из фондов Юридического отраслевого отдела Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

историко-филологическом и физико-математическом факультетах он читал курсы «История российского законодательства», «История российских гражданских законов, законы межевые и законы местные», «Действующие ныне в России общие гражданские законы», вел занятия в Императорском училище правоведения. Признавая однообразие и сухость лекций К. А. Неволлина, его современники в то же время отмечали глубину их содержания и огромную любовь, которую профессор питал к своим студентам¹.

Важнейшим трудом К. А. Неволлина стала двухтомная «Энциклопедия законоведения» (1839–1840): «...сочинение, подобного которому не было в то время не только на нашем языке, но которого в таком объеме не представляла, да и теперь еще не представляет ни одна иностранная литература. (...) Академия наук, в которую было представлено это сочинение на Демидовский конкурс, поручила сделать его разбор известному нашему юристу, профессору Энциклопедии законоведения (так в то время называлась одна из базовых юридических дисциплин. – Е. Я., О. А.) П. Д. Калмыкову; его прекрасная, отчетливая и вполне справедливая рецензия помещена в Отчете о десятом присуждении Демидовских наград. Разбор этого сочинения написал также проф[ессор] Штекгардт, и вследствие его разбора имя Неволлина, как замечательного юриста, сделалось известным в Германии. (...) Савиньи, учитель Неволлина, отозвался об Энциклопедии последнего с большим уважением»².

За трехтомную «Историю российских гражданских законов», изданную Императорской Академией наук в 1851 году и поднесенную императору, ординарному профессору Неволлину был пожалован бриллиантовый перстень, а Академия наук удостоила этот значимый труд, который ученый начал писать еще в 1843 году, полной Демидовской

¹ В предисловии к Полному собранию сочинений К. А. Неволлина известный российский юрист И. Е. Андреевский писал: «Строгая система, богатство мысли, поразительная начитанность – признаки лекции Неволлина. Он серьезно смотрел на свою аудиторию, и потому все, что в ней ни произносил, было обдуманно, приготовлено, было верно, отчетливо и притом свежо, знакомо с позднейшими исследованиями. Как профессор он обладал и еще замечательными достоинствами: непоколебимой справедливостью относительно своих слушателей и горячей к ним любовью». Цит. по: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 1–6: История российских гражданских законов. СПб.: тип. Э. Праца, 1857–1859. Т. 1. 1857. С. XVII.

² Там же. С. XIII–XIV.

премией. И. Е. Андреевский считал К. А. Неволлина создателем русской гражданско-правовой науки, поскольку его книга «представляет полное основание для курса Гражданского права, и это сочинение долго еще будет служить как богатейший материал, и долго еще будет обеспечивать хорошее, настоящее преподавание этого предмета в России»¹.

Увольнение К. А. Неволлина из университета из-за болезни было воспринято как огромная утрата: «...она чувствительна для нашего Университета, и... заменить такого человека совсем нелегко»². Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин, предлагая избрать Константина Алексеевича почетным членом университета, назвал его «опытным и глубоко ученым профессором, составлявшим украшение нашего Университета... снискавшим себе своими замечательными сочинениями известность в ученом мире»³. Совет Санкт-Петербургского университета единогласно поддержал это предложение⁴.

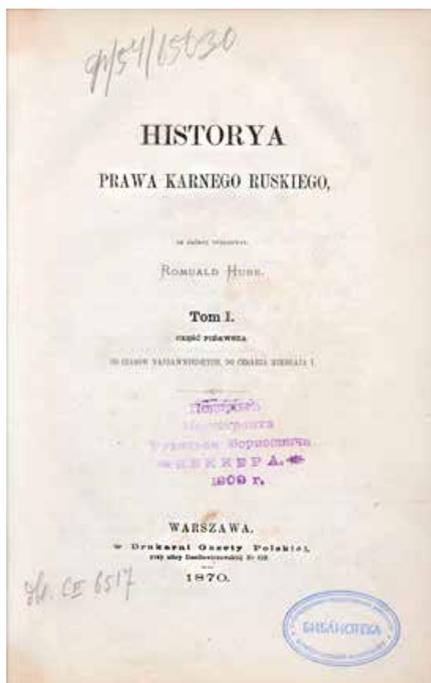
Почетный член ИАН с 1857 года *Ромуальд Михайлович Губе* (1803–1890) был выпускником, а затем преподавателем и ординарным профессором в Варшавском университете. В Петербургском университете он преподавал в 1841–1845 годах и, будучи профессором кафедры Законов Царства Польского, читал курсы «Административные законы Царства Польского», «Историческое обозрение законов Царства Польского», «Уголовные законы Царства Польского». Также он работал над изданием «Свода законов Российской империи». Р. М. Губе был привлечен к ревизии польских законов, в частности уложения о наказаниях, был председателем Кодификационной комиссии Царства Польского, входил в состав Государственного совета, хотя и не участвовал в его заседаниях, поскольку с 1861 года постоянно проживал в Варшаве.

¹ Цит. по: Полное собрание сочинений К. А. Неволлина... С. XVI.

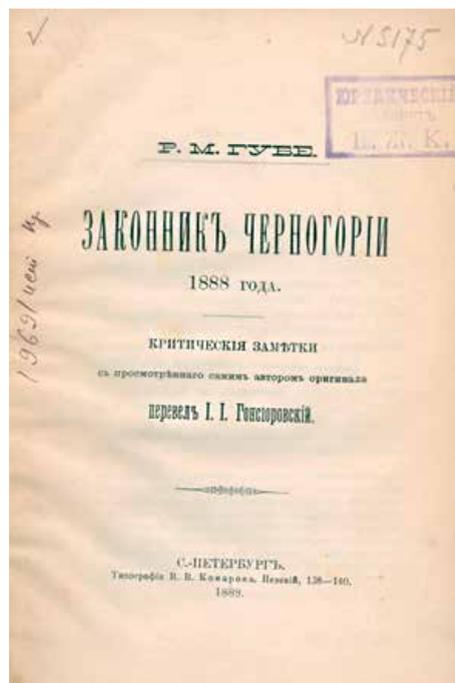
² Об увольнении ординарного профессора С.-Петербургского университета Неволлина за избранием в почетные чины, о его смерти и перемещении на его место ординарного профессора Казанского университета Мейера // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 5731. Л. 2.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 10–11.



Титульный лист первого тома
работы Р. М. Губе
«История русского уголовного права»
(на польском языке)
с оттиском книжного знака
магистранта Р. Б. Беккера



Титульный лист
сочинения Р. М. Губе
«Законник Черногории 1888 года»
с оттиском печати Юридического
кабинета Высших
(Бестужевских)
женских курсов

Наиболее плодотворными в научном плане были последние двадцать лет жизни Р. М. Губе. В этот период он опубликовал самый ценный из своих трудов – трилогию по истории польского права и законодательства¹. Р. М. Губе и сегодня является высочайшим научным авторитетом

¹ Hube R. Prawo polskie w wieku trzynastym [Польское право в XIII веке. Warszawa: staraniem i nakładem Redakcyi Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1874; *Idem*. Prawo polskie w 14-tym wieku: ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego [Польское право в XIV веке. Законодательство Казимира Великого]. Warszawa: staraniem i nakładem Redakcyi Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1881; *Idem*. Prawo polskie w 14 wieku: sądy ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku [Суды, их

в области истории польского права, хотя в Польше он неоднократно подвергался критике за работу на российское правительство¹.

Р. М. Губе внес весомый вклад не только в развитие истории права, но и в становление польской науки об уголовном праве. Первым шагом в этом направлении можно считать его речь «О теориях уголовного права» (O teoriach prawa kryminalnego), прочитанную в 1827 году по случаю юбилея Королевского Варшавского университета. Затем вышла статья «Истоки польского гражданского и уголовного законодательства вплоть до ягеллонских времен» (Wywód prawodawstwa polskiego cywilnego i kryminalnego aż do czasów jagiellońskich). В журнале Themis Polska («Польская Фемида»), который издавал Р. М. Губе, был опубликован ряд его статей по вопросам уголовного права и рецензии на зарубежные публикации, посвященные этой проблематике².

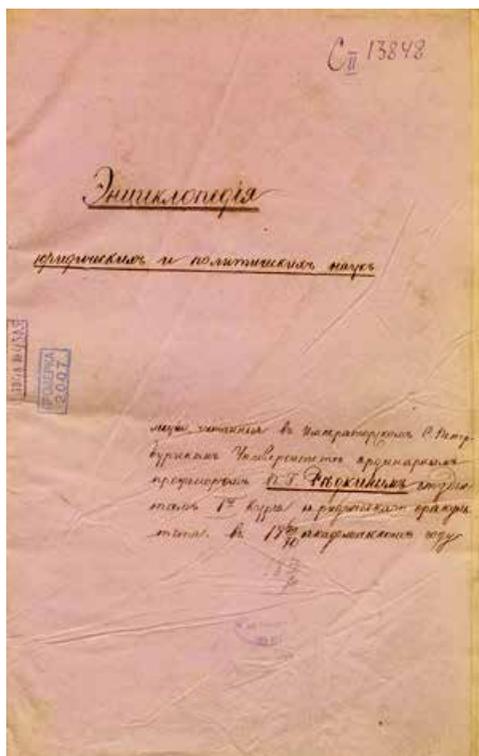
В исследовании 1830 года «Об истоках науки уголовного права в Польше» (O dawnych pisarzach prawa karnego w Polsce) Р. М. Губе показывает, что истоки науки об уголовном праве Польши следует искать в работах итальянских ученых XII века. Его значимыми работами также являются фундаментальный труд «Общие принципы уголовного права» (Ogólne zasady prawa karnego) (1830), первая часть неоконченного обширного «Исследования Уголовного кодекса 1818 года» (Studia nad kodeksem karnym 1818 r.) (1863), двухтомный труд, написанный на основе документов из архивов Государственного совета Российской империи и II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, «История русского уголовного права» (Historia prawa karnego ruskiego) (1870–1872), в которой рассматривается развитие русского уголовного права с древнейших времен до царствования императора Александра II³.

практика и правовые отношения общества в Польше конца XVI века]. Warszawa: nakład Redakcyi Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1886.

¹ Zgoliński I. Romuald Hube – pioneer in the teaching of polish criminal law // Probacja. 2022. Vol. 1. P. 22.

² Например: Hube R. Wykład zasad o usiłowaniu występku z zastosowaniem do Kodeksu karnego Król. Pol. [Лекция о покушении на преступление по Уголовному кодексу Царства Польского] // Themis Polska. 1828. Т. 1. S. 30–62; *Idem*. O działaniach bezprawnych ze względu na wolę osób działających [О противоправных действиях по воле действующего лица] // Themis Polska. 1828. Т. 4. S. 130–180.

³ Zgoliński I. Romuald Hube – pioneer in the teaching of polish criminal law. P. 15–38.



Титульный лист
записанных и литографированных
студентами лекций профессора
П. Г. Редкина



Первая страница
записанных и литографированных
студентами лекций профессора
П. Г. Редкина

Почетный член ИАН с 1890 года, доктор права, заслуженный профессор и ректор Санкт-Петербургского университета *Петр Григорьевич Редкин* (1808–1891), по замечанию одного из корифеев юридической науки Н. М. Коркунова, «не выработал законченного целостного учения о праве. Тем не менее, его преподавание имело огромное и благотворное влияние. До самого конца жизни он с поразительной неутомимостью следил за новыми явлениями литературы. Лекции старого профессора дышали всем обаянием новизны, современности. (...) Ему был дан полной мерой великий дар учителя»¹.

¹ Коркунов Н. Редкин, Петр Георгиевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894: [в 2 т.]. Т. 2: М–Я. СПб.: тип. и литогр. Б. М. Вольфа, 1898. С. 167. (В названии словарной статьи отчество указано ошибочно.)

Выпускник Дерптского университета П. Г. Редкин в 1830–1834 годах прошел обучение в Берлинском университете по специальной программе для русских студентов, составленной М. М. Сперанским и Ф. К. фон Савиньи. По возвращении на родину он успешно выдержал испытание на получение степени доктора права, которое производилось по особой программе, учрежденной по Высочайшему повелению комиссией, состоявшей из профессоров юридического факультета Петербургского университета и старших чиновников II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Необходимо было публично защитить тезисы из разных областей правоведения. Вторично его докторский диплом был подтвержден 8 июня 1844 года после защиты диссертации об уголовной кодификации.

П. Г. Редкин – издатель первого в России научного юридического журнала «Юридические записки», один из учредителей основанного в 1877 году и внесшего большой вклад в развитие юридической теории и практики Юридического общества при Санкт-Петербургском университете.

С 1863 до 1878 года П. Г. Редкин – ординарный профессор на кафедре энциклопедии права Петербургского университета. На юридическом факультете он читал курс «Энциклопедия юридических и политических наук», на историческом – «История философии права». Н. М. Коркунов, читавший в университете тот же курс после П. Г. Редкина, отмечал: «Пятнадцать чередующихся одно за другим поколений молодежи с чутким, жадным вниманием слушали любимого учителя. (...) В его любви к „нашей науке“, как он называл энциклопедию права, в его преданности призванию учителя была какая-то сила, невольно покорявшая ум и увлекавшая за собой. Чем иначе объяснить, что в тревожное время шестидесятых и семидесятых годов университетская молодежь, так увлекавшаяся тогда политическими и социальными вопросами, толпилась у кафедры, с которой ей во всех деталях и с строгой методичностью излагали теологизирующую систему Шталя и панентеизм Краузе?»¹

В научном плане П. Г. Редкин «балансирует» между школой Гегеля, к которой принадлежал с юности, и позитивизмом, к которому тяготел позднее, из-за чего «в лекциях Редкина раскрывался не генезис реаль-

¹ Коркунов Н. Редкин, Петр Георгиевич... С. 164.

ных явлений исторического развития положительного права, а только генезис понятий правды и справедливости. Потому и курс энциклопедии сводился у Редкина к изложению, собственно, развития философских учений о праве»¹.

В 1873–1876 годах П. Г. Редкин являлся ректором университета, а после ухода с этой должности был назначен председателем Департамента уделов Министерства императорского двора, с 1882 года – членом Государственного совета Российской империи.

Петр Григорьевич активно интересовался педагогикой и на протяжении многих лет возглавлял Петербургское педагогическое общество, а также созданное по его инициативе Фребелевское общество, являлся членом Совета Петербургского комитета грамотности, издавал «Библиотеку для воспитания». Под конец жизни П. Г. Редкин подготовил издание своих лекций, последний том которого вышел уже после его смерти – в 1891 году².

Член-корреспондент ИАН с 1892 года по историко-филологическому отделению (по разряду историко-политических наук), известный экономист и статистик, заслуженный ординарный профессор *Юлий Эдуардович Янсон* (1835–1893) был приглашен в Санкт-Петербургский университет спустя 10 лет после выпуска (1855) из Императорского университета святого Владимира в Киеве.

Всю жизнь он преподавал на кафедре политической экономии: был приват-доцентом, экстраординарным профессором, последние двадцать лет – ординарным профессором. Ю. Э. Янсон читал курсы и вел практические занятия по политической экономии, теории статистики, сравнительной статистике, статистике населения, в 1876–1888 годах занимал должность декана юридического факультета Петербургского университета, а во время отпуска ректора университета А. Н. Бекетова неоднократно замещал его в этой должности.

В выступлении П. И. Георгиевского на заседании, посвященном памяти Ю. Э. Янсона, в Русском обществе охранения народного здоровья отмечалось, что «как ученый-педагог он мог служить высоким примером своим слушателям. Горячо любя свою науку, он отдавал ей

¹ Там же. С. 165.

² *Редкин П. Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П. Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще: в 7 т. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1889–1891.



*Портрет декана
Ю. Э. Янсона
из зала Ученого совета
юридического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Титульный лист одного
из основных трудов Ю. Э. Янсона
с дарственной надписью
профессору И. Я. Фойницкому*

все свое время, и едва ли кто, приходя к нему, заставал его иначе, как склонивши[мся] над рядами цифр за его рабочим столом. Лекции его, при строго научной, сжатой подчас, может быть, несколько сухой форме изложения, всегда отличались богатством содержания. Он, кроме того, заботился о возможно успешном усвоении науки слушателями и с этой целью организовал так называемые статистические семинарии по примеру иностранных, устроил статистический кабинет при Университете, в который пожертвовал значительную часть своей богатой библиотеки еще при жизни и выразил желание, чтобы передана была после смерти туда же и остальная часть, что исполнено уже его наследниками, так что статистический кабинет является богатейшим в России

книгохранилищем по статистике»¹. Эта библиотека носила название «Янсоновский отдел».

Тем не менее Ю. Э. Янсон не был исключительно кабинетным ученым – он интересовался проблемами общества и откликался на них своими научными трудами по таким темам, как хлебная торговля, крестьянское землевладение, помощь бедным и др. Он издавал «Статистические ежегодники Санкт-Петербурга», организовал статистическое отделение при городской управе, проводил переписи населения столицы, участвовал в подготовке проекта организации Всероссийской переписи населения 1897 года.

Ключевой труд Ю. Э. Янсона – двухтомник «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств» – не имел аналогов в России, а если говорить об обширности привлеченного материала, точности и достоверности вычислений и выводов, то в определенной степени и превосходил аналогичные иностранные издания². Не меньшее значение имела и другая его работа – «Теория статистики» (1891), третье издание которой ИАН удостоила полной премии и золотой медали имени графа Толстого. По отзывам коллег, эта работа «представляет собою – по глубине анализа, по обширности содержания, по разнообразию переработанного материала, одно получение которого сопряжено было с весьма значительными трудностями, – такой капитальный труд, такой вклад в науку, подобного которому не имеется во всей иностранной литературе, почему и было высказано предложение со стороны немецких ученых перевести это сочинение на немецкий язык»³.

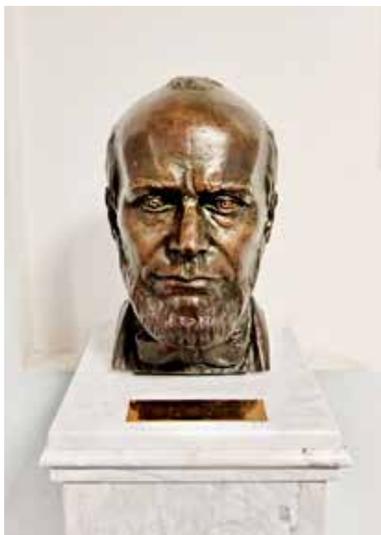
Ю. Э. Янсон действительно был ученым мирового уровня: он неоднократно принимал участие в зарубежных статистических конгрессах, был одним из организаторов сессии Международного статистического конгресса в Петербурге, с 1885 года являлся членом Международного статистического института.

¹ Георгиевский П. И. Профессор Юлий Эдуардович Янсон, как ученый и как общественный деятель: речь проф. П. И. Георгиевского, произнесенная в торжественном заседании Русского общества охран. нар. здоровья, посвященном памяти Юлия Эдуардовича Янсона, 13 марта 1893 г. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1893. С. 6.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 5–6.

Имя выдающегося юриста, общественного деятеля, литератора *Анатолия Федоровича Кони* (1844–1927) известно даже тем, кто далек от юриспруденции. Работы А. Ф. Кони снискали ему славу талантливого публициста и литератора, а его воспоминания о государственных деятелях и событиях эпохи являются важнейшим историческим источником. Все это в совокупности с последовательной защитой положений и достижений судебной реформы 1864 года, борьбой с их пересмотром, принципиальными высказываниями по значимым юридическим вопросам делает фигуру А. Ф. Кони, «воспитанника великих Уставов Императора Александра II», одной из важнейших для российского общества и спустя почти столетие после его смерти.



*Бюст А. Ф. Кони
в галерее академиков
Санкт-Петербургского
государственного
университета*



*Диплом А. Ф. Кони об утверждении
в звании почетного члена Императорского
Петроградского университета
31 декабря 1915 года // ЦГИА СПб. Ф. 14.
Оп. 1. Д. 11122. Л. 9*

Профессиональная и общественная деятельность А. Ф. Кони были тесно связаны с Императорским Санкт-Петербургским университетом, хотя высшее юридическое образование он получил в Москве. Поначалу А. Ф. Кони учился в Петербурге и успел прослушать около двадцати лекций на физико-математическом факультете, однако в декабре 1861 года

университет был закрыт вследствие студенческих беспорядков. В своих воспоминаниях А. Ф. Кони упоминает два эпизода, которые подвигли его предпочесть юриспруденцию математике. Во-первых, знакомые его отца, чиновники Министерства внутренних дел, в один из визитов в их дом горячо обсуждали предстоящую судебную реформу и перспективы обновления государственной жизни страны, которые она открывает. Во-вторых, начав собирать юридическую литературу (ранее юридических книг в его доме не было), Анатолий Кони прочел книгу Д. И. Мейера «Русское гражданское право», которая и решила его судьбу.

В своем прошении, поданном 3 мая 1862 года ректору А. А. Воскресенскому, он писал: «Желая перейти с Естественного разряда Физико-Математического факультета на Административный разряд Юридического факультета, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о переводе моем на Административный факультет, тем более что я в продолжение всего этого учебного года слушал бывшие лекции по этому факультету»¹. В составе юридического факультета Петербургского университета с 1840-х годов существовало камеральное отделение, где готовили юристов-практиков. Здесь сочетали преподавание основных юридических дисциплин и предметов, которые читали и на физико-математическом факультете, но в сокращенном объеме. В 1860 году камеральное отделение было преобразовано в административное, однако в полную силу оно заработало только после 1863 года, из-за чего прошение Кони не было удовлетворено.

10 июля 1862 года он просил комиссию для управления Санкт-Петербургским университетом о переводе в Московский университет: «...честь имею объявить, что я поступил в Санкт-Петербургский университет в мае месяце 1861 г., находился на первом курсе Административного разряда Юридического факультета, слушал публичные лекции из предметов первого и второго курса и теперь желаю перейти в Императорский Московский Университет для окончания курса»². Резолюции на этом документе показывают, что в администрации университета прошение вызвало недоумение. Налицо было противоречие: соответствующее свидетельство ему было выдано как студенту

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2020. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

физико-математического факультета, доказательства учебы А. Ф. Кони на юридическом факультете отсутствовали. Впрочем, другая резолюция – «Принят в число стипендиатов Московского университета» – свидетельствует, что прошение бывшего петербургского студента А. Ф. Кони было удовлетворено.

После окончания университета А. Ф. Кони стал продвигаться по судебному ведомству, сменив в короткий срок ряд должностей: помощник секретаря по уголовному департаменту Санкт-Петербургской судебной палаты, секретарь прокурора Московской судебной палаты, товарищ прокурора Сумского, затем Харьковского окружного суда, товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, Самарский губернский прокурор, прокурор Казанского окружного суда и Санкт-Петербургского окружного суда. В 1877 году его назначили председателем Санкт-Петербургского окружного суда, на одном из заседаний которого он не смог «засудить» В. И. Засулич, за что впал в немилость.

В 1881 году А. Ф. Кони стал председателем Гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты, а через четыре года достиг высшей прокурорской должности того времени – он стал оберпрокурором уголовного кассационного департамента. В 1907 году вошел состав Государственного совета Российской империи.

А. Ф. Кони был соучредителем и активным деятелем Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. В 1916 году он был избран его председателем и оставался на этом посту до прекращения работы общества в 1917 году. На заседаниях общества он сделал доклады «Об условии публичности заседаний уголовных и гражданских судов», «О задачах русского судебного-медицинского законодательства», «О литературной и художественной экспертизе как уголовном доказательстве» и др. Здесь была прочитана публичная лекция «О тюремном враче-филантропе Гаазе» и произнесены речи «О Достоевском как криминалисте», «Судебные места Парижа, Санкт-Петербурга и Москвы в их нынешней истории», «О судебной деятельности и заслугах Д. А. Ровинского» и др.

В 1924 году в честь 80-летнего юбилея А. Ф. Кони преподнесли адрес от имени университета, в нем было сказано в частности следующее: «Юридическое общество при Петербургском университете непрерывно стремилось к водворению у нас законности и права – права в единственно достойном смысле – правды и справедливости; во главе с Вами

Юридическое общество не уставало мужественно бороться в самые тяжелые и суровые годы...»¹.

В 1897 и 1901 годах А. Ф. Кони приглашали читать лекции на юридическом факультете Петербургского университета, однако реализовать тогда это намерение не получилось. Тем не менее в 1915 году университет избрал его своим почетным членом, отметив тем самым заслуги ученого как защитника Судебных уставов 1864 года, автора воспоминаний и очерков об участниках проведения судебной реформы при Александре II.

Профессором Петроградского университета по кафедре уголовного права А. Ф. Кони стал только в конце ноября 1918 года. Юридического факультета тогда уже не было – его место занял ФОН, где создали правовое отделение. Превозмогая возраст и болезни, А. Ф. Кони проводил занятия для студентов профессионально и творчески. Цени старания прославленного правоведа, студенты добились выделения для него персонального транспорта – на занятия в университет ученого привозили на специально присланной бричке. Однако уже в следующем году Анатолий Федорович все же был вынужден прекратить лекции, оставшись на какое-то время членом Правового научно-исследовательского института при Петроградском университете. За десять послереволюционных лет А. Ф. Кони, помимо университета, прочитал около тысячи публичных лекций в других научных и учебных заведениях².

Общественная и литературная деятельность А. Ф. Кони была отмечена Академией наук: в 1896 году он был избран почетным членом, а в 1900 году – почетным академиком (по разряду изящной словесности, учрежденному в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина).

1900-е годы

М. М. Ковалевский – член-корреспондент Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, разряд историко-политических наук (с 1899 года); ординарный академик по историко-филологическому отделению (государственное право, с 1914 года).

¹ Цит. по: Анисимов О. В. «Лучшими мечтами души мы жили в университетских стенах» // Санкт-Петербургский университет. 2024. № 5. С. 50.

² Там же. С. 52.

- М. И. Горчаков** – член-корреспондент Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, разряд историко-политических наук (с 1902 года).
- Ф. Ф. Мартенс** – член-корреспондент Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, разряд историко-политических наук (с 1908 года).
- М. А. Дьяконов** – ординарный академик по историко-филологическому отделению, разряд историко-политических наук (с 1912 года).
- Н. С. Таганцев** – почетный член Российской академии наук (с 1917 года).
- В. Н. Бенешевич** – член-корреспондент Российской академии наук по отделению исторических наук и филологии, разряд исторических наук (история, с 1924 года).
- А. В. Венедиктов** – действительный член Академии наук СССР по отделению экономических, философских и правовых наук (право, с 1958 года).
- Д. А. Керимов** – член-корреспондент Академии наук СССР по отделению общественных наук (секция философии, социологии, психологии и права, с 1966 года).

Выдающийся юрист, основоположник отечественной социологии, видный общественный деятель *Максим Максимович Ковалевский* (1851–1916) был избран членом-корреспондентом ИАН в 1899 году по историко-филологическому отделению (разряд историко-политических наук), в 1914 году – ординарным академиком по тому же отделению, но по новому разряду – государственное право.

Окончив юридический факультет Харьковского университета, М. М. Ковалевский отправился за границу, где слушал лекции в университетах Германии и Франции, познакомился с известными учеными в Англии, много работал в библиотеках и архивах. Результатом этой работы сначала стала его магистерская диссертация «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III», а затем и докторская диссертация «Общественный строй Англии в конце Средних веков». Обе диссертации М. М. Ковалевский защитил в Московском университете, где

В 1887 году московский период закончился увольнением за критику самодержавия – М. М. Ковалевскому было запрещено преподавать в российских учебных заведениях. Почти двадцать лет он прожил за границей. «Там – в Англии, Франции, Швеции и даже Америке – для русского ученого нашлись и кафедры, и успех, и заслуженное уважение, но мысль его была постоянно обращена к родине. Он вернулся домой при первой возможности свободно приступить к любимому и самому разнообразному просветительскому труду»¹.

В петербургский период (с 1905 года) М. М. Ковалевский как профессор кафедры государственного права столичного университета читал лекции по конституционному праву, государственному праву иностранных держав, в частности Англии, Франции, Бельгии и Германии, по истории государственных учреждений. Помимо этого, он преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Санкт-Петербургском Политехническом институте императора Петра Великого.

В 1907 году он был избран в члены Государственного совета, где разрабатывал вопросы, касающиеся аграрной политики, отношения церкви к государству, свободы совести, страхования рабочих, прав законодательных учреждений и другие, состоял в Комиссии законодательных предположений².

Уникальный в своем роде ученый, доктор права и доктор богословия *Михаил Иванович Горчаков* (1838–1910), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии и юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1902 году был избран членом-корреспондентом ИАН по историко-филологическому отделению (разряд историко-политических наук). К этому времени он был признанным специалистом в области истории церкви и канонического (церковного) права, к которому относился как к части юриспруденции.

М. И. Горчаков защитил три магистерских (по церковному праву, государственному праву и богословию) и две докторских (по церковному праву и богословию) диссертации³. За три из этих работ

¹ Кони А. Ф. М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. Пг.: типо-лит. акц. о-ва «Самообразование», 1916. С. 18. См. также с. 109–127 наст. изд.

² О М. М. Ковалевском см. также с. 147–159 наст. изд.

³ См., например: *Горчаков М. И.* Монастырский приказ (1649–1725 г.): опыт историко-юридического исследования. СПб.: тип. А. Траншеля, 1868; *Его же.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (938–1738):



*Портрет декана М. И. Горчакова
из Зала Ученого совета юридического
факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Титульный лист
литографированных лекций
М. И. Горчакова
по церковному праву*

М. И. Горчаков был удостоен Академией наук Уваровской премии (в 1869, 1872 и 1883 годах).

М. И. Горчаков – основоположник церковного права как научной и учебной дисциплины в Петербургском университете. Он долгое время возглавлял кафедру церковного права, которая подготовила многих

из опытов исследования в истории русского права. СПб.: тип. А. Траншеля, 1871; *Его же*. О тайне супружества: происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы Печатной Кормчей Книги: исследование по истории русского церковного права. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1880, и др.

выдающихся ученых в этой области знания, например, будущего члена-корреспондента РАН В. Н. Бенешевича. В течение сорока лет работы в университете профессор Горчаков читал лекции и вел практические занятия по церковному праву (учебные курсы «Отношения между церковью и государством» и «История Византийского права»), он неоднократно исполнял обязанности декана юридического факультета.

Помимо преподавания, деятельности, связанной с церковью, М. И. Горчаков был активен и в общественной жизни. По его инициативе было создано Общество вспомоществования бывшим воспитанницам Мариинского института, он был почетным членом Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Костромской духовной семинарии, на протяжении тридцати пяти лет занимал должность директора Санкт-Петербургского тюремного комитета – «...организации, защищавшей права арестантов, заботившейся о медицинском и библиотечном обслуживании в столичных тюрьмах, об улучшении быта содержащихся там людей. Уже после смерти Михаила Ивановича в его личном архиве были обнаружены благодарственные письма арестантов, в том числе и бывших студентов, которым так или иначе помог профессор»¹.

В сфере научных интересов М. И. Горчакова был и вопрос реформирования церковного суда², «он отстаивал разделение церковной судебной власти и государственной судебной власти, считая, что судебная власть церкви должна соответствовать существу и назначению церкви, а отправление уголовного и гражданского правосудия как по отношению к мирянам, так и по отношению к священнослужителям является прерогативой государства. (...) Своеобразным откликом на статью профессора М. И. Горчакова стал диспут о церковном суде в романе Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“, в котором сам Михаил Иванович представлен как „одно духовное лицо“»³.

¹ Мацнева Н. Г. На службе обществу и людям // Санкт-Петербургский университет. 2019. № 3. С. 53.

² См., например: Горчаков М. И. Научная постановка церковносудного права // Сборник государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. Т. 2. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1875. С. 223–270.

³ Мацнева Н. Г., Яцук Е. А. Императорский Санкт-Петербургский университет и судебная реформа Александра II: историко-правовой очерк. СПб.: Лема, 2020. С. 28–29.

Будучи избранным в 1906 году в Государственный совет, М. И. Горчаков серьезно погрузился в законотворческий процесс, и «последним делом его жизни стала борьба за принятие закона „Об отмене ограничений, политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием церковного сана или звания“, направленного против весьма жестких правовых последствий для указанных лиц. Эти лица должны были покинуть место жительства, что было совсем не просто сделать тем, кто был обременен семьей и детьми. Такие лица не могли быть приняты на государственную службу (в том числе на работу в школах, почтовых отделениях, в статистическом ведомстве), лишались всех почетных званий и наград, понижался их сословный статус, а в ряде случаев они могли быть отданы в солдаты. (...) В конце концов законопроект, который в последние свои дни отстаивал Михаил Иванович, был принят Государственным советом большинством голосов. Однако законом он не стал, поскольку император так и не подписал его»¹.

Член-корреспондент ИАН с 1908 года, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета *Федор Федорович Мартенс* (1845–1909) был выдающимся дипломатом, международным арбитром, автором важнейшего принципа права вооруженных конфликтов, названного его именем, а также неоднократным кандидатом на получение Нобелевской премии мира и, вероятно, самым известным российским юристом в мире.

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Ф. Ф. Мартенс защитил там магистерскую («О праве частной собственности во время войны», 1869) и докторскую («О консулах и консульской экспедиции на Восток», 1873) диссертации. Исследование 1869 года стало первым в русской литературе специальным научным трудом, посвященным проблемам международного военного-гуманитарного права, в котором автор «...собрал, систематизировал, проанализировал и... ввел в отечественный научный оборот огромный фактический и доктринальный материал, обнаруженный им в многоязычных научных публикациях иностранных ученых»². До сих пор читателей «поражают глубина и масштабность, эрудированность и добросовестность молодого исследователя. И не случайно книга магистранта

¹ *Мацнева Н. Г.* На службе обществу и людям. С. 53–54.

² *Иваненко В. С.* Непреходящее значение оговорки Мартенса, ее истоки, причины и последствия: взгляд из России [Электронный ресурс] // Международный комитет



*Бюст Ф. Ф. Мартенса
в галерее академиков
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Титульный лист
магистерской работы
Ф. Ф. Мартенса*

Ф. Ф. Мартенса вошла в историю литературы международного права как книга „профессора Мартенса“¹.

В 1873 году Ф. Ф. Мартенс занял кафедру международного права в качестве приват-доцента, затем экстраординарного профессора, через несколько лет стал ординарным профессором, с 1897 года и до конца жизни был заслуженным профессором. В 1882 году вышел в свет его фундаментальный курс «Современное международное право цивилизованных народов» – уникальное явление не только в немногочисленной отечественной литературе по международному праву, но и в более обширной зарубежной. Недаром это сочинение неоднократно

Красного Креста. 24.08.2022. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/neprehodyashchee-znachenie-ogovorki-martensa-eyo-istoki-prichiny-i-posledstviya-vzglyad-iz> (дата обращения: 02.11.2024).

¹ Там же.

переиздавалось в России, долгое время служило базовым учебником в российских университетах, а благодаря своей энциклопедичности и оригинальности также было переведено на французский, немецкий, испанский, персидский, японский и другие языки.

Ф. Ф. Мартенс оставил после себя учеников, ставших известными юристами-международниками (в том числе за рубежом, где некоторые из них оказались после революции 1917 года) и внесших значительный вклад в развитие науки международного права: А. Н. Мандельштама (1869–1949), Б. Э. Нольде (1876–1948), А. А. Пиленко (1873–1956), М. А. Таубе (1869–1961). О признании авторитета этих ученых в мировой науке может свидетельствовать, например, тот факт, что их приглашали читать курсы в основанную в 1923 году Гаагскую академию международного права¹. Несомненно, в этом успехе имеется большая заслуга их наставника.

Научная и преподавательская деятельность Ф. Ф. Мартенса изначально переплеталась с его занятиями в Министерстве иностранных дел, а «университетская теория давала возможность освещать наиболее запутанные вопросы в повседневной международной практике, данные которой, в свою очередь, помогали контролировать – подкрепляли или изменяли – построения еще молодой, сравнительно, науки международного права»². Основной задачей Ф. Ф. Мартенса в министерстве стало издание сборника всех международных договоров, заключенных Россией. Реализации этого колоссального проекта он посвятил более трех десятилетий (1874–1909), а результатом стало 15-томное издание, в котором каждому документу предшествовал научно-практический комментарий. Как отмечал один из учеников и последователей ученого, «уже одна эта созданная покойным Ф[едором] Ф[едоровичем] историко-дипломатическая энциклопедия русских внешних сношений могла и должна была выделить его имя среди рядовых работников в области теории и практики международного права»³.

¹ Некоторые лекции учеников Ф. Ф. Мартенса см., например, на сайте Гаагской академии: The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne // Brill: [website, Electronic resource]. URL: <https://referenceworks.brill.com/display/db/haco> (date of access: 02.11.2024).

² Таубе М. А. Ф. Ф. Мартенс (1845–1909): некролог. СПб.: Сенат. тип., 1909. С. 8.

³ Там же. С. 9.

С 1874 года Ф. Ф. Мартенс стал постоянным участником различных международных конференций и конгрессов: Брюссельской конференции по кодификации законов и обычаев войны (1874), конференций Красного Креста (с 1884), Брюссельской конференции 1890 года, конференций частного международного права в Гааге, Гаагских мирных конференций (1899 и 1907) и др.

Вершиной дипломатического мастерства Ф. Ф. Мартенса стала Первая конференция мира, созванная по инициативе России в 1899 году. По замечанию М. А. Таубе, «если иностранный историк первой Гаагской конференции постоянно говорит нам то о *présidence tout-à-fait remarquable* [„выдающемся председательстве“], то о *magistral discours* [„великолепной речи“], то о *habilité, courage et fermeté* [„умении, смелости и стойкости“] Ф. Ф. Мартенса, – которые то тут, то там спасали дело конференции, – то, вероятно, сыгранная им в 1899 г. в Гааге роль была не из мелких!»¹

В преамбулу Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года вошла формулировка предложенного Федором Федоровичем принципа, получившая наименование «оговорка Мартенса» (*Martens clause*)². «Этот принцип охватывает своим регулирующим действием те военные ситуации, которые возникают в ходе боевых действий конфликтующих сторон и оказываются не урегулированными нормами действующих международных и внутригосударственных правовых норм. В этом его гуманистическая суть и назначение. Все это еще раз подтверждает особую роль Мартенса в становлении международного гуманитарного права, т. е. международного права, применяемого для защиты человека во время войны. (...) Оговорка Мартенса получила широкое международное признание и вошла в международное право, в целый ряд международных актов в виде

¹ Таубе М. А. Ф. Ф. Мартенс... С. 11.

² «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полное Положение о законах войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» (Цит. по: Иваненко В. С. Непреходящее значение оговорки Мартенса...).

отдельного положения либо с определенными редакционными поправками и уточнениями, либо эволюционировала в сторону расширения субъектов своей защиты»¹.

С 1874 года Ф. Ф. Мартенс состоял членом Института международного права в Генте, а в 1885 году был избран его вице-президентом. Иностранные государства неоднократно обращались к нему как к «бесспорному авторитету» для посредничества при разрешении конфликтов (Франция и Англия, Англия и Нидерланды, Англия и Венесуэла, США и Мексика и иные страны приглашали его третейским судьей для разрешения территориальных вопросов, споров о нарушении прав подданных и т. д.).

Ф. Ф. Мартенс был автором юридической литературы, изданной как на русском, так и на иностранных языках. О нем и его правовых идеях также написано много работ. В этой связи нельзя не упомянуть впервые предпринятый в 2021–2022 годах перевод на английский язык его труда «Современное международное право цивилизованных народов»², а также работы преподавателей СПбГУ – последователей Ф. Ф. Мартенса³.

Историк русского права *Михаил Александрович Дьяконов* (1856–1919), выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, был связан с Академией наук на протяжении 14 лет: в 1905 году он был избран адъюнктом (по истории и древностям русским), в 1909 году – экстраординарным академиком, а в 1912 году – ординарным академиком ИАН⁴. В университете же он защитил

¹ Там же.

² *Martens F. F. Contemporary international law of civilized peoples: General part / ed. and transl. by W. E. Butler. Clark, New Jersey: Talbot Publishing, 2021; Idem. Contemporary international law of civilized peoples: Special part / ed. and transl. by W. E. Butler. Clark, New Jersey: Talbot Publishing, 2022.*

³ См., например: *Иваненко В. С.* Санкт-Петербургская школа международного права: место и роль Санкт-Петербургского университета, его ученых и выпускников в становлении и развитии науки и практики международного права. Часть первая. 1720–1920-е гг. 3-е изд. СПб.: изд-во СПбГУ, 2024. Автор – доцент кафедры международного права СПбГУ В. С. Иваненко (1946–2024) – за эту монографию был удостоен премии имени Ф. Ф. Мартенса в 2022 году.

⁴ Дьяконов, Михаил Александрович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук: в 2 т. Пг.: тип. Имп. Акад. наук, 1915–1917. Т. 1: А–Л. 1915. С. 275.



*Титульные листы книг
из личной библиотеки М. А. Дьяконова
с оттисками его книжного знака*

магистерскую и докторскую диссертации (соответственно: «Власть Московских государей», 1889, и «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв.», 1900). Представляя диссертацию на соискание степени доктора права, М. А. Дьяконов подчеркнул, «что настоящий его труд не является вполне систематическим, законченным трудом, что цельную историю крестьянства России одному человеку написать немислимо и что такая история может создаться только из отдельных трудов за многие годы многих лиц»¹. Оппоненты – профессор И. А. Ивановский и приват-доцент В. М. Гессен, отметив ряд неточностей в представленной работе, подвергли ее критике в части методологии (автор, «будучи юристом, глав-

¹ Диспут М. А. Дьяконова // Исторический вестник. 1900. Т. LXXIX. С. 1225.

ное внимание обратил не на правовые нормы древней Руси, а на быт»), что, тем не менее, не помешало признать диспутанта «достойным иско-мой степени доктора истории русского права»¹.

В разные годы М. А. Дьяконов преподавал в Императорском Юрьевском университете, в Петроградском политехническом институте императора Петра Великого, Военно-юридической академии, на Высших женских (Бестужевских) курсах. В течение пяти лет он служил в Министерстве финансов чиновником особых поручений. В Петербургском университете Михаил Александрович работал в 1907–1912 и в 1918–1919 годах, читал на кафедре истории русского права курсы «История русского уголовного и гражданского права» и «История русского права до XVIII в.».

М. А. Дьяконов – один из крупнейших специалистов по истории Древней Руси и древнерусского права. Он обосновал тезис, согласно которому закрепощение крестьян произошло не в результате введения соответствующих юридических норм, но было итогом усиления положения землевладельцев вследствие сложившихся социально-экономических условий в стране. Основывая свои работы на глубоком изучении исторических источников, он оказал большое влияние на развитие историографии. Среди его важнейших трудов – «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве» (вып. 1–2, 1895–1897), «Очерки общественного и государственного строя древней Руси» (1907). М. А. Дьяконов написал несколько десятков статей для энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, а также выступал редактором исторического отдела издания.

Велики заслуги М. А. Дьяконова и в организации библиотечной работы в России, он «один из выдающихся руководителей Библиотеки Академии наук (1916–1919), Постоянной библиотечной комиссии РАН (1915–1919) и в целом библиотечного дела в России. (...) Занимаясь административными и научно-организационными делами и проблемами Библиотеки Академии наук, академик М. А. Дьяконов ревностно выполнял возложенные на него обязанности. Так, в ноябре 1917 г. по решению Общего собрания Академии наук он вместе с академиком А. А. Шахматовым вошел в состав Совета Российской публичной библиотеки в качестве представителя Академии наук и активно отстаивал ее

¹ Там же. С. 1226.

автономию. (...) В 1918–1919 гг. Михаил Александрович активно участвовал в проведении реформы библиотечного дела в стране: представлял Академию наук на 1-м и 2-м государственных совещаниях (Москва, июль 1918 г.) по централизации библиотечного дела и введению швейцарско-американской системы в России, созданию сводного каталога, обмену книгами между библиотеками и пополнению библиотек иностранными изданиями»¹.

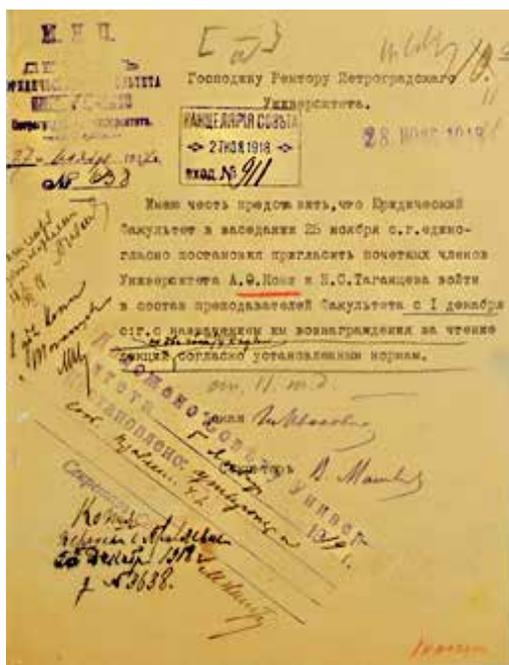
Основоположник отечественной науки об уголовном праве, заслуженный профессор, ярый противник смертной казни *Николай Степанович Таганцев* (1843–1923) был избран почетным членом Академии наук в 1917 году. Окончив юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, он защитил здесь же магистерскую диссертацию («О повторении преступлений», 1867) и в звании приват-доцента был допущен к чтению лекций по уголовному праву. Через три года Н. С. Таганцев представил к защите докторскую диссертацию («О преступлениях против жизни по русскому праву», 1870), после чего был назначен экстраординарным профессором кафедры уголовного права и судопроизводства, через год – ординарным профессором. В течение нескольких месяцев в 1873 году Н. С. Таганцев исполнял обязанности декана юридического факультета. В 1882 году Н. С. Таганцев был уволен из университета, но через три года вновь был избран его почетным членом.

Н. С. Таганцев читал лекции в Императорском Александровском лицее и в Императорском училище правоведения, где его преемником по преподаванию уголовного права впоследствии стал известный юрист и общественный деятель В. Д. Набоков. В разные годы Николай Степанович принимал участие в работе комиссий о тюремном образовании, для составления проекта нового Уголовного уложения, для составления предварительных предположений о пересмотре проекта Финляндского уголовного законодательства (председатель), для пересмотра судебного законодательства. На протяжении многих лет Н. С. Таганцев занимал должность почетного мирового судьи по Санкт-Петербургу. По свидетельствам современников, «он всегда был готов

¹ Дьяченко Е. Д., Елкина Н. Н. Академик Михаил Александрович Дьяконов – председатель Постоянной библиотечной комиссии Академии наук // Библиосфера. 2016. № 4. С. 46, 48–49.



Титульный лист
фундаментального труда
Н. С. Таганцева
с дарственной надписью
Ю. Э. Янсону



Представление ректору
Петроградского университета
декана юридического факультета
о приглашении Н. С. Таганцева
и А. Ф. Кони преподавателями
на факультет.
1918 год // ЦГИА СПб. Ф. 14.
Оп. 2. Д. 1146. Л. 11

прийти на помощь мировому съезду по всем возникающим вопросам. И съезд с чутким вниманием относился к словам знаменитого криминалиста. По просьбе мирового съезда, который обратился к министру юстиции, его портрет работы художника Б. М. Кустодиева был установлен в зале распорядительных заседаний мирового съезда»¹.

Основные труды сенатора, члена Государственного совета Н. С. Таганцева – «Курс русского уголовного права» (1874–1880), «Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая» (вып. I–IV, 1887–1892, 1895),

¹ Мацнева Н. Г., Яцук Е. А. Императорский Санкт-Петербургский университет и судебная реформа Александра II. С. 20.

«Уложение о наказаниях» (1873), «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (1875) – актуальны до сих пор. Его «Курс русского уголовного права» отличается ясностью и стройностью изложения научных концепций, их разработанностью, привлечением обширной иностранной научной литературы по теме, а также обстоятельностью и детальностью, что сближает его с монографией. «Лекции по русскому уголовному праву» стали итогом двадцатилетней преподавательской деятельности Н. С. Таганцева. В основе издания – литографированные записи лекций, которые были сделаны студентами в университете и в Училище правоведения.

Идее справедливости Н. С. Таганцев оставался верен до конца своих дней. В январе 1918 года в связи с избранием почетным академиком он писал неперемennomу секретарю Российской академии наук С. Ф. Ольденбургу: «Торжество кривды в борьбе... – это временное, преходящее, а торжество правды – это незыблемое, вечное; в этом смысл и сущность бытия»¹.

Почетный академик РАН, профессор Таганцев, «разделяя традиционное понимание уголовного права... стоял на защите законности, выступал против произвола, трагически поразившего его самого на закате жизни...»².

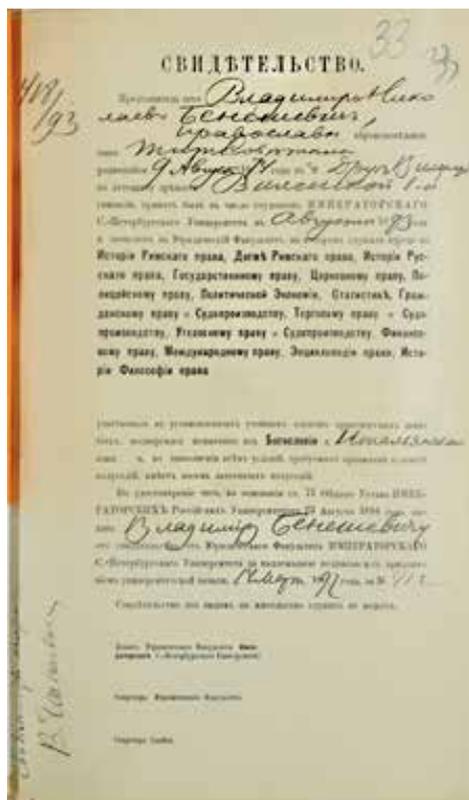
Выдающийся историк права, византинист, специалист в области церковного (канонического) права, профессор Петроградского (позже Ленинградского) университета *Владимир Николаевич Бенешевич* (1874–1938) был ученым с мировым именем и трагической судьбой. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета стал учеником заслуженного профессора по кафедре церковного права М. И. Горчакова. В автобиографии В. Н. Бенешевич рассказал, как это произошло: «В 1898 г., приехав на вакации в Санкт-Петербург, я обратился к профессору церковного права в Санкт-Петербургском университете М. И. Горчакову с просьбой оставить меня на его кафедре. Этот шаг был вызван давнишним интересом к вопросам церковного устройства и к существованию церкви под влиянием Л. Н. Толстого и впечатлений от пребывания моего в качестве старосты гимназической церкви, а в Санкт-Петербургском университете от изучения церковного права

¹ Цит. по: *Прохоров В. С.* Николай Степанович Таганцев // Правоведение. 1993. № 4. С. 64.

² Там же.



Портрет В. Н. Бенешевича
из личного дела студента
Петербургского университета //
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30020. Л. 2



Свидетельство об окончании
юридического факультета
Петербургского университета,
выданное В. Н. Бенешевичу
23 августа 1884 года // ЦГИА СПб.
Ф. 14. Оп. 3. Д. 30020. Л. 33

я получил впечатление, что это – область науки, совершенно неразработанная в отношении греческой и русской церковей и требующая как раз знания языков и истории, к чему я еще в гимназии особенно тяготел»¹.

Несколько лет В. Н. Бенешевич пробыл за границей, посещая занятия иностранных профессоров и работая в библиотеках Германии и Италии, где изучал канонические рукописи. В 1905 году В. Н. Бенешевич защитил

¹ Из автобиографии В. Н. Бенешевича, написанной в феврале 1937 года. См.: Шапов Я. Н. Полный текст «Автобиографии» В. Н. Бенешевича // Византийский временник. 2005. Т. 64 (89). С. 338.

магистерскую диссертацию «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви», а в следующем году при поддержке отделения русского языка и словесности Академии наук вышло продолжение его магистерского исследования – «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований». Успешная защита докторской диссертации на тему «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика» состоялась в Московском университете в 1914 году.

В Петербургском университете В. Н. Бенешевич работал в 1906–1922 и в 1934–1937 годах. Он читал лекции по церковному праву на юридическом факультете, по истории Византии и греческой палеографии на историко-филологическом, а «в 1912–1914 годах при его участии вышло четыре выпуска „Очерков по истории Византии“, изданных Студенческим издательским комитетом при историко-филологическом факультете Университета. „Опыт хрестоматии по истории Византии“, целью которого было „служить интересам как учебным, так и научным, тесно связанным друг с другом в университетском преподавании“, объединил переводы нескольких зарубежных работ по политической и культурной истории Византии, византийским историкам и хронистам. Переводы были выполнены студентами, сам ученый выступил редактором перевода, а также редактором издания в целом»¹.

После смерти М. И. Горчакова в 1911 году В. Н. Бенешевич занял кафедру церковного права, в 1918 году стал ординарным профессором университета. Уйдя из университета, в 1920-е годы Владимир Николаевич сосредоточился на работе в Академии наук СССР (АН СССР). Особенно активно он работал в Русско-византийской комиссии (товарищем председателя, затем ученым секретарем), был членом многих ученых обществ: Российского Палестинского, Русского Археологического и др. В. Н. Бенешевич принимал участие в работе над изданиями «Христианский Восток», «Русский исторический журнал», «Русская наука», «Наука в России», «Византийский временник».

В. Н. Бенешевич – дважды лауреат Уваровской премии ИАН, член-корреспондент РАН (с 1924 года, отделение исторических наук и филологии, по разряду исторических наук (история)), член-корреспондент Страсбургской, Баварской, Прусской академий наук.

¹ Яцук Е. А., Мацнева Н. Г. Владимир Николаевич Бенешевич: «Смысл всей моей жизни – византиноведение» // Санкт-Петербургский университет. 2019. № 4. С. 56.

С 1925 по 1937 год с перерывами В. Н. Бенешевич работал в Публичной библиотеке (ныне – Российская национальная библиотека), где занимался описанием коллекции греческих рукописей и организовал фотокабинет для копирования уникальных изданий¹. В ноябре 1928 года В. Н. Бенешевич был арестован по обвинению в шпионаже, а позднее – по «Академическому делу». Освободившись из заключения в 1933 году, В. Н. Бенешевич продолжил научную работу, но, как оказалось, ненадолго.

Жизнь этого выдающегося универсанта и правоведа оборвалась 27 января 1938 года: он был расстрелян. Поводом для ареста и вынесения смертного приговора послужило немецкое издание его докторской диссертации. В. Н. Бенешевич дал согласие на публикацию за десять лет до издания, однако вышла книга в период, когда в Германии уже был установлен фашистский режим. Он был реабилитирован и восстановлен в правах члена-корреспондента Академии наук в 1958 году².

Доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, крупнейший специалист в области гражданского права *Анатолий Васильевич Венедиктов* (1887–1959) учился на экономическом отделении в Санкт-Петербургском Политехническом институте императора Петра Великого. Там он приобрел не только экономические знания, но и основательную подготовку по юридическим наукам, изучив такие предметы, как энциклопедия права, история русского права, общая и особенная части гражданского права, государственное право, административное, торговое, международное, уголовное, процессуальное, крестьянское право³. Затем А. В. Венедиктов окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где слушал лекции профессоров Д. Д. Гримма (курс «Догма римского права»), Л. И. Петражицкого (курс «История философии права»), А. Х. Гольмстена (курс «Гражданское судопроизводство»), В. Н. Бенешевича (курс «Церковное право») и др.⁴

С 1916 года Анатолий Васильевич занимался преподавательской деятельностью в Петроградском политехническом институте императора

¹ Бенешевич Владимир Николаевич [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека: сайт. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=21 (дата обращения: 02.11.2024).

² Яцук Е. А., Мацнева Н. Г. Владимир Николаевич Бенешевич. С. 57.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56583. Л. 7–8.

⁴ Там же. Л. 18–21.



*Бюст А. В. Венедиктова
в галерее академиков
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Учитель и ученик:
А. В. Венедиктов и Ю. К. Толстой*

Петра Великого, Ленинградском Плановом институте Министерства культуры СССР, Ленинградском финансово-экономическом институте, Ярославском и Петроградском университетах (на факультете общественных наук, в который тогда был преобразован юридический и другие гуманитарные факультеты). Помимо этого, он работал в Институте экономических исследований Народного комиссариата финансов СССР, Институте советского строительства и права Коммунистической академии, преобразованном затем в Институт права АН СССР, во Всесоюзном институте юридических наук. В 1936 году без защиты диссертации по совокупности научных трудов президиум АН СССР присвоил А. В. Венедиктову ученую степень доктора юридических наук¹.

Ученик А. В. Венедиктова известный цивилист, академик Юрий Кириллович Толстой вспоминает, что его учитель неоднократно

¹ Об этом см. также на с. 161–188 наст. изд.

баллотировался в члены-корреспонденты Академии наук: «И вот когда были объявлены очередные выборы, мы решили, что Венедиктов вполне заслуживает того, чтобы баллотироваться в академики, минуя стадию член-корра. Расчет оказался правильным. Хотя конкуренты у Анатолия Васильевича были сильными, причем все они уже были член-коррами (в их числе Голунский и Строгович), прошел Венедиктов. Правда, ему повезло. В то время существовало отделение экономики, философии и права. Академики-экономисты (в их числе Островитянов, Струмилин, Немчинов) хорошо знали Венедиктова по работам и отдавали ему должное. На отделении он прошел единогласно, что предрешило и его избрание на общем собрании»¹. А. В. Венедиктов был избран академиком Академии наук по отделению экономических, философских и правовых наук (право) в 1958 году.

Научные исследования А. В. Венедиктова всегда отличались широтой охвата и глубиной анализа. Его научные выводы имеют важнейшее значение не только для гражданского права, но и для других отраслей права и исторической науки, а исследования на стыке юриспруденции и экономики по-прежнему актуальны. Достоинствами его работ являются привлечение архивных материалов и анализ законодательства и судебной практики зарубежных стран: Англии, Германии, Франции, Италии, США. Многие положения, которые он теоретически обосновывал в своих трудах, нашли отражение в советском законодательстве.

В перечне работ заслуженного деятеля науки РСФСР, заведующего кафедрой гражданского права, декана юридического факультета ЛГУ А. В. Венедиктова такие крупнейшие работы, как «Правовая природа государственных предприятий» (1928), «Договорная дисциплина в промышленности» (1935), «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР» (1954), «Организация государственной промышленности в СССР» (Т. 1–2, 1957–1961), «Правовое положение совнархоза и подведомственных ему предприятий» (1959). В 1949 году фундаментальный монографический труд А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» получил Сталинскую (Государственную) премию II степени, а также премии Академии наук и Ленинградского государственного университета.

¹ Толстой Ю. К. Из пережитого. 8-е изд., доп. М.: Проспект, 2018. С. 218.



Диплом лауреата Сталинской премии А. В. Венедиктова.

1949 год

Из архива Санкт-Петербургского государственного университета

О том, что позволило его учителю сделать столь успешную научную карьеру, Ю. К. Толстой пишет так: «А. В. Венедиктов был, несомненно, одарен от природы ярким и самобытным талантом исследователя, глубоким, пытливым умом. Без этих качеств он никогда не стал бы тем, чем он был и остается в отечественной и мировой науке. Но одних этих качеств, если к ним не приложен повседневный, преодолевающий все препятствия на пути к цели, поистине титанический труд, еще недостаточно, чтобы из юноши, избравшего науку уделом своей жизни, постепенно выработался выдающийся ученый. (...) Труд действительно составлял для него первую жизненную потребность. Неизвестно, когда он отдыхал. Вот и сейчас: воочию вижу его сидящим за письменным столом в рабочем кабинете, заставленном книгами. Книги всюду: на полках до самого потолка, в книжных шкафах, на столе, стульях. Анатолий Васильевич в синей рабочей блузе склонился над рукописью. Он поднимает голову, и я вижу его добрые, все понимающие глаза, зорко и немного лукаво смотрящие из-под косматых седых бровей...»¹.

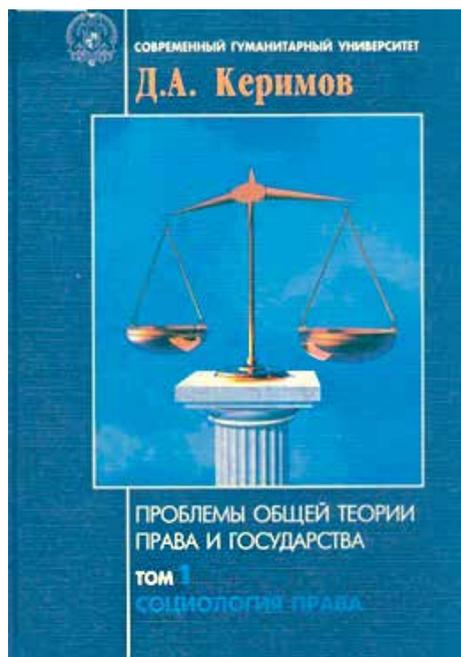
¹ Толстой Ю. К. Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Правоведение. 1976. № 1. С. 81–82.

Выдающийся теоретик права, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии и премии А. Ф. Кони *Джангир Аббасович Керимов* (1923–2015) в 1946 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт, в 1950 году – аспирантуру Ленинградского юридического института, в 1956 году – докторантуру Института государства и права АН СССР. В 1951–1954 годах он заведовал кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского юридического института, а после его присоединения к юридическому факультету ЛГУ – той же кафедрой в Ленинградском университете (до 1959 года). В 1960-х годах Д. А. Керимов – проректор университета и директор Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований ЛГУ.

С 1966 года Д. А. Керимов – член-корреспондент АН СССР (после 1991 года – РАН) по отделению общественных наук (секция философии, социологии, психологии и права), академик АН Азербайджанской



*Бюст Д. А. Керимова
в галерее академиков
Санкт-Петербургского
государственного университета*



*Обложка первого тома работы
Д. А. Керимова
«Проблемы общей теории права
и государства»*

СССР, иностранный член Сербской академии наук и искусств, Финской академии наук и литературы, Черногорской академии наук и искусств.

С 1970 года в течение двадцати лет Д. А. Керимов возглавлял кафедру государственного строительства и права в Академии общественных наук при ЦК КПСС, затем работал в РАН. Также он занимался общественной деятельностью: был народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР (1989–1991).

К ленинградскому периоду относятся такие работы Д. А. Керимова, как «Законодательная деятельность советского государства: основные принципы и организационные формы» (1955), «Обеспечение законности в СССР» (1956), «Свобода, право и законность в социалистическом обществе» (1960), «Кодификация и законодательная техника» (1962). Профессор Д. А. Керимов одним из первых начал исследовать возможности и проблемы использования компьютерной техники в сфере управления и права.

В московский период им были написаны труды «Общая теория государства и права: предмет, структура, функции» (1977), «Конституция СССР и развитие политико-правовой теории» (1979), «Культура и техника законотворчества» (1991), трехтомник «Проблемы общей теории права и государства» (2001–2003), в котором теория права и государства была представлена как «...сложный, разнородный по своей структуре симбиоз, включающий в себя три основные части. Первая – социология права, творческими усилиями которой создается грандиозная символическая картина государственно-правового бытия. Это – онтологическая часть, отражающая объективное состояние соответствующей реальности, ее развитие, изменение и совершенствование. Вторая – философия права, сосредоточенная на проблемах диалектики, гносеологии и логики правовой жизни. Она методологически обслуживает как саму теорию права, так и все без исключения отраслевые юридические науки. Наконец, третья – учение о государстве, сфокусированное на анализе имеющих свою специфику явлений и процессов, происходящих в сфере собственно государственной»¹.

¹ Савенков А. Н. Джангир Аббасович Керимов – человек, ученый, гражданин // Государство и право. 2023. № 7. С. 42. См. также: Д. А. Керимов. Человек, ученый, гражданин / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2023.

2000-е годы

- Ю. К. Толстой** – действительный член Российской академии наук по отделению общественных наук, секция философии, политологии, социологии, психологии и права (с 2003 года).
- В. А. Мусин** – член-корреспондент Российской академии наук по отделению общественных наук, секция философии, политологии, социологии, психологии и права (с 2008 года).
- Н. М. Кропачев** – член-корреспондент Российской академии наук по отделению общественных наук, секция философии, политологии, социологии, психологии и права (с 2019 года); член президиума Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный профессор Санкт-Петербургского университета, доктор юридических наук, современный классик юридической науки *Юрий Кириллович Толстой* (род. в 1927 году) – один из крупнейших отечественных ученых-юристов. Окончив школу с золотой медалью, в 1945 году он поступил на юридический факультет ЛГУ, а в 1950 году продолжил обучение в аспирантуре. В 1953 году Ю. К. Толстой защитил кандидатскую диссертацию на тему «Содержание права социалистической и личной собственности и некоторые вопросы его гражданско-правовой защиты в СССР», а в 1970 году после проведенной в стране кодификации – докторскую диссертацию на тему «Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965)».



*Академики
Ю. К. Толстой и В. А. Мусин.
2010-е годы*

26 апреля 1990 года постановлением Верховного Совета СССР профессор Ю. К. Толстой был избран в Комитет конституционного надзора СССР, где работал до самороспуска комитета в конце 1991 года.

Более 25 лет Ю. К. Толстой был заместителем главного редактора научно-теоретического журнала «Правоведение», более 10 лет – членом экспертного Совета Высшей аттестационной комиссии по философии и праву. Ю. К. Толстой является членом Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации.

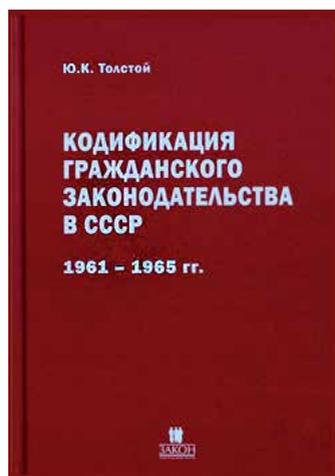
В 2000 году Ученый совет СПбГУ выдвинул Ю. К. Толстого кандидатом в члены-корреспонденты РАН по специальности «Право». Его избрание спустя более сорока лет после смерти А. В. Венедиктова восстановило представительство ленинградской (петербургской) правовой школы в Академии наук. В 2003 году Ю. К. Толстой стал действительным членом РАН по отделению общественных наук (секция философии, политологии, социологии, психологии и права).

Перу Ю. К. Толстого принадлежит более 200 научных трудов, в том числе более 20 монографий по гражданскому и жилищному праву, теории права. Он один из основных авторов и соредатор всех изданий учебника по гражданскому праву кафедры гражданского права СПбГУ, на котором воспитано не одно поколение юристов. Исследования Ю. К. Толстого, посвященные теории правоотношения, сущности юридического лица, проблемам реализации права государственной собственности, конструкции права оперативного управления, вопросам кодификации гражданского и жилищного законодательства, широко обсуждаются не только юристами, но и экономистами, социологами, политологами и историками. Многие его концепции и разработки послужили основой создания новых научных направлений, нашли закрепление в законодательстве¹.

Значительное внимание Юрий Кириллович уделяет истории юридической науки и образования, в том числе творчеству своего учителя А. В. Венедиктова, с которым его, несмотря на определенные концептуальные расхождения в исследовании гражданского права, объединяет

¹ Ю. К. Толстой принимал активное участие в законопроектных работах, в том числе в подготовке основ гражданского законодательства СССР и республик 1991 года, законов о собственности СССР и РСФСР, первой и второй частей Гражданского кодекса Российской Федерации, Жилищного кодекса Российской Федерации и др.

*Обложка опубликованной в 2022 году
диссертации Ю. К. Толстого
на соискание ученой степени
доктора юридических наук.
Издание осуществлено при поддержке
его учеников И. В. Елисева, А. А. Иванова,
Д. А. Медведева*



любовь к науке, требовательность к себе и забота об учениках. Научные труды, профессиональный опыт и гражданская позиция Ю. К. Толстого дают основание тысячам юристов считать его учителем в жизни и профессии, а государству – отмечать его заслуженными наградами.

Ю. К. Толстой – полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», лауреат премии Правительства Российской Федерации.

Почетный профессор СПбГУ, член-корреспондент РАН *Валерий Абрамович Мусин* (1939–2015) известен как эрудированный ученый, востребованный специалист в области международного частного права, арбитража и гражданского процесса, а также как руководитель научной школы и талантливый педагог. После окончания ЛГУ в 1964 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Понятие юридического лица». С 1967 года В. А. Мусин начал работать в ЛГУ, перейдя туда из Центрального научно-исследовательского института морского флота, где он занимался вопросами международного морского права, морской торговли и коммерческой практики. На кафедре гражданского права ЛГУ В. А. Мусин прошел все ступени преподавательской карьеры от ассистента до профессора, защитил докторскую диссертацию («Договор морского страхования по советскому и иностранному праву: страхование судов и грузов», 1976).

С 1989 года и до конца жизни В. А. Мусин возглавлял кафедру гражданского процесса СПбГУ. Он входил в состав Ученых советов СПбГУ и юридического факультета университета.



*Бюст В. А. Мусина
в галерее академиков
Санкт-Петербургского
государственного
университета*

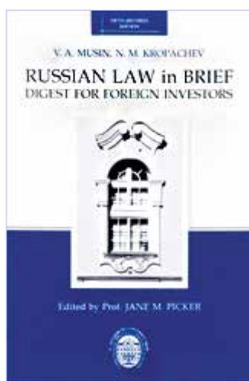


*Памятный альбом,
посвященный профессору В. А. Мусину
(подготовлен по материалам
одноименного фильма С. Холошевского
с разрешения АО «Телекомпания НТВ»*

В разные годы В. А. Мусин являлся советником Конституционного Суда Российской Федерации, председателем Третейского суда при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате, арбитром Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, арбитром Арбитражного института при Стокгольмской торговой палате. Он принимал участие в работе Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном суде Российской Федерации, Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа, Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы от России.

В его многочисленных научных работах исследовались важные для национальной правовой системы аспекты теории и практики морского права, в том числе страхования, морской атомной деятельности (ядерные суда), международных торговых контрактов и др. Как юрист и ученый В. А. Мусин получил признание не только на родине –

Обложки совместной работы
В. А. Мусина и Н. М. Кропачева
(издания на английском
и китайском языках)



в качестве приглашенного профессора он преподавал в ряде американских университетов и в Гагской академии международного права¹. В 2006–2009 годах В. А. Мусин занимал должность судьи *ad hoc*² в Европейском суде по правам человека.

В 2008 году В. А. Мусин был избран членом-корреспондентом РАН по отделению общественных наук (право), возглавлял Санкт-Петербургский филиал Института государства и права РАН. Он был награжден орденом Почета, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Имя Валерия Абрамовича Мусина носит Центр развития энергетического права и современной правовой науки в Москве. В 2018 году Ассоциацией юристов России учреждена премия имени этого выдающегося российского ученого-юриста. Первым лауреатом премии стал Николай Михайлович Кропачев.

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор *Николай Михайлович Кропачев* (род. в 1959 году) был избран членом-корреспондентом РАН в 2019 году по отделению общественных наук (секция философии, политологии,

¹ Лекции, прочитанные в Гааге, были опубликованы. См.: *Musin V. A. The influence of the international sale of goods convention on domestic law including conflict of law (with specific reference to Russian law) // Recueil des cours. T. 342 (2009). Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. P. 9–76.*

² *Ad hoc* (лат.) – буквально: «к этому». Термин «судья *ad hoc*» в международном праве используется для обозначения члена (судьи) Международного Суда ООН, который назначается государством – стороной в конкретном деле, рассматриваемом судом, и исключительно для данного дела.

социологии, психологии и права). Он является членом бюро этого отделения, а также входит в состав президиума Санкт-Петербургского отделения РАН.

Н. М. Кропачев – выпускник юридического факультета ЛГУ. В 1984 году он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Уголовные правоотношения», в 2000 году – докторскую диссертацию на тему «Механизм уголовно-правового регулирования». Весь преподавательский путь ученого связан с кафедрой уголовного права ЛГУ–СПбГУ, которой он заведовал с 2000 по 2011 год.

В сферу научных интересов Н. М. Кропачева входят вопросы уголовного права, криминологии, теории права, образовательного права, проблемы использования русского языка в качестве государственного и разработка нормативно-правового обеспечения государственной языковой политики. Эти темы нашли свое отражение в более чем 150 публикациях.

Более трех десятилетий продолжается деятельность Н. М. Кропачева в области развития юридического образования в России. В университете он возглавлял специальный факультет по переподготовке кадров по юридическим наукам (1992–1998), был деканом юридического факультета (1998–2010), занимал должность первого проректора (2006–2008). С 2008 года Н. М. Кропачев – ректор СПбГУ.

Значительны по масштабам научно-экспертная и общественная деятельность Н. М. Кропачева. Он исполняет обязанности председателя Ассоциации ведущих университетов России, Совета ректоров вузов Северо-Западного федерального округа, входит в состав различных профессиональных ассоциаций, советов, комиссий, в частности является членом Научно-экспертного совета при Министерстве



Обложки ряда книг Н. М. Кропачева, изданных в последние годы под его редакцией и в соавторстве



*Ректор Санкт-Петербургского государственного университета
Н. М. Кропачев на открытии выставки к юбилею университета
в Министерстве юстиции Российской Федерации 8 ноября 2024 года.
Фото с сайта Министерства юстиции Российской Федерации*

юстиции, Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки, членом президиума Совета по науке и образованию при Президенте Российской Федерации, председателем межрегионального отделения по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», членом президиума этой организации. В 2000–2005 годах Николай Михайлович занимал должность председателя Уставного суда Санкт-Петербурга.

Вклад Н. М. Кропачева в науку, подготовку юридических кадров и активная общественная деятельность отмечены орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (2024). Среди других его наград – орден благоверного князя Александра Невского III степени, медаль «300 лет Российской академии наук», медаль Михаила Сперанского, медаль имени А. Ф. Кони. Он является лауреатом премий Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации

в области образования, лауреатом премии «Юрист года» в номинации «Юридическая наука и образование».

Юридическую научную школу Санкт-Петербургского государственного университета XXI века отличает бережное отношение к ученым дореволюционного и советского периодов. Разрабатывая новые научные направления, проводя исследования по актуальным вопросам юридической науки (правовое регулирование в области искусственного интеллекта, бизнеса, спорта, русского языка как государственного языка Российской Федерации, информационных правоотношений, прав человека и др.), преподаватели СПбГУ развивают научное наследие своих учителей и предшественников, передают своим ученикам все лучшее из опыта российской и мировой науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевский И.* От издателя // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 1–6: История российских гражданских законов. СПб.: тип. Э. Праца, 1857–1859. Т. 1. 1857. С. V–XX.
- Анисимов О. В.* «Лучшими мечтами души мы жили в университетских стенах» // Санкт-Петербургский университет. 2024. № 5. С. 49–52.
- Георгиевский П. И.* Профессор Юлий Эдуардович Янсон, как ученый и как общественный деятель: речь проф. П. И. Георгиевского, произнесенная в торжественном заседании Русского общества охран. нар. здоровья, посвященном памяти Юлия Эдуардовича Янсона, 13 марта 1893 г. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1893. 8 с.
- Д. А. Керимов. Человек, ученый, гражданин / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2023. 688 с.
- Диспут М. А. Дьяконова // Исторический вестник. 1900. Т. LXXIX. С. 1225–1226.
- Дьяконов, Михаил Александрович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук: в 2 т. Пг.: тип. Имп. Акад. наук, 1915–1917. Т. 1: А–Л. 1915. С. 275.
- Дьяченко Е. Д., Елкина Н. Н.* Академик Михаил Александрович Дьяконов – председатель Постоянной библиотечной комиссии Академии наук // Библиосфера. 2016. № 4. С. 46–50.
- Ивановский И. А. М. М. Ковалевский: [некролог] // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг.: тип. Б. М. Вольфа, 1916.*

- Кони А. Ф. М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. Пг.: типо-лит. акц. о-ва «Самообразование», 1916. 19 с.*
- Коркунов Н. Редкин, Петр Георгиевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894: [в 2 т.]. Т. 2: М–Я. СПб.: Тип. и литогр. Б. М. Вольфа, 1898. С. 155–168.*
- Материалы по истории Санкт-Петербургского университета, 1917–1965: обзор архив. док. / под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 280 с.*
- Мацнева Н. Г. На службе обществу и людям // Санкт-Петербургский университет. 2019. № 3. С. 50–54.*
- Мацнева Н. Г., Яцук Е. А. Императорский Санкт-Петербургский университет и судебная реформа Александра II: историко-правовой очерк. СПб.: ЛЕМА, 2020. 34 с.*
- Прохоров В. С. Николай Степанович Таганцев // Правоведение. 1993. № 4. С. 63–64.*
- Савенков А. Н. Джангир Аббасович Керимов – человек, ученый, гражданин // Государство и право. 2023. № 7. С. 31–43.*
- Таубе М. А. Ф. Ф. Мартенс (1845–1909): некролог. СПб.: Сенат. тип., 1909. 16 с.*
- Толстой Ю. К. Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Правоведение. 1976. № 1. С. 80–90.*
- Толстой Ю. К. Из пережитого. 8-е изд., доп. М.: Проспект, 2018. 528 с.*
- Щапов Я. Н. Полный текст «Автобиографии» В. Н. Бенешевича // Византийский временник. 2005. Т. 64 (89). С. 335–342.*
- Яцук Е. А., Мацнева Н. Г. Владимир Николаевич Бенешевич: «Смысл всей моей жизни – византиноведение» // Санкт-Петербургский университет. 2019. № 4. С. 55–57.*

Научное издание

**РОССИЙСКИЕ ЮРИСТЫ
В ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

(к 300-летию Российской академии наук)

Сборник научных трудов

Редакторы: *Н. М. Казимирчик, Н. И. Новикова*

Дизайнер обложки: *Ю. В. Гребнева*

Технический редактор: *Г. А. Филичева*

Корректоры: *С. В. Николаева, Н. И. Фишкина*

Подписано в печать 25.12.2024. Формат 70 × 90 ¹/₁₆.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 22,08. Тираж 30 экз. Зак. № 151.

ISBN 978-5-6052442-0-2



9 785605 244202

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3



www.prlib.ru